
AVION
AIR MAIL
PER VIA AEREA
PAR AVION
WASHINGTON, D.C.
NOV 27
2 30 PM
1940
7
«Мой дорогой, старинный,
но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»
ПИСЬМА ХУДОЖНИКОВ К Д.Д. БУРЛЮКУ
Вступительная статья и примечания
Владимира Полякова

PENALTY
POSTAL CARDS CITY
POST CARDS

GRUNDRISSE

«Мой дорогой, старинный,
но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»

«Мой дорогой, старинный,
но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»

Письма художников к Д.Д. Бурлюку

Вступительная статья и примечания
Владимира Полякова

GRUNDRISSE 2018

Издательство выражает признательность
за помощь в подборе иллюстративного материала
Татьяне Гармаш, Ольге Тептяевой и Ильдару Галееву

Составление и подготовка текста:
Надежда Гутова, Владимир Поляков

Перевод фрагментов писем,
написанных на английском:
Анна Жук

Вёрстка: Марина Гришина
Корректор: Екатерина Шиварова

Содержание

Письма художников в архиве Давида Бурлюка

Обширный архив «отца русского футуризма», передававшийся им, начиная со второй половины 1950-х годов, в рукописный отдел Ленинки, целиком и полностью сформировался в Америке. В судьбе Бурлюка он стал третьим по счёту. Первый архив был переправлен в 1913 году из Таврической губернии в подмосковное Михалёво, где Бурлюк приобрёл добротный двухэтажный дом, а затем, два годя спустя, в Кунцево. Здесь, на небольшой деревянной даче, были складированы библиотека, собрание картин и графических произведений, включавшие в себя работы, подаренные Кандинским, Ларионовым, Гончаровой, Явленским и Францем Марком, коллекция скифских и древнегреческих артефактов, привезённых из Чернянки, семейный архив, и, наконец, рабочий архив самого Бурлюка, включавший в себя выставочные и издательские материалы, в том числе и рукописи Хлебникова. На протяжении трёх последующих лет, во время своих приездов в Москву художник навещал кунцевскую дачу и сюда же им переправлялись картины для московских выставок. Тут-то и увидел один из его «натуралистических пейзажей» Малевич, снимавший расположенную по соседству дачу, которую Бурлюк называл «цитаделью» непримиримых футуристов[1].

После бегства Бурлюка из Москвы в апреле 1918 года содержимое кунцевской дачи было оставлено на попечение Булычёвых — новых жильцов, которым Бурлюк, хотя и с перерывами, но ещё некоторое время продолжал переводить деньги. Сестра Надежда, оказавшись в 1927 году в Москве, писала в Америку, что «дачи вернуть нельзя ни в коем случае», а «Додины картины и кое-что из старины увезено инженером Яровым в Москву на 9 подводах»[2]. «Инженер Яровой» — это известный фотограф, редактор «Вестника фотографии», Николай Яровов. Именно он поздней осенью 1923 года по просьбе Бурлюка отправился в Кунцево.

За эти 3 дня я работал там только на чердаке и всё разобрал и отсортировал. Сколько хороших вещей пришло в негодность! Сколько порвано картин! Сколько уничтожено стар. книг. Страницы вырваны десятками. Ни одной книги с автографами мне пока не попалось. <...> На картинах вершка 2 куриного помёта, а низы ящиков гниют от коровьего и свиного навоза и сырости[3].

Понятно, что архив в таких условиях спасти было невозможно. Разыскивая картины, Яровов обнаружил «много рис. углем, подарки Ваших друзей, меццо-тинто, офорты, японск. грав.»[4]. Что же касается писем, то далее он сообщает: «Ваши семейные письма читались всеми на даче. Я их побросал в печь — когда находил»[5].

Картины Яровов смог перевезти в Москву, и у Бурлюка появилась надежда, что он сможет хотя бы часть из них переправить в Нью-Йорк с собиравшейся тогда И. Грабарем выставкой русской живописи. Однако по каким-то причинам этого сделать не удалось — то ли Яровов опоздал, то ли Бурлюк не успел отправить деньги на уплату вывозной пошлины. Перед своим отъездом в Южную Америку Яровов сдал находившиеся у него бурлюковские полотна на хранение в Дом печати на Никитском бульваре. В дальнейшем Бурлюк через многих знакомых пытался выяснить их судьбу, но безрезультатно. В конце 1920-х годов их передали в Государственный музейный фонд, и впоследствии они пополнили собрание столичных и многих провинциальных музеев.

Второй по времени архив возник во время пребывания семьи Бурлюка в Башкирии в 1915–1918 годах. Здесь, в бугульминских степях, недалеко от железнодорожной станции Буздяк, у отца жены Бурлюка Маруси был свой дом. Однако Бурлюк снял для своей семьи большую крестьянскую избу. Спешно покидая в сентябре 1918 года захваченную войсками чехословацкого корпуса Башкирию, Бурлюк даже не пытался ничего вывезти — ни картины, ни какие-либо документы. Некоторое время они продолжали храниться в буздякском доме. Большинство картин впоследствии было распределено по музеям и народным домам республики. Директор Губернского музея Юлий Блюменталь писал Бурлюку, что в общей сложности через его музей прошло 107 полотен художника — едва ли не половина из всего написанного им в Башкирии. Архивные материалы, скорее всего, как и в Москве, пропали или были сожжены. Удивительным образом до нас дошло одно письмо Малевича. Отправленное в ноябре 1915 года на станцию Иглино, под Уфой, где тогда находился Бурлюк, оно сохранилось в фонде Матю-

шина в Пушкинском доме. По всей видимости, письмо переслал ему сам Бурлюк, в качестве своеобразного подтверждения нежелания коллег выставлять его работы. В одном из более ранних писем Матюшину Бурлюк уже жаловался на то, что его не позвали на Первую футуристическую выставку «Трамвай В»[6].

Письмо Малевича было ответом на просьбу Бурлюка об участии в готовившейся выставке «0,10». В нём он наставительно сообщал Бурлюку, «что у нас выставка очень крайнего направления»[7] и «пейзажи натуралистические», а те, которые он увидел на кунцевской даче, там не могут быть выставлены.

Бурлюку было не привыкать к такого рода отношению к себе коллег. Ларионов — бывший соратник по первым авангардным выставкам — тогда же категорически заявляет, что «точек, общих с Д.Д. Бурлюком»[8] у него нет. Подобное отношение ещё больше усугублялось наметившимся в искусстве художника того времени явным поворотом вправо, «в сторону натуры». Период «бури и натиска», когда он вместе с другими футуристами с упоением «бросал» с парохода современности признанные авторитеты, оказывался позади. Для современников это лишний раз подтверждало давно уже высказывавшиеся в адрес художника обвинения во всеядности и беспринципности.

Однако сам Бурлюк совсем не считал своё новое искусство шагом назад. Наоборот, в нём он увидел возможность выхода за рамки уже утратившего элемент новизны кубофутуристического шаблона, своеобразное средство против схематизма, «к каковому пришёл футуризм, доведённый до крайней своей цели, благодаря своей отвлечённости»[9]. Раньше многих других Бурлюк понял опасность подчинения индивидуального чувства догме. «Я принимаю всякое искусство, — любил повторять художник, — даже попытку на искусство; классицизм, реализм, импрессионизм, декаденство, кубизм, футуризм; но творчество индивидуальное»[10].

Открытость Бурлюка к тому, что выходит за рамки собственных или групповых установок являлась уникальной в авангардной среде. Ларионов был открыт всем мыслимым влияниям — от заборных рисунков до персидской миниатюры. Но вот оценить творчество своего коллеги по группе, в особенности, если тот начал привлекать внимание публики или критики — нет, лидерские амбиции не позволяли ему этого сделать. Конкурент немедленно подвергался обструкции и изгонялся из коллектива, как это поочередно произошло с Татлиным и Малевичем.

Бурлюк же, номинально оставаясь лидером «Гилеи», на первый план всегда выдвигал не своё искусство, но — Хлебникова и Маяковского. Да и в отличие от «текучести кадров» у Ларионова, состав бурлюковской группировки долгое время оставался неизменным благодаря его умению примирять между собой столь разные творческие индивидуальности, каковыми являлись, скажем, Лившиц и Кручёных.

Способность к творчеству, по Бурлюку, являлась единственным и достаточным основанием «прикосновенности к искусству». Фактически он первым отказался от абсолютизации любых формальных схем, какими бы новаторскими они ни считались в данный момент. Ларионов и Малевич пришли к этому позже.

С позиции нашего сегодняшнего знания исторического пути авангарда нельзя не заметить и определённой иронии судьбы в том, что «поворот» Бурлюка по-своему предвосхитил и возврат самого Малевича в конце 1920-х годов к фигуративному искусству. Соответственно, тон его писем к Бурлюку, уже находившемуся к тому времени в Америке, резко поменялся. Надеясь с его помощью устроить выставку у нью-йоркской меценатки Катрины Дрейер, Малевич ёрничает, вспоминает былых друзей, обещая заехать «на осле в Париж к Ларионову и Гончаровой, а там как-нибудь и к вам в New-Y. заеду с ослом, может быть, впустите»[11], а затем требует поторопиться с отправкой виз.

Оба письма Малевича дошли до нас в составе «американского» архива Бурлюка. Из более чем двухсот находящихся там писем различных художников они единственные, которые были опубликованы (если не считать фрагментов нескольких писем Бориса Григорьева). Но странным образом их просительно-требовательная интонация служит неким камертоном для всех остальных писем. А ведь среди их авторов такие разные, непохожие друг на друга художники, как Судейкин, Леблан, Масютин, Лентулов, Сорин, тот же Григорьев.

Если вспомнить ахматовское сравнение отправителей с зеркалами, в которых по-разному отражается облик адресата, то можно сказать, что «в ста зеркалах», находящихся в бурлюковском архиве отразились в первую очередь сами адресаты, их облик, привычки, место жительства и пр. Отражение самого адресата, если и возникает на поверхности этих зеркал, то лишь для того, чтобы через минуту исчезнуть: «как супруга, дети?», — и всё...

Собственно, именно такое положение дел в эпистолярной части бурлюковского архива — малоинформативное для чистого бурлю-

коведа — как раз и заинтересовало составителей этого сборника. Собранные вместе эти столь отличные друг от друга «осколки», к тому же невероятно разбросанные хронологически (20–60-е годы XX века) и географически (Россия, Германия, Франция, Италия, Америка), оказались способны выстроиться в объёмную круговую панораму целой эпохи. Бурлюк в данном случае оказывается лишь точкой схода разнонаправленных судеб и событий. В его характере была одна черта, довольно редко встречающаяся в художническом сообществе. При всех претензиях на собственную значимость, при всей своей страсти к саморекламе, он в любую минуту был готов оказать поддержку собрату по искусству.

Именно эта чисто человеческая готовность оказать помощь, сочетавшаяся у Бурлюка с искренним интересом к другому художнику — не только к его личности, но и к его искусству, зачастую кардинально отличавшемуся от бурлюковского, — и может объяснить нам особую интонацию большинства писем архива. Их авторы с готовностью делятся с художником своими проблемами, просят поддержки, помощи. Конечно, немаловажную роль играло и «местоположение» адресата. Ведь среди русских эмигрантов Бурлюк был единственным крупным художником, который сразу же выбрал не традиционные Берлин или Париж, а Америку. В сознании многих русских миф о неминуемой преуспеваемости каждого, чья нога ступит на землю этой страны, всегда соседствовал с прочным убеждением в её абсолютной культурной отсталости. Так что даже если бы Бурлюк ничего не предпринимал, всё равно для его коллег, остававшихся в Москве, Ленинграде, Казани, Харькове и Уфе, он бы являлся примером того, как в Америке художник даже со «средними способностями» может добиться успеха. А ведь Бурлюк не просто «предпринимал». Довольно быстро он познакомился с известным художественным критиком Кристианом Бринтоном, который представил его упоминавшейся уже Катрин Дрейер, основательнице художественного общества *Société Anonyme*.

В Америке 1920-х годов эта была единственная институция, занимавшаяся собиранием и пропагандированием авангардного искусства. Немка по происхождению, Дрейер поддерживала тесные контакты с берлинской галереей Вальдена и со многими представителями Баухауза, что давало ей возможность оперативно показывать новейшие образцы европейского искусства. В марте 1924 года сразу же после экспозиции, на которой работы русских беспредметников — Э. Лисиц-

кого, А. Древина, Н. Габо и К. Медунецкого соседствовали с произведениями Пикассо и Брака, она показала первую в Америке персональную выставку Бурлюка. Не было ни одной рецензии, где бы ни упоминались знакомые нам по известному портрету Николая Фешина серьга с зелёным камнем в ухе и пёстрый жилет, в котором художник явился на вернисаж. Ставшие уже привычными для зрителей от Златоуста до Владивостока, в Нью-Йорке эти аксессуары были восприняты как новшество. Через находившегося в Америке Сергея Конёнкова об успехе выставки стало известно в Москве. Да и сам Бурлюк, как только чуть встал на ноги, развернул широкую издательскую деятельность. Брошюры, которые выходили под маркой издательства Марии Никифоровны Бурлюк, посылались в Россию не только старым знакомым, но и в библиотеки, музеи и научные институты. Художница Вера Ермолаева, служившая в ГИНХУКе, жаловалась в письме к Ларионову, что Бурлюк буквально «забрасывает институт книжками собственного сочинения, переплетёнными шнурками с кисточками, где первую страницу он от руки красит краской цветочками, и посвящает книгу жене, и говорит, что он радио-футурист и что дровосек, когда рубит дрова, имеет много рук». Далее следует весьма характерная добавка: «Из этого ясно, что Америка вредна!»[12]

На всех бурлюковских книжечках стоял адрес издательства — 2116, Harrison avenue, который являлся адресом его квартиры в Бронксе. Таким образом, все желающие могли связаться с художником напрямую. Собственно, этот адрес мы и видим написанным рукой Малевича на конверте, сохранившемся в архиве вместе с двумя письмами. Поскольку ответные письма Бурлюка до нас не дошли, неясно, кто был инициатором возобновления переписки. Возможно, первым написал Малевич, нашедший адрес художника на обложке его изданий, либо получивший адрес от Матюшина. В матюшинском, более раннем по времени письме, содержится характерная приписка: «Малевич, директор, здесь же живёт постоянно и шлёт Вам свой привет». Но инициатором мог быть и сам Бурлюк, активно вербовавший русских художников для участия в выставках *Société Anonyme*.

С предполагавшимися выставочными проектами так или иначе связан блок писем второй половины 1920-х годов — один из самых ранних в архиве. Помимо питерцев, членов ГИНХУКа, в него входят письма москвичей — Лентулова, Леблана, Кузьмина — и киевлян — Пальмова, Голубятникова и Тарана. Московские художники в первую очередь были

озабочены судьбой своих собственных работ, участвовавших в художественном разделе огромной Художественно-кустарной выставки, проходившей зимой 1929 года в Нью-Йорке. Конечно, всех волновала возможность продажи картин, поскольку художественный рынок в России едва теплился. Кто-то, как Лентулов, напрямую обращается «с просьбой помочь мне в деле продажи моих работ, которые представлены на выставке», правда, при этом, сообщая массу интересных сведений о московских покупателях, о похоронах Якулова и о проходившей в Москве французской выставке[13]. Михаил Леблан[14], напротив, действует тоньше. Зная, что Бурлюк устроился в редакцию выходившей в Нью-Йорке ежедневной русскоязычной газеты «Русский голос», он предлагает ему для воспроизведения свои работы. Из его небольшой открытки также можно понять, что Бурлюк не оставлял надежду показать свои американские работы в Москве. Приводим текст открытки целиком:

> 1928 г. 5-го октября
>
> Здоровы<?> Как живёте за морем?! Я Вам очень-очень благодарен за Ваш подарок — литературные труды и за репродукции — очень хорошо. Я тут же послал Вам благодарственное письмо, но ответа не получил; потом ещё писал в феврале месяце относительно Вашего участия на Выставке в Москве и тоже не получил ответа. Спасского очень давно не вижу. Теперь пишу Вам, кстати, т. к. мы сорганизовали и послали в Нью-Йорк выставку картин и кустарную вместе, которые откроются у вас в декабре месяце. И Вы не забудьте помянуть нас добрым словом. Если Вам будет надо что из моих 4-х картин снять и поместить в Вашем журнале, то можете это сделать. Переговорите с нашим представителем относительно присылки Ваших картин на выставку в Москву. Я не знаю, кто поедет. Ну, пока до свидания
>
> Ваш М. Леблан[15]

Из текста трудно понять о какой московской выставке идёт речь. Возможно, предполагалось участие Бурлюка в выставке художников творческого объединения «Жар-цвет», куда входил Леблан. Не исключено также, что работы Бурлюка должны были участвовать в Выставке художественных произведений к 10-летнему юбилею Октябрьской революции, открывшейся в Москве в начале 1928 года.

Упомянутый в открытке Женя Спасский — талантливый художник, ещё юношей, по совету Бурлюка проучившийся сезон в студии Леблана

и сопровождавший потом Бурлюка в его знаменитом «сибирском» турне. Пять его писем конца 1920-х годов заметно выделяются своей интонацией. Общее «буздякское» прошлое предполагало не только искреннюю заинтересованность в судьбе адресата, но и располагало к откровенности. Видимо, поэтому в посланиях Спасского есть что-то от дневниковых записей, позволяющее почувствовать становление подходящего к своему 30-летнему порогу художника.

Близкая интонация отличает и письма Виктора Пальмова, ещё одного спутника Бурлюка по дальневосточному, а затем и японскому турне. Женатый на свояченице Бурлюка, он долгое время жил вместе с его семьёй, но так и не решился уехать в Америку. После расставания с Бурлюками Пальмов возвращается в Россию, сначала в Читу, затем перебирается в Сергиев Посад, и к 1925 году оказывается в Киеве, где становится во главе живописного отделения Художественного института. Ему Бурлюк также предлагает принять участие в выставочной деятельности *Société Anonyme* и, видимо, исключительно благодаря энтузиазму Пальмова работы трёх киевских художников — Пальмова, Голубятникова и Тарана попадают в Нью-Йорк. Пальмовские композиции после выставки были куплены К. Бринтоном, в то время как работы Павла Голубятникова привлекли внимание самой учредительницы общества. По её инициативе на выставке общества, проходившей в 1928 году в *Art Council Gallery* в Нью-Йорке под названием «Ручей» была показана картина художника «Купающийся мальчик». Вторая его работа — «Натюрморт с блюдцем» — настолько тронула Дрейер своей магической иллюзорностью, что была приобретена ею для собственной коллекции. В конце ноября 1928 года деньги за натюрморт были пересланы Бурлюком Голубятникову со словами благодарности и восхищения от новой владелицы. К сожалению, нынешнее местонахождение обеих картин до сих пор не установлено.

Помимо пальмовских писем в архиве сохранилась ответная записка Голубятникова:

> Многоуважаемый Давид Давидович!
> На днях получил Ваше письмо с Вашей фотографией. Очень благодарен за внимание. Мне очень приятно, что эта маленькая вещица «Блюдечко» доставляет удовольствие miss Katherine Dreier. Надеюсь выслать в скором времени Вам снимки с моих работ. В этом сезоне, кроме Вашего города, я принимал участие на выставке в Венеции[16], а также по СССР. В Киевской академии[17] моя работа протекает в направлении поста-

новки дисциплины цвета, где я являюсь инициатором и председателем этой секции. Много работаю над проблемою пространства в живописи. Целый ряд работ, на которых я сейчас остановился, дадут новые шаги в этой области. Вы спрашиваете у меня, имею я или нет каталог с выставки *Société Anonyme*. Нет, к сожалению, Вы мне не прислали. Относительно второй вещи «Купающийся мальчик» на доске, я хотел бы пожелать за неё не менее 75 (семьдесят пять) дол., всё же, что Вам удастся набавить сверху, считаю Вашим процентом. Пришлите, если можете, каталог выставки *Société Anonyme*, и, если есть, матерьялы.
С глубоким уважением к Вам, Павел Константинович Голубятников.

Киев. 1928. 14/XII[18].

Денежные расчёты за проданные работы велись через Бурлюка и на письмах всегда содержатся его или Марусины аккуратные пометки об отправке денег автору. В начале 1930-х годов переводить деньги из-за границы напрямую частному лицу стало затруднительно и приходилось изыскивать иные способы. Показателен фрагмент из письма вдовы Пальмова:

М.-б., Вы могли бы предложить картину Виктора, которую он вместе с художником Голубятниковым переслал Вам? Я была бы не только благодарна, а просто обязана. Деньги можно переслать: Киев, Торгсин — это у нас специальный магазин, где на иностранную валюту можно приобрести продукты[19].

В этом же письме, кстати, содержаться интересные свидетельства того, как воспринимались издания Бурлюка местной литературно-художественной средой:

Вы даже не представляете с каким удовольствием читаются Ваши журналы, буквально нарасхват. И теперь, когда я появляюсь в доме литературы[20], публика осаждает меня — что нового прислали Вы?[21]

Помимо печатной продукции Бурлюк также сумел переправить на родину несколько своих живописных и графических работ. В Москве, правда, контакты с музеями установить не удалось — сказывалась давняя неприязнь к нему Игоря Грабаря. Лишь на одной из выставок группы «13» были показаны американские рисунки Бурлюка. И, словно в отместку столичным музейщикам, художник подарил нескольким украинским музеям свои новые работы, в том числе и выполненные во время пребывания в Японии. Три картины сохранились в Киевском

Национальном музее, и пять — в Днепропетровском. Сохранилась и обширная переписка с художниками и музейными деятелями Харькова, Херсона и Днепропетровска.

Другой крупный блок писем в архиве Бурлюка связан с русскими художниками, проживавшими в Европе. Здесь также даёт о себе знать отличительная черта бурлюковского собрания — соединение в одном пространстве имён знаменитых, малознакомых и полностью забытых.

Бесспорно, в этой части архива выделяется группа писем Бориса Григорьева. Давний знакомый Бурлюка, он, в отличие от московских и питерских художников, часто и подолгу бывал в Нью-Йорке. Прекрасно знал условия жизни Бурлюка, поднимался в его квартиру на шестом этаже в доме на Харрисон авеню, где, по словам Маяковского, не водилось «ни мягких кресел, ни белья, ни столового серебра»[22]. Бывал и на съёмных, всегда холодных квартирах Манхэттена. Однако в письмах, которые он отправлял Бурлюку с виллы на юге Франции, мы тщетно будем надеяться найти расспросы о его житье-бытье. Абсолютная погружённость в себя, в свои бытовые проблемы, которые подобно надоедливым мухам отвлекают от главного — вот что, прежде всего, бросается в глаза, когда знакомишься с письмами Григорьева. Жалобы на кредиторов, на необходимость срочно уплатить налог на недвижимость — Бурлюку, который фиксирует в дневнике как важное событие каждый заработанный доллар, на который можно будет починить одежду сыновьям! — перемежаются в них с восхищением только что написанной картиной.

Внутреннее напряжение, максимальная концентрированность внимания, без которых Григорьев не мог бы создавать свои шедевры, требовали разрядки. Собственно, всё его «заграничное» существование было подчинено занятиям живописью. Всё, что оказывалось между этими занятиями — отношения с женой, устройства выставок, выбивание денег из покупателей — всё это проходило в каком-то лихорадочном ритме. Во время этих «жизненных промежутков» и писались обычно послания Бурлюку, в которых просьбы незаметно переходили в требования и стенания. В какие-то моменты начинает казаться, что перед тобой один из героев Достоевского:

> А деньги пришлёшь? Попытайся, а я что могу для тебя тоже сделаю. В рассрочку продавать неплохо, но с условием, если платят аккуратно, иначе пахнет Уругваем, там мне должны около $ 2.000, и не вижу денег. Ах, Додя, так и помрём без удовлетворения всякого. А жить хочется. Какие бывают девчоночки, а без денег очень недоступны[23].

И почти в каждом письме чувствуется страшное внутреннее напряжение, часто переходящее в истерику:

> У меня страшно болит душа, как перед страшной болезнью, наверно, скоро помру…
>
> Пусть купят хоть дёшево, не погибать же мне вместе с другими, ведь я не как все другие…
>
> Была Америка (не говорю уже Россия), было Чили, и всё полетело, была слава, куча вещей, всё пошло прахом <…> Голова кружится, из-под носа вынут у меня клочок земли, дом, кровью добытый, чтобы спрятаться от сволочи людской…[24]

Бурлюк — свой, перед ним можно не притворяться, и, безусловно, чисто человечески Григорьев испытывал к нему симпатию. Правда, такие признания в письмах встречаются нечасто, да и те не лишены лёгких колкостей:

> …ценю тебя очень, ты это знаешь, и плюю в рожи тому, кто к тебе плохо относится.
>
> Я очень тебя люблю и твою человеческую скромность, и твои художественные несуразности, впрочем, всегда талантливые[25].

Во время наездов Григорьевых в Нью-Йорк Бурлюки часто с ними виделись. После одного из визитов в гостиничный номер, где остановился Григорьев с женой, Маруся записала в дневнике:

> …он — буря песочная — безденежье… обрушивается гневом на его плачущую жену. «Ну, если в семье есть нянька, проработавшая 25 лет… её уважают и никуда не гонят, — глотая слёзы, говорит Елизавета [Григорьева], — так и мне уже некуда идти, я устала слушать попреки сэндвичами, коврами… что живу здесь барыней, я бы лучше осталась в Париже, мёрзла бы там и шила платья на чужих». Я смотрю на двух старых людей, проживших вместе более 28 лет: верно, устали и надоели друг другу. Они никогда не задумывались об уважении вместе к прожитому времени, о листах прочитанной жизни… северный холодный ветер не раз бил им снегом и дождём в глаза… зачем же сейчас при чужих (мы с Бурлюком) кричать: «дворник» — «мещанка»[26].

Весь эмоциональный накал, вся расхристанность григорьевской души, о которой пишет Маруся Бурлюк, чувствуется уже при первом взгляде

на его письма. Даже не читая их, а лишь следя за орнаментальной вязью самого текста, испещрённого подчеркиваниями, многочисленными вставками и приписками, можно сполна ощутить состояние пишущего эти строки.

Подобный эффект производит и единственное, сохранившееся в архиве письмо Судейкина. Написанное уже больным художником, по-видимому, в последний год его жизни, оно не содержит ни просьб, ни требований. Друзья виделись довольно часто, и надобности в писании писем не было. Тем более по-английски. Этот странный, написанный каллиграфическим, как в школьных прописях, почерком текст воспринимается прямым переводом с русского. И только когда натыкаешься на финальный крик «Жив курилка!», будто вырвавшийся из-под этой груды так и не ставших родными букв, вспоминаешь оброненную Бурлюком фразу о том, что из всех русских художников, перебравшихся в Америку, самая русская внешность была у Судейкина. И почти физически начинаешь ощущать несоответствие внутренней сущности человека и той среды, в которую его забросила судьба.

Перед самой войной Бурлюк оставил службу в редакции, супруги приобрели небольшой дом на Лонг-Айленде, и после войны, как типичные пожилые американцы, они получили возможность путешествовать. Первая поездка в Европу состоялась в 1949 году. Планируя её, Бурлюк попытался разыскать Ларионова, отправив ему маленькую открытку:

> Дорогой старый друг! Подтверди, пожалуйста, получение сей писульки! Ответ пиши сегодня же!!! Судейкин умер три месяца назад[27]. Хочу списаться — узнать об условиях жизни в Arles. Хочу ехать туда писать «по следам Vincent'a»[28]. Привет Нат. Серг. [Гончаровой].
>
> Дружески твой D. Burliuk[29].

Однако на открытке был указан неправильный адрес и только через художника Константина Терешковича, с которым Бурлюк познакомился ещё в 1930-е годы во время приезда последнего в Нью-Йорк, ему удалось связаться, а затем, во время пребывания в Париже, и повидаться со старым другом.

Ларионовские письма — документ не менее выразительный и столь же красноречиво передающий внутреннее состояние автора, как и письма Григорьева и Судейкина. В эти годы Ларионов всё чаще мысленно обращается к прошлому, решая осуществить давно уже вынашиваемую им идею написания книги «об искусстве и наших с Вами

молодых годах». В его письмах Бурлюку слышны отзвуки бесед, которые проходили между ними в эту первую после долгой разлуки встречу. Былые обиды давно забылись.

> У меня исчезло всё старое впечатление, что мы когда-то упорно с тобой спорили. Осталось самое прекрасное воспоминание прежней жизни — и очарование далёкой сейчас Чернянки. Вся прелесть твоей уступчивой улыбки — скорее полуулыбки, немного огорчённой. У тебя это и до сих пор осталось. Для меня ты остался абсолютно <таким>, каким ты был раньше[30].

Конечно, замечание об «уступчивой» полуулыбке Бурлюка, памятной Ларионову с момента их первого знакомства осенью 1907 года, когда, по словам самого Бурлюка, он «увлекся мной и стал мне (и меня) Москву показывать»[31], дорогого стоит. По изяществу выражения и тонкости восприятия личности Бурлюка этот осколочек зеркала, едва ли не единственный в архиве, который отражает самого владельца.

Помимо Бурлюка в ларионовских письмах постоянно возникает имя его брата Владимира — глубоко оригинального художника первой волны русского авангарда, творчество которого и судьба до сих пор остаются непрояснёнными. Бурлюк во всех изданиях упорно придерживался версии, что брат погиб на Салоникском фронте в 1917 году. Но ей противоречат сведения, которые мы находим в первом письме Ларионова о том, что он не смог увидать Владимира, когда тот был, видимо, в конце 1910-х годов, во Франции:

> Я получил от него письмо — даже два, но должен был уезжать в деревню и не смог увидать[32].

Имя Владимира также встречается нам в письмах Ивана Загоруйко — забытого представителя русской школы живописи в Позитано. Уроженец Екатеринославля, он, после разгрома Белой армии, осел в этом тихом и труднодоступном в те годы местечке на Амальфийском побережье. Постепенно здесь образовалась небольшая колония русских, в том числе и художников, самым известным из которых стал Василий Нечитайлов. Вместе с Загоруйко эмигрировавший из России в Константинополь, он после войны перебрался в эти места, где прославился своей большой алтарной композицией для собора в Позитано, на которой изображалось чудесное явление основной святыни города — грече-

ской иконы Богоматери. Открытку с репродукцией только что написанной картины Загоруйко отправил Бурлюкам:

16 ноября. Воск. 1958

Дорогие мои друзья! Это последнее творение Нечитайлова. Я уже писал Вам об этой работе. Варюсь, как каштан в кипятке, во всех своих невзгодах. Спасибо Богу и Вам за всё. Бог = батько. Обнимаю крепко, Ваш дядя Ваня. Тихо. Солнце. Черкну скоро. Богатого успеха на выставке![33]

Такие послания могли оказаться только в архиве Бурлюка! Их смысл и ценность совсем никак не связаны с информативностью. Эти несколько открыток и листков прекрасной, ручной выделки бумаги с набранным антиквой именем — IVAN GIOVANNI ZAGORUIKO — в сочетании с почерком и украшениями ребёнка производят неизгладимое впечатление. Невольно вспоминается Ремизов, но здесь нет никакой стилизации и тем более каких-либо хитроумностей и кощунственных перевёртышей. Можно решить, что перед нами юродивый: абсолютная открытость миру, всёприятие и какой-то стихийный пантеизм, позволяющий одушевлять окружающее. Хотя, конечно, юродивым Загоруйко не был. Состояние гармонии с миром и с самим собой ему постоянно приходилось восстанавливать. «Прикосновенность» к творчеству рождала сомнения, в письмах иногда проскальзывает неуверенность в своих силах, но художник тот час же стремится избавиться от неё, «заговорить». Оттого его постоянные обращения к Богу, Солнцу, земле сырой воспринимаются некими заклинаниями, способными рассеять сомнения.

1-го августа, пят. 1958. Позитано

Дорогой и великий Дэви! Настало лето. Жара. Работаю, верю, что будет. Рука дающего да не оскудеет. Когда, быть может, всё оплатится. Застой до самой бездны. Бог = батько. Спасибо до земли сырой. Желаю здравия, успехов в твоей работе вместе с мамой Марусей. Обнимаю крепко. Твой дядя Ваня[34].

В Позитано Загоруйко оказался в конце 1920-х годов. С тех пор, вплоть до его смерти в 1964 году, Бурлюк постоянно ему помогал, как гласят пометки на письмах, «в память брата Володи», с которым тот учился в Пензенском художественном училище и, по-видимому, как-то был связан в дальнейшем. В письмах речь идёт о воспоминаниях, кото-

рые Загоруйко обещал написать, и из контекста можно понять, что его дружба с Владимиром Бурлюком не ограничивалась студенческими годами.

У Загоруйко Бурлюки останавливались во время каждой своей европейской поездки, обычно приходившейся на осень. Зимы они, как правило, проводили во Флориде, а вот остальное время года — у себя на Лонг-Айленде. Со временем Бурлюку удалось убедить переселиться сюда нескольких художников — выходцев из России. Братья Рафаэль и Мозес Сойеры[35] с семьями приобрели летние домики в Хэмптон-Бейс, рядом с жилищем Бурлюков, Циковские поселились по соседству, в Саутгемптоне. На лето сюда приезжали выходец из Армении Аршил Горки[36], бывший киевлянин Иван Домбровский[37], с которым Бурлюк познакомился ещё в Москве, грек Джордж Констан[38]. Так сама собой образовалась группа, получившая название «группа Хэмптон-Бейс». Бурлюк оставался её негласным руководителем, хотя его «руководство» сводилось обычно к решению чисто бытовых и организационных вопросов. К тому же со временем на территории своего участка Бурлюки построили небольшое здание, в котором разместилась их галерея, предназначенная для продажи наезжавшим сюда на лето туристам работ художников «группы Хэмптон-Бейс».

Материалы, связанные с деятельностью группы, довольно многочисленны. Помимо подборки писем и рисунков Николая Циковского, здесь следует также выделить письма братьев Сойеров. К этим документам органично примыкают несколько писем Луиса Лозовика и Макса Вебера[39]. Будучи также выходцами из России, оба они сумели добиться в Америке известности. Интересна ранняя записка Вебера, сохранившая отзвук бесед двух художников о будущем искусства:

> Дорогой мистер Бурлюк! Хочу сердечно поблагодарить Вас за Ваш интересный памфлет, который Вы мне любезно прислали. Уверяю Вас, я понимаю значимость футуризма даже для отдалённого будущего.
>
> С уважением, Макс Вебер.
>
> P.S. Я вложил несколько фотографий с моих ранних работ, которые я пытался создавать в футуристически-кубистском стиле. Многие годы я работал и думал в этом направлении[40].

Но Бурлюк не был бы Бурлюком, если бы рядом с письмами известных художников не находились материалы о мастерах мало кому знакомых или забытых. В «американской» части архива тоже есть свой

«Загоруйко» — Луис Эльшемиус[41]. Так же, как и Загоруйко, получивший профессиональное образование, он сумел сохранить наивную непосредственность восприятия. Его необычные пейзажи и изображения обнажённой натуры Бурлюк открыл для себя сразу же по приезде в Америку.

Способность Бурлюка увлекаться всем новым — не только идеями, но и людьми, не угасла и в последние годы жизни, позволив ему в свой первый после долгого отсутствия приезд в Москву обзавестись новыми знакомыми. Связанные с этой поездкой документы образуют отдельный блок.

На родине художника образцы его позднего творчества были многим известны. Во времена «оттепели» Бурлюку удалось восстановить переписку со старыми друзьями; некоторых он ещё застал в живых во время пребывания в Москве в 1956 году. Всем им он регулярно посылал очередные номера *Color and Rhyme*, а также открытки с воспроизведениями своих американских работ. Однако далеко не все адресаты смогли их оценить. Мнение Корнея Чуковского, «дорогого друга старинного, допотопного», как его величал Бурлюк, которое он написал на одной из присланных открыток, разделялось и частью «допотопных» друзей.

> Всё это самореклама, — и пройдошество. Иногда он, правда, подражает Шагалу, иногда Кандинскому, иногда Пикассо, но собственного лица не имеет и вот уже сорок лет спекулирует именем Маяковского, который, по благородству, был верен друзьям своей юности, даже если ими были Кручёных или Бурлюк[42].

Литераторы редко разбираются в живописном искусстве, поэтому на замечания Чуковского о «подражании» Бурлюка Шагалу и уж тем более Кандинскому можно не обращать внимания, но в его отзыве присутствует оттенок некоторого превосходства удачно вписавшегося в эпоху писателя над своими «несостоявшимися» коллегами. На фоне подобных отзывов, к которым Бурлюк привык настолько, что они его уже не ранили, приятной неожиданностью оказалось внимание молодых художников и к его личности, и к его искусству. В дневнике Маруси сохранилась запись о том, как, войдя в свой номер в гостинице «Москва», они увидели на столе букет тюльпанов — «подарок студентов Художественной академии и Наташи, ей 22 года, — это они сегодня будут натягивать холсты на два подрамника, которые подарил Фальк Бурлюку»[43].

Наташа — это Наталья Касаткина, талантливая, но совсем забытая сегодня художница, тогда учившаяся на театральном отделении Московского художественного училища памяти 1905 года. Студентами, натягивавшими холсты, которые Бурлюк готовил для крымской поездки, были Владимир Слепян и Игорь Шелковский[44]. В архиве сохранилась посланная Шелковским вдогонку уехавшим в Ялту Бурлюкам от имени всей группы небольшая, но исполненная какой-то свежей бодрости записка:

> 30 мая 56 г. Москва
>
> Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович! Мы были очень, очень рады получить вашу открытку. Желаем вам хорошо отдохнуть и поработать. Начинается лето — лучшее время года для нас, целиком посвящаемое свободным занятиям живописью. С этим временем у нас связаны надежды целого года. Ещё раз желаем вам успешной работы и здоровья.
>
> С уважением Наташа Касаткина,
> Володя Слепян, Игорь Шелковский[45].

Конверт письма, написанного Игорем Шелковским от молодых художников Бурлюкам в Ялту. 1956

Тогда же состоялось знакомство Бурлюка с Дмитрием Краснопевцевым, с которым он не только долгое время состоял в переписке, но и обменивался произведениями. Зная об интересе молодого художника к редким раковинам, отправил ему несколько тихоокеанских экземпляров, которые он сам любил рисовать в 1930-е годы. Так, на закате дней Бурлюку суждено было стать своего рода связующим звеном между двумя поколениями русского авангарда.

* * *

Коллекция писем художников в архиве довольно значительна, но её исследование и публикация сопряжена с определёнными трудностями. Дело в том, что письма поступали в Москву в несколько приёмов, разрозненно. Документы от одного и того же корреспондента зачастую хранятся в разных папках. В некоторых случаях сохранились только конверты, например, от одного из писем Малевича или от письма, отправленного известным харьковским художником Василием Ермиловым. Часть писем, остававшихся в доме, за год-два до их смерти была передана Бурлюками в архив Сиракузского университета (штат Нью-Йорк). Тем не менее значительное количество материалов осталось у наследников, и до сих пор ларионовские открытки можно встретить в каталогах антикварных аукционов. К тому же нам остаются неизвестными ответные письма Бурлюка. Всё это заставило составителей в первую очередь сосредоточить своё внимание на тех письмах или группах писем, которые позволяют составить более-менее полное представление об отношениях их авторов с Бурлюком, развивавшихся либо на протяжении нескольких лет, либо на каком-то коротком этапе. Все публикуемые письма хранятся в фонде Бурлюка (ф. 372) в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Владимир Поляков

---

1 Письмо Д.Д. Бурлюка к А.А. Шемшурину от 21 августа 1915 г. НИОР РГБ. Ф. 339. К. 2. Ед. хр. 8. Л. 13.

2 Письмо Н.Д. Безваль к Бурлюкам 1927 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К.10. Ед. хр. 16. Л. 8–8 об.

[3] Письмо Н.В. Яровово к Д.Д. Бурлюку от 16 ноября 1923 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 81. Л. 1–1 об.

[4] Там же. Л. 2 об.

[5] Там же.

[6] См.: *Капелюш Б.Н.* Архивы М.В. Матюшина и Е.Г. Гуро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 14.

[7] Письмо К.С. Малевича к Д.Д. Бурлюку от 26 ноября 1915 г. Цит. по: Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. Т. 1. М.: RA, 2004. С. 75.

[8] Письмо М.Ф. Ларионова к М.В. Матюшину от 8 февраля 1913 г. Цит. по: Русский авангард. Недописанные страницы. Памяти Е.Ф. Ковтуна. СПб.: Palace Ed., 1999. С. 24. Экземпляр «Радио-манифеста», аналогичный описываемому в письме, был также послан Бурлюком в дар библиотеке Румянцевского музея (НИОР РГБ. Ф. 339. К. 7. Ед. хр. 1).

[9] Пояснения к картинам Давида Бурлюка, находящимся на выставке. 1916 г. Москва. Уфа: Печатня Торг. Дома Н.К. Блохин и К., 1916. С. 4.

[10] Каталог выставки картин Д. Бурлюка. Самара: тип. П.Г. Петрова, 1917. С. 4.

[11] См. с. 44 наст. изд.

[12] Письмо В.М. Ермолаевой к М.Ф. Ларионову от 17 июля 1926 г. Цит. по: Авангард, остановленный на бегу. Л.: Аврора, 1989. С. [11].

[13] См. с. 67 наст. изд.

[14] С художником Михаилом Варфоломеевичем Лебланом (1875–1940) Бурлюк был знаком ещё со времён учёбы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

[15] НИОР РГБ. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 17. Л. 1.

[16] На Венецианской биеннале 1928 г. экспонировалась картина Голубятникова «Голова женщины» (сейчас — в Нижнетагильском музее изобразит. искусств).

[17] Голубятников преподавал в Киевском худож. институте с 1925 по 1930 г.

[18] НИОР РГБ. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 59. Л. 1–1 об.

[19] Письмо К.Л. Пальмовой к Д.Д. Бурлюку от 10 мая 1932 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 14. Ед. хр. 13. Л. 1. Капитолина Пальмова — вторая жена художника. С Л.Н. Еленевской, сестрой жены Бурлюка, Пальмов расстался после возвращения из Японии.

[20] Так в тексте.

[21] Там же. Л. 2.

[22] *Color and Rhyme*. 1966–1970. № 66. С. 2.

[23] См. с. 105 наст. изд.

[24] См. с. 106, 107, 110 наст. изд.

[25] См. с. 94, 103 наст. изд.

[26] *Color and Rhyme*. 1960. № 60. С. 90. Запись от 5 января 1935 г.

[27] С.Ю. Судейкин умер 12 августа 1946 г.

[28] Одной из целей поездки было посещение мест, связанных с пребыванием Ван Гога в Арле. См.: Бурлюки М., Д. По следам Ван Гога. Записки 1949 года. М.: Grundrisse, 2016.

[29] Открытка Д.Д. Бурлюка к М.Ф. Ларионову от 8 декабря 1946 г. (по штемпелю). НИОР РГБ. Ф. 372. К. 9. Ед. хр. 3.

[30] См. с. 160 наст. изд. Подчёркивание автора.

[31] Бурлюк Д.Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб.: Пушкинский фонд. С. 29.

[32] См. с. 158 наст. изд.

[33] Открытка И.П. Загоруйко к Бурлюкам от 16 ноября 1958 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 12. Ед. хр. 9. Л. 3. См. ил. на с. 180.

[34] Открытка И.П. Загоруйко Д.Д Бурлюку от 1 августа 1958 г. Там же. Л. 4.

[35] Братья-близнецы Рафаэль (1899–1987) и Мозес (1899–1974) Сойеры, художники, родились в еврейской семье в Тамбовской губернии.

[36] Аршил Горки (Адоян; 1904–1948), художник.

[37] Иван Грацианович Домбровский (Джон Грэхем; 1886–1961), художник.

[38] Джордж Констан (Константопулос; 1892–1978), художник.

[39] Луис Лозовик (1892–1973), художник, критик. Макс Вебер (1881–1961), художник, родился в еврейской семье в Белостоке.

[40] Письмо М. Вебера к Д.Д. Бурлюку от 6 мая 1929 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 26. Ед. хр. 33. Л. 1 (на англ.).

[41] Луис Мишель Эльшемиус (1864–1941), художник.

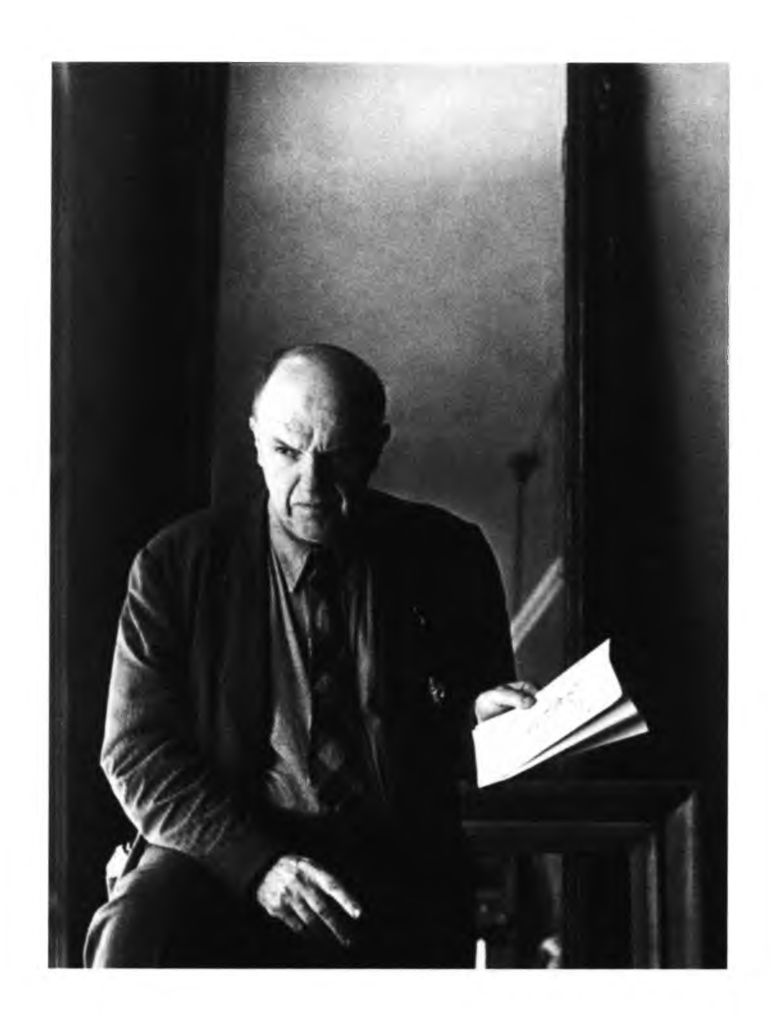
[42] Надпись рукой К.И. Чуковского на открытке, отправленной ему Д.Д. Бурлюком 15 июля 1965 г. (по штемпелю). Там же. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 79. Л. 7.

[43] Бурлюк М.Н. Дневник. Москва. 1956. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 5. Ед. хр. 9. Л. 9–9 об.

[44] Наталья Александровна Касаткина (1932–2012), Владимир Львович Слепян (1930–1998) и Игорь Сергеевич Шелковский (р. 1937), художники.

[45] Письмо И.С. Шелковского к Д.Д. Бурлюку от 30 мая 1956 г. НИОР РГБ. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 72. Л. 1–1 об.

Письма художников к Д.Д. Бурлюку

Давид Бурлюк. Нью-Йорк, 1941. Фото Арнольда Ньюмана

9.

Меня очень заинтересовала чудесная книжка «Маруся Сан». Она напоминает время наших левых изданий. Я был очень тронут Вашим радушным отношением ко мне. Прошу Вас передать Марии Никифоровне мой душевный привет.

* Книге „Its Why and its wherefore" была приложена карточка для меня от М-с Katherine S. Dreier.

Прошу Вас передать ей мою карточку в ответ.

В последнее время я очень плохо себя чувствую переутомился и думаю уйти из Ак. Худ., да и исследовательская работа требует исключительного напряжения.

Очень прошу Вас дорогой Давид Давидович посодействовать мне в Америке, тем меня премного обяжете. Ваш М. Матюшин.

Мой адрес:

Россия, Ленинград, улица Литераторов 19. кв 12.

Я живу здесь уже 15 лет, и насколько я помню Вы бывали по этому адресу, но если Вы предпочитаете официальный, то посылайте на мое имя так: Ленинград, Государств. Институт Художеств. Культуры площадь Воровского. Мне.

Малевич директор и здесь же живет постоянно и шлет Вам свой привет.

Последняя страница письма М.В. Матюшина к Д.Д. Бурлюку. 1925–1926-е

М.В. Матюшин

Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 38. Л. 1.
[1925–1926]*

Меня очень заинтересовала чудесная книжка «Маруся-сан»[1]. Она напоминает времена первых левых изданий[2]. Я был очень тронут Вашей надписью, обращением ко мне. Прошу Вас передать Марии Никифоровне мой душевный привет.

К книге *Its Why and Its Wherefore* была приложена карточка для меня от Katherine S. Dreier[3]. Прошу Вас передать ей мою карточку в ответ.

В последнее время я очень плохо себя чувствую, переутомился, и думаю уйти из Академии Художеств[4], да и исследовательская работа требует исключительного напряжения.

Очень прошу Вас, дорогой Давид Давидович, посодействовать мне в Америке, Вы меня премного обяжете.

Мой адрес: Россия, Ленинград, улица Литераторов, 19, к. 12.

Я живу здесь уже 15 лет, и насколько я помню, Вы бывали по этому адресу[5], но если Вы предпочитаете юридический, то посылайте на моё имя так: Ленинград, Государств. институт художеств. культуры[6], площадь Воровского. Мне.

Малевич, директор, здесь же живёт постоянно и шлёт Вам свой привет.

* Начало письма отсутствует.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ АМЕРИКИ.
(Скетч) рисовал Никиша Бурлюк (младш.) 9 лет.
Impression of America
Sketch by Nicholas Burliuk, age 9.

Фрагмент титульного листа книги «Маруся-сан»

Возобновление переписки Бурлюка с Михаилом Васильевичем Матюшиным (1861, Нижний Новгород — 1934, Ленинград) относится к середине 1920-х гг. Бурлюк регулярно отправлял выпускавшиеся им издания в библиотеку Гос. института худож. культуры в Ленинграде. В сообщениях, приложенных к посылкам, он обращался к руководству института с предложением установления контактов между институтом и обществом *Société Anonyme* (см. примеч. 3 ниже).

[1] *Burlik D.* Маруся-сан. 3-я книжка стихов. Н.-Й.: Шаг, 1925.

[2] Матюшин имеет в виду первые сборники рус. футуристов, к изданию которых оба художника имели непосредственное отношение.

[3] Катерина Дрейер (1877–1952), амер. художница, меценат и коллекционер совр. искусства. В 1920 г. организовала худож. общество *Société Anonyme*, целью которого стало устройство выставок совр. искусства в крупнейших городах США. В течение последующих двадцати лет провела более 80 групповых и персональных выставок, в которых принимали участие многие известные мастера довоенного европейского авангарда. Брошюра *Its Why & Its Wherefore* (N.-Y., 1920), которую упоминает Матюшин, представляла собой манифест общества, выпущенный после его образования.

[4] Матюшин оставил преподавание в Академии художеств в 1926 г.

[5] Старый адрес — Песочная ул., 10. Здесь, на втором этаже деревянного дома в кв. 12 Матюшин жил с осени 1912 г. Бурлюк бывал в этой квартире в 1912–1914 гг. во время подготовки к печати литературно-худож. сб. «Садок судей II» и «Рыкающий Парнас», а также третьего выпуска альманаха «Союз молодежи». С 1923 г. дом, располагавшийся на территории квартала, принадлежавшего Литфонду, стал числиться по адресу — ул. Литераторов, 19.

[6] Институт худож. культуры помещался в Доме Мятлевых на Исаакиевской площади. Прибавку «Государственный» в своём названии получил в марте 1925 г., закрыт в декабре 1926 г., что позволяет определить крайние даты написания письма.

Мой дорогой старинный, но вечно
молодой друг. Давид Бурлюк. Да здравствует новое
искусство, все больше и больше овладевая площадью
старого возстанавливая новые формы.
Очень приятно мне Ваше извещение, о том, что
Новое искусство стало твердой ногой на Американском
Материке и создало музей современной живописи.
Тоже могу и Вас порадовать, что и в нашей
Стране существует два музея живописной культуры, и организуется в бывш. Муз. Алекс. III Наке
Русский музей тоже отдел Новейшей живописи.
Недавно получил извещение, что и в Польше
в Варшаве тоже организуется Музей Нового
искусства на кооперативных началах. Так что
при нашем уже не молодом возрасте приходится
видеть результаты наших усилий.
Я очень рад был бы побывать у Вас но для этого
нужно, чтобы худож. общество меня выписало, тогда
легче приехать. Конечно через Наркоминдел т. Народный
Комиссариат Просвещения тов. Анатол. Васильевича
Луначарского. Тогда я мог бы собрать свои выставки
и показать работу современную. Если Вы мой
старинный друг хотите же, то пусть Вы и Ваше
общество с председателем Катериной Драер хлопочет
за это. Высылайте визу и проч. скорее.
У меня есть много работ и теорий.
Вы пишите в Kwartalnik Modernistów
Warszawa Senatorska 38/13.
Redakcja.
Посылаю Вам свои фотографии
с моделей „Супрематического ордера"
- мотивы новой архитектуры, посылаю
для помещения в журналах японских. Собрать
Музей, могу построить по этому плану
Дворец искусств.

Казимир Малевич
20 Июля 1926.

Предлагаю Вашему обществу Новое искусство
издать мою брошюру 2 печ. листа и 50 клише
„Теория прибавочного элемента в живописи"
Наука. Если принципы получу от Вас
согласие вышлю.
КМ

Письмо К.С. Малевича к Д.Д. Бурлюку от 20 июля 1926 года. Фотокопия

К.С. Малевич

1. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 31. Л. 3 (фотокопии).
[20 июля 1926]

Мой дорогой, старинный, но вечно молодой друг, Давид Бурлюк.

Да здравствует новое Искусство, всё больше овладевая площадь Старого, восстанавливая новые формы. Очень приятно мне Ваше извещение, что Новое Искусство стало твёрдой ногой на Американском Материке и создало Музей современной живописи[1].

Тоже могу и Вас порадовать, что и в нашей стране существуют два Музея Живописной Культуры, и организуется в бывш. муз. Алекс. III (ныне Русский Музей) тоже отдел Новейшей Живописи[2].

Недавно получил извещение, что и в Польше, в Варшаве, тоже организуется Музей Нового Искусства на кооперативных началах[3]. Так что при нашем уже немолодом возрасте приходится видеть результаты наших усилий.

Я очень рад был бы побывать у Вас, но для этого нужно, чтобы худож. общество меня выписало, тогда легче приехать. Конечно через Наркомпрос, т. <е.> Народный комиссариат Просвещения, чер<ез> Анатол. Васильевича Луначарского. Тогда я мог бы собрать своюю выставку и показать работу современную. Если Вы, мой Старинный друг, хотите, то пусть Вы и Ваше общество с президен-

том Катерина Драеер* возьметесь за это**. Высылайте визы и проч. скорее.

У меня есть много работ и теорий.

Выпишите № *Kwartalnik Modernistow*, Warszawa, Senatorska, 38/13. Redakcja[4].

Посылаю Вам свои фотографии с моделей «Супрематического ордера»[5]. Мотивы новой архитектуры, для помещения в журналах, покажите Соврем. Музею[6], могу построить по этому плану Дворец искусств.

Казимир Малевич
20 июля 1926

Предлагаю Вашему обществу Нового Искусства издать мою брошюру 2 печ. листа и 50 клише «Теория прибавочного элемента в живописи»[7]. Научное. Если принцип. получу от Вас согласие, вышлю. К.М.

2. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 31. Л. 1–2 (фотокопии)
[20 сентября 1926]

Дорогой друг Бурлюк!

Сами Вы виноваты в том раздражении, которое было выражено в моём письме к Вам, это совершенно очевидно. Ваше письмо затронуло какие-то струны нервной системы, которые и произвели взрывы.

Получил последнее письмо, оно ничуть не вызвало у меня тех же раздражений, хотя и идёт речь о тех же лицах. Но я полагаю, что эти все раздражения вызваны появлением в изобилии пятен на солнце. Бог-Ярылла <*sic!*> сердится,

* Сохраняем авторское написание фамилии — см. примеч. 3 на с. 39.

** Здесь и далее подчёркивание автора.

вихруясь до темноты, так что на ясном его челе появляются пятна, которые видны учёным астрономам в телескопы.

Я полагаю, что Вы, милый друг, сожгли это моё письмо[8]. Это нужно сделать, чтобы потомство не читало его. Так, образы сравнения мною были ложны, и я попадаю в очень глупое положение.

Милый друг, я очень рад тому известию, что Новое Искусство торжествует, и очень жалею, что не могу принять участия в общей выставке[9], до сих пор, положим, не получил приглашения от доктора Бринтона[10], хотя это очень странно, ибо казалось бы, что у Катерины Драер <*sic!*> есть секретарь, который и мог бы изложить её приглашение меня. Но, очевидно, секретарь и она очень вдумчивы и занятые Люди, ой, нет-нет, я опять начинаю приставать, беру свои слова обратно, они не вдумчивы и не занятые.

Ваше письмо всё же меня примирило, и я полагаю, что вышлю на Ваше имя свои три холста — «Основы супрематического течения», сработанные в 1913 году[11]. Мне думается, что они на этой выставке ещё будут остры. Кроме всего, хотелось бы всё пересказать Вам, что я думаю, что пишу и как мыслю об Искусствах.

Очевидно, что разлука с Вами большая по времени должна накопить много матерьяла об Искусстве. Я всё мечтаю издать их, так очевидно и промечтаешь, а скоро умирать.

Эх, Жизнь, сам ты сломан,
Стул твой сломан,
Встань Берлином
Одень перелину[12].

В Вашем письме мне не ясно, что воспроизвела Катерина Драер в модерническом каталоге «Пильщика». Чей это

пильщик, если это мой, у меня такой был написан, но исчез безвестно, или же это Ваш пильщик?[13]

Спасибо за пересылку «Презенса», интересно какое он будет иметь мнение о моей философии и работах в области архитектурных проблем.

Итак, я «философски» буду относиться к Америке, ибо она ничем не отличается от других стран. Кручёных лопает клопа. А знаете, не забыли ли Школьника Ёсю — умер[14], значит уже сколько наших перешло в материалистическое механическое обращение. Я — тоже: невроз сердечной области. Думаю, весной отправиться за границу.

На осле в Париж к Ларионову, Гончаровой[15], а там как-нибудь и к Вам в New-Y. заеду с ослом, может быть, впустите.

Что значит 5 руб. строка, с клише или без клише, один печат. лист, 40 тыс. букв — это 20 страниц, значит, будет стоить 100 руб.

Дальше, если Ек. Draer интересует библиотека по вопросам Искусства, то у меня есть огромный матерьял для издания, потому полагаю, что этого мало — собирать готовые издания. Нужно и самой издать, тоже думаю, что и у Вас есть, ибо Вы же литератор, к этому и поэт.

Может быть, Вам переслать какую-либо Часть по вопросу об Искусстве, или Вас это дело не интересует? Вы ничего об этом не пишите.

Я послал в Польшу для журнала «Презенс» фрагменты 42 частей, которые они напечатали под общим названием «Мир как беспредметность»[16].

Издавать голые каталоги — это мало, ну что я, в самом деле, ей навязываю. Вышлите каталог, Вы обещали.

Итак, всего хорошего, дорогой друг.

Преданный Вам Казимир Малевич.

20/[?] 26[17]

Казимир Северинович Малевич (1879, Киев — 1935, Ленинград) возобновил переписку с Бурлюком в 1926 г., в преддверии намечавшейся заграничной командировки. В архиве Бурлюка сохранились фотокопии двух его писем; местонахождение оригиналов неизвестно. Впервые опубликованы (с редакторской правкой) М.Н. Бурлюк, см.: *Color and Rhyme*. 1966. № 60. С. 114–115. Научная публикация писем осуществлена И.А. Вакар, см.: Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма, документы, воспоминания, критика / Сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. М.: RA, 2004. Т. 1. С. 176–180.

[1] Малевич имеет в виду выставочную и лекционную деятельность общества *Société Anonyme*, посвящённую мастерам совр. искусства и проходившую в *Société Anonyme Galleries* в Нью-Йорке.

[2] Речь идёт об Отделении новейших течений в Русском музее, которое было образовано ещё в конце 1922 г., однако активизация его выставочной и научной деятельности приходится на 1926 г. Под двумя музеями Малевич имеет в виду Музей живописной культуры в Москве и Музей худож. культуры в Петрограде, на основе которого впоследствии возник ГИНХУК.

[3] По всей видимости, Малевич основывается на сведениях, полученных от своего ученика В. Стржеминского, который вместе с членами группы *Praesens* в это время активно обсуждал идею об организации в Варшаве Галереи совр. искусства.

[4] Имеется в виду первый номер журнала *Praesens* (1926), в котором на польском и частично на французском языках были помещены фрагменты текста Малевича «Мир как беспредметность» (P. 1–2, 34–40), а также репродукции архитектонов (P. 28–29). Перевод на рус. яз. см.: *Малевич К.С.* Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Статьи и теоретические сочинения, опубликованные в Германии, Польше и на Украине. 1924–1930 / Сост., предисл., комм. Г.Л. Демосфеновой. Перевод с польск. А.С. Шатских. М.: Гилея, 1998. С. 36–50.

[5] В архиве Бурлюка фотографии отсутствуют. Видимо, они были аналогичны тем, которые публиковались в *Praesens*, а затем и в харьковском журнале «Нова генерація» (1928. № 2; 1929. № 4).

[6] Малевич имеет в виду руководство общества *Société Anonyme*.

[7] Трактат «Введение в теорию прибавочного элемента в живописи» предполагался для публикации в сб. научных трудов ГИНХУКа, сб. из печати не вышел, но у Малевича находились гранки этой статьи, о кото-

рых он и упоминает в тексте письма. Трактат (в переводе на немецкий) был напечатан в изд.: *Malewitsch K.* Die gegenstandslose Welt. München: A. Langen, 1927.

[8] Местонахождение упоминаемого письма К. Малевича неизвестно. Возможно, Бурлюк его действительно уничтожил или оно не сохранилось по другим причинам.

[9] Имеется в виду Интернациональная выставка совр. искусства в Бруклинском музее (ноябрь–декабрь 1926 г.), подготовкой которой занимался в это время Бринтон.

[10] Кристиан Бринтон (1874–1964), амер. искусствовед, принимал активное участие в организации и проведении рус. выставок в США в 1920–1930-е гг. Собрал обширную коллекцию из работ рус. советских мастеров.

[11] Имеются в виду повторения середины 1920-х гг. с изображением чёрного квадрата, креста и круга (в собр. ГРМ).

[12] Стихи звучат в репликах персонажей пьесы Даниила Хармса «Елизавета Бам» (см.: Хармс Д. Дней катыбр / Сост., вступ. ст., примеч. М. Мейлаха. М.: Гилея, 1999. С. 288), первое исполнение которой состоялось в январе 1928 г. в Доме печати в Ленинграде. Благодарим за подсказку Сергея Кудрявцева.

[13] Речь идёт о «Точильщике» Малевича из собр. *Société Anonyme* (сейчас — Нью-Хейвен, Худож. галерея Йельского университета). Он был показан (и воспроизведен в каталоге) в «русской» секции Интернациональной выставки, посвящённой 150-летию независимости, открывшейся в Филадельфии в июне 1926 г. Бурлюк, видимо, перепутал название, вспомнив по ассоциации свою работу «Пильщик красного дерева» (1921, частн. собр.), где также использован «принцип мелькания».

[14] Школьник Иосиф Соломонович (1883–1926), художник, умер 26 августа.

[15] Малевич обыгрывает название группы «Ослиный хвост», в которую он входил в 1912 г. вместе с Ларионовым и Гончаровой.

[16] См. примеч. 4.

[17] На фотокопии дата обрезана, сохранилась только верхняя часть цифры в знаменателе (окружность), которая обозначает месяц. Учитывая сообщение в письме о смерти Школьника, письмо написано в сентябре (то есть в знаменателе цифра 9).

В.Н. Пальмов

1. Ф. 372. К. 14. Ед. хр. 12. Л. 1–2
[25 сентября 1927]

Дорогой Додичка!

На все твои предложения я согласен. Завтра напишу в Венецианский комитет выставки[1], кроме того, нужно будет послать разрешение нашего Украинского Наркомпроса. Думаю, что дело не затормозится. Работа, понравившаяся Бринтону[2], старая и не совсем качественно удовлетворительная, я сейчас делаю лучше.

Письмо твоё с дачи получил, спасибо. Фотографии повесил перед своим носом для постоянного любования. Хороши ребятки — не узнаешь. Сколько у них заслуг на рукавах, искренне радуюсь за их успехи. Мария Никиф. нисколько не изменилась, а если изменилась, то к лучшему. У тебя немного волосики поредели, не совсем выгодно снялся, я тебя хочу видеть более молодым.

Я летом много работал по живописи: от шести часов утра до темна. Перестарался, хватил удар. Скорая помощь отвезла в больницу, где пролежал две недели. Сейчас лечусь электричеством. Прикладываю один полюс к хвосту, другой — к гриве. Говорят, что это было растяжение сосудов, а не удар.

Теперь я стал осторожен на поворотах. Водочкой не пробавляюсь, девочками тоже не очень, — воздержива-

Давид Бурлюк.
Портрет профессора
В.Н. Пальмова. 1919.
Почтовая открытка *Burliuk art gallery*

С. 49. Письмо В.Н. Пальмова
к Д.Д. Бурлюку от 20 сентября
1926 года

юсь. На днях у меня был худ<ожник> Греков[3], ахровец. Ты с ним учился в Одессе, я дал ему твой адрес, вероятно, скоро напишет тебе. Здесь он знаменит тем, что написал коня тов. Ворошилова. Кончил Академию у Рубо.

Сейчас начинается учебный год. Приступаю к занятиям. Написал несколько вещей к выставке, устр<аиваемой> Главнаукой в Москве[4]. Имею приглашение, явление довольно редкое, особенно для меня, не ахровца.

Летом я ездил по Днепру, ловили рыбу со знаменитым рыбаком проф. Бернштейном[5], помнишь по Ленинграду? Питался окуневой ухой целую неделю. Потолстел. Вообще — толстею, теперь в профиль разницы с тобой не

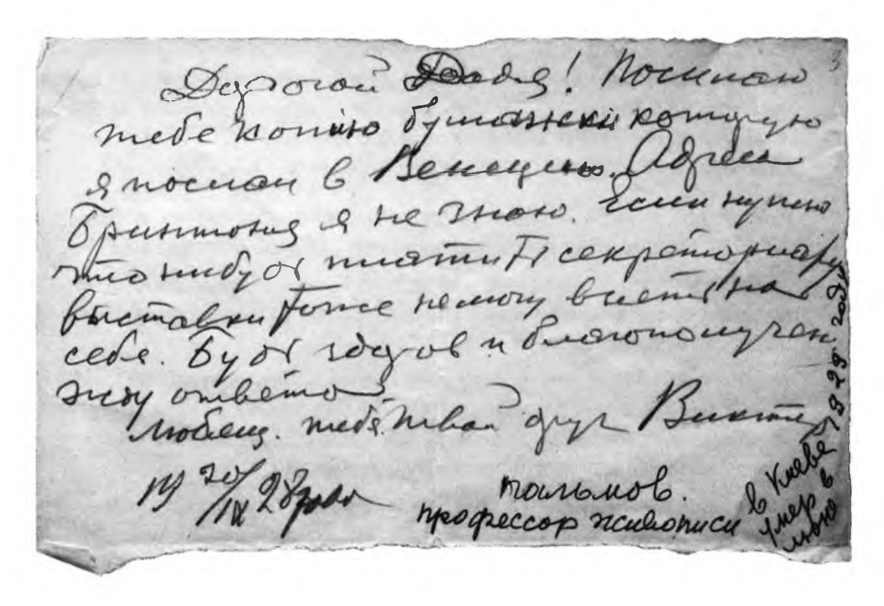
будет. Страшно затрудняюсь с надеванием ботинок, особенно если приходится доставать их из-под кровати.

Проф. Таран[6] и худ. Голубятников[7] страшно тебе благодарны за устройство их работ на выставку[8].

Ты, Додичка, пишешь, чтобы я продал работу за пятьдесят долларов, я согласен, но если можно немного потянуть побольше, было бы неплохо. У нас дороже платят за работы на выставках.

Привет Марии Никифор. и ребятам. Тебя, конечно, крепко обнимаю, по-дружески.

Виктор. 1927 г. 25 сент.

Дорогой Додя! Посылаю тебе копию бумажки, которую я послал в Венецию. Адреса Бринтона я не знаю. Если нужно что нибудь платить секретарю выставки, тоже не могу внести на себя. Будь здоров и благополучен. Жду ответа.

Любящ. тебя твой друг Виктор

19 20/IX 28 года

Пальмов.
профессор живописи
в Киеве умер в июне 1929 год

2. Ф. 372. К. 14. Ед. хр. 12. Л. 3
[20 сентября 1928]

Дорогой Додя! Посылаю тебе копию бумажки, которую я посылал <посылаю?> в Венецию. Адреса <выставкома?> я не знаю. Если нужно что-нибудь платить секретариату выставки, тоже не могу взять на себя. Будь здоров и благополучен. Жду ответа.

Любящ. тебя, твой друг Виктор.
19 20/IX 28 года.

[в конце обоих писем рукой М.Н. Бурлюк:]

Пальмов — профессор живописи в Киеве, умер в июне, <в> 1929 году.

С Виктором Никандровичем Пальмовым (1888, Самара — 1929, Киев) Бурлюк был знаком ещё со времён учёбы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В 1919 г. они встретились во время поездки Бурлюка с семьёй по Дальнему Востоку. Пальмов женился на сестре М.Н. Бурлюк — Лидии Еленевской, и все вместе в 1920–1922 гг. они отправились с выставкой своих картин в Японию.

[1] Имеется в виду Международная выставка (биеннале) в Венеции в 1928 г. Пальмов был представлен на ней работой «Лесорубы».

[2] О К. Бринтоне — см. примеч. 10 на с. 46. Картина Пальмова «Всадники» входила в коллекцию работ Бринотона (сейчас — в Музее изобраз. искусств Филадельфии).

[3] Митрофан Павлович (Борисович) Греков (Мартыщенко; 1882–1934), советский художник-баталист, в 1901–1902 гг. учился в Одесском худож. училище вместе с Д. Бурлюком. В 1911 г. закончил батальную мастерскую Академии художеств по классу Ф.А. Рубо.

[4] Имеется в виду выставка АХРР, посвящённая 10-летию Красной армии (Москва, 1928).

[5] Михаил Давидович Бернштейн (1875–1960), художник и педагог. В 1907–1916 гг. руководил организованной им в Петербурге худож. школой, с 1924 г. преподавал в Киевском худож. институте.

[6] Андрей Иванович Таран (1883–1967), художник, в 1920-е гг. возглавлял мозаичную мастерскую в Киевском худож. институте.

[7] Павел Константинович Голубятников (1892–1942), художник, в 1920-е гг. преподавал в Киевском худож. институте. В архиве Бурлюка сохранилось его письмо от 14 декабря 1928 г. (см. с. 18–19 наст. изд.).

[8] По инициативе Бурлюка на выставке, организованной обществом *Société Anonyme* в Нью-Йорке, были показаны натюрморт А.Ф. Тарана и картина «Ручей» П.К. Голубятникова.

Большое Сибирское турне. На первом плане Давид Бурлюк
и Евгений Спасский. 1919

Е.Д. Спасский

1. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 83. Л. 13–14 об.
[23 (25?) августа 1926–1927][1]

23 (25?) августа

Милый и дорогой Давид Давидович!

Как-то даже странно думать, что хоть на таком далёком расстоянии можно с Вами побеседовать. Всегда вспоминаю Вас с большой любовью и теплотой и очень-очень хотелось бы Вас повидать.

Приезжал сюда Пальмов (давно уже), заходил ко мне и рассказывал многое о Ваших дальнейших приключениях. В прошлом году часто видался и с Кручёных, который давал мне весточки о Вас, в Питере — Липскеров. Теперь хочется самому получить хоть что-нибудь от Вас. Напишите, как живёте, как здоровье Ваше, супруги и деток. Ребята Ваши, наверное, уже совсем взрослые. Я их очень тогда полюбил, и часто вспоминаю, как они расписывали все, вновь выбеленные стены Вашей избушки, ногами выдавливали краску из тюбиков и размазывали её по полу. С удовольствием вспоминаю всю буздякскую жизнь[2]. Теперь, наверное, уже не поёте: «Я зовусь Давидом-принцем и в Буздяке замок мой»[3], а как-нибудь по-другому, не правда ли?

Хоть Вы и говорили, что я специалист «бить баклуши»* — это правда, но давно не приходится заниматься этим

* Он жил у нас в Буздяке, около Уфы (юноша) в 1918 г. Милейший человек. — *Примеч. Д.Д. Бурлюка.*

делом, всё больше примус накачиваешь, занятие тоже требующее большого внимания и небезынтересное. Не часто, но вижусь с Лебланом[4]. Он всегда расспрашивает о Вас и очень интересуется Вашей жизнью. Просил меня в письме передавать Вам самый сердечный привет. Он всё такой же. Весёлый, жизнерадостный и полный какой-то особенной мечтательности и женственности, свойственной ему одному.

Сам что делаю? Пишу, Давид Давидович, пишу во всю. Усиленно и старательно. О себе мне говорить неудобно и совестно, но фотографий со своих работ я не имею, послать не могу сейчас ничего. За это время я добился больших результатов. Вы меня теперь не узнаете. Работаю скромно, выставляться не хочу, хотя приглашают меня в разные общества. И Леблан предлагал вместе с ним принять участие в выставке[5]. Но я решил ещё немного подождать. Это всегда успею сделать.

Жил год в Питере[6], изучал по Эрмитажу старых мастеров. Эрмитаж теперь очень расширился. Теперь чувствую большую потребность и необходимость в заграничной поездке. Нужно непременно побывать в Лувре и в галереях Германии хотя бы. Но пока, сам не знаю, как и когда я смогу это осуществить. Денег проклятых нет, хоть я человек скромный, и нужно не так уж много, рублей 300–400, но и тех никак заработать не могу. Это, впрочем, неважно, лишь было бы желание, а желание большое. Ну, милый Давид Давидович, неужели я Вас больше не повидаю?* Напишите подробно о себе, что думаете, что делаете? Не сердитесь, что до сих пор Вам не писал, просто трудно было раскачаться. А так, помню и люблю Вас, и питаю к Вам большую признательность и благодарность за всё.

* Повидались в 1956 г., вместе писали под Москвой. — *Примеч. Д.Д. Бурлюка.*

2. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 29. Л. 2–3 об.
[1927]*

Адрес мой таков: Москва, Немецкий рынок, Немецкий переулок, д. 5, кв. 1. Евгению Дмитриевичу Спасскому.

Если не будет лень и будет время, напишите всё. Как поживает «Пуантиллина Норвежская»[7]. Если она с Вами, передайте ей от меня привет. Кроме своего постоянного занятия, то есть рисования, занимаюсь самыми разнообразными делами, раньше преподавал в студии, а последний год, не удивляйтесь, работал в Москве, в цирке[8], в качестве режиссёра, а потом и клоуна; в цирке мне предлагают и на этот год работать, но я сам не знаю, ещё буду там или займусь чем-нибудь другим. Очень много берёт сил. А мне хочется в этом году больше налечь на живопись. Живопись для меня единственное утешение в жизни. Можно подумать, что живопись для меня только утеха. Нет, нет, Давид Давидович, это — моя жизнь. Не хочу пугать Вас своей философией.

Всем, всем привет. Целую Вас самым искренним, горячим поцелуем.

Любящий Вас Евг. Спасский.
Москва. 1927

P.S. Мои папа и мама, когда узнали, что я пишу Вам письмо, просили меня передать Вам привет от них и всевозможные хорошие пожелания. Они оба живы и здоровы, и оба служат.

Хлебников Велимир последний год перед смертью жил у меня зиму, месяцев 6[9]. Я его приютил. Сделал с него

* Первая страница письма отсутствует.

моментальный набросок карандашом во время работы[10]. Он очень ко мне привязался и был чрезвычайно откровенен.

Поговорить хочется с Вами о многом, и о живописи, но послание моё и так получилось достаточно длинное, больше мучить Вас не стану. Лучше ещё как-нибудь напишу в следующий раз. А пока желаю Вам ещё раз всего-всего наилучшего.

3. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 29. Л. 1
[23 июля 1928; открытка]*

23/VII

Милый Давид Давидович!

Большое Вам спасибо за книгу Вашу[11].

Я только что вернулся в Москву после большого путешествия. Был за границей. Был в Париже, в Берлине, Дрездене, Кёльне, Льеже, Варшаве, Саксонской Швейцарии и морем, через Штеттин вернулся обратно. Так что полон сейчас всевозможных впечатлений. Обошёл все галереи. Ездил для изучения эпохи Возрождения как немецкой, так и итальянской. А теперь буду работать, усиленно писать. Готовлю холсты. Подолгу особенно нигде не жил, всё больше переезжал, так что адреса постоянного не имел. Поэтому никому не писал, не писал и Вам, так как ответа от Вас всё равно получить не смог бы. Очень хочется повидаться с Вами; может быть, на будущий год что-нибудь и выйдет. Строю планы.

Ну, желаю Вам всего лучшего. Привет всем Вашим.

Ваш Женя Спасский

* Дата приводится по штемпелю.

Милый Давид Давидович! 23/VII
Большое Вам спасибо за книгу Вашу.
Я только что вернулся в Москву после
большого путешествия. Был за-границей.
Был в Париже, в Берлине, Дрездене,
Кёльне, Льеже, Варшаве, Саксонской
Швейцарии и морем через Штеттин
вернулся обратно. Так что полон
сейчас всевозможных впечатлений
Обошел все галлереи. Ездил для
изучения эпохи возрождения, как
немецкой, так и итальянской.
А теперь буду работать, усиленно
писать. Готовлю холсты.
Поэтому особенно нигде не жил
все больше переезжал, так что
адреса постоянного не имел, поэтому
никому не писал, не писал и Вам
т.к. ответа от Вас все равно получить
не смог бы. Очень хочется повидаться
с Вами; может быть на будущий
год, что-нибудь и выйдет.
Ну, желаю Вам всего лучшего. Строю планы
привет всем Вашим. Ваш. Женя Спасс.

Открытка Е.Д. Спасского к Д.Д. Бурлюку от 23 июля 1928 года

4. Ф. 372. К. 25. Ед. хр. 49. Л. 1–2
[30 марта 1930]

30 марта
Москва

Милый и родной Давид Давидович!

Очень Вам благодарен за все книги и все весточки от Вас. Всегда с большой любовью вспоминаю Вас и всю Вашу семью. Много самых дорогих воспоминаний связано с Вами. Как бы мне хотелось видеть Вас и обнять, всегда молодого, бодрого, полного энергии и жизни. Верю, что Вы как-нибудь навестите нас и покажете свои, последних лет, холсты.

Очень был рад получить от Вас книгу Рериха. Прекрасная книга, хорошо издана, чудные иллюстрации, легко и с большим интересом читается[12]. Давал читать её целому ряду художников, а также молодёжи (ученикам бывш. Школы живописи ваяния и зодчества). Все оставались ею страшно довольны.

Особенных новостей пока у нас нет. Сейчас ещё тихо, но скоро уже начнётся весенний сезон выставок. На днях, т.е. 1 апреля — первая ласточка: только что появились на улицах афиши о первой выставке. Выставляется молодёжь «Цех живописцев»[13], из них мало кого знаю. Пойду 1-го на вернисаж. Из Московских живописных новостей, это, пожалуй, и всё.

Сам по-прежнему работаю в театре[14], очень устаю — много работы, а кроме того, дома пишу, пишу и пишу в каждую свободную минуту, но минуток этих остаётся всё меньше, меньше и меньше, а потому я теряю смысл жизни и грущу всё больше и больше.

Ну, крепко, крепко Вас целую и люблю. Всем Вашим привет. Жду вестей и встречи.

Ваш Женя

5. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 29. Л. 4–5 об.
[20 декабря 1930]*

Москва
20.XII. 1930

Дорогой и милый Давид Давидович!

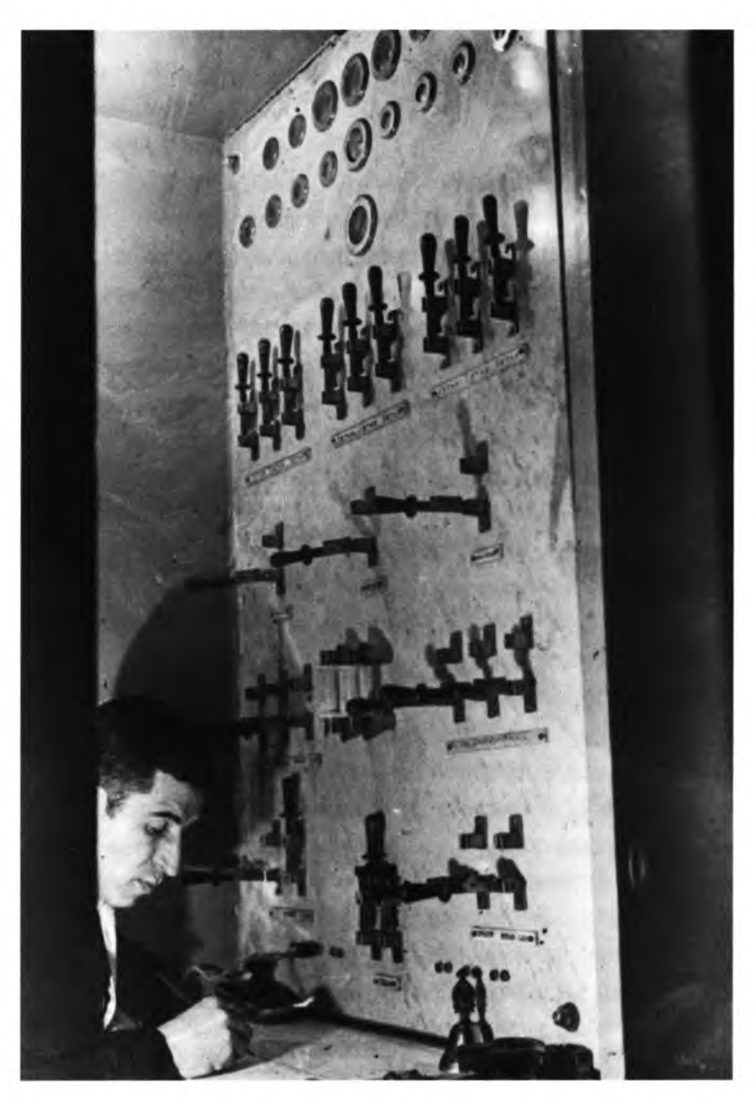
Простите меня, что так давно Вам ничего не писал и не поблагодарил Вас за последнюю Вашу присылку. Всегда рад всяким весточкам от Вас. Вот уже месяца два, как не имею от Вас вестей. Как Вы живёте? Здоровы ли и как идут Ваши дела?

Я только неделю, как вернулся в Москву. Почти месяца два с половиной, как путешествовал, сначала с театром на гастролях[15], а потом с женой[16].

Проехал всё побережье Черного моря, Крымское и Кавказское, до Батума, а потом и весь Кавказ (Тифлис, Баку). Так провёл свой отпуск. Летом работал мало, больше набирался впечатлений, сделал только один портрет, но зато сейчас сижу с 6 утра и до 6 вечера, пока мало занят в театре пишу во всю маслом.

В Тифлисе теперь открыт новый музей местной (восточной) живописи[17], который недавно сорганизован и время от времени пополняется всё новыми и новыми экспонатами. Там есть отдел старой и современной живописи. Представлены персидская, армянская и грузинская живопись. Наиболее оригинальной, интересной и ценной является персидская живопись XV, XVI и XVII веков. Исключительной тонкостью, своеобразным вкусом и живописным мастерством отличаются персидские миниатюры, также оригинальны и занятны и большие холсты, с изображениями танцовщиц и женщин, играющих на таре — это особой формы, старинный персидский инструмент[18].

* Дата приводится по штемпелю.

Евгений Спасский — помощник режиссёра в Театре им. Вахтангова. Конец 1920-х

Армянская живопись пока представлена ещё плохо, так что говорить о ней и судить её нельзя. Грузинская тоже менее интересна и менее оригинальна — заимствована главным образом с Запада или от русских мастеров. Это ещё молодой музей, посмотрим, что он даст через несколько лет.

Теперь о Москве. Дорогой Давид Давидович, если бы Вы сейчас приехали в Москву, то даю Вам слово, что Вы её не узнали бы. Не такой Вы её оставили. Все улицы залиты асфальтом, многие сильно расширены, например, тесная Садовая превращена в широкую чудную улицу. Всё кольцо Садовой неузнаваемо. Проложена масса новых трамвайных и автобусных путей. Всё строится, ремонтируется. И всё это за одно лето. Всё делают главным образом машинами.

Неужели Вам так и не удастся приехать хоть ненадолго погостить. Очень бы хотелось с Вами повидаться и посмотреть Ваши работы последних лет.

В этом году, ранней весной, первого апреля мы собираемся совершить большое турне с театром по Западной Европе. Договор уже подписан и первого апреля мы выезжаем. Будем в Берлине, Париже, Праге, Вене, Риме. Затем посадка на пароход на юге Франции и едем на два месяца, месяц Бразилия и месяц Аргентина. Повезём с собой 7 или 8 разных спектаклей. Сколько пробудем, пока неизвестно, но думаю, не больше 6–7 месяцев[19]. Какой будем иметь успех?? В прошлую поездку имели колоссальный успех в Париже[20]. Всё-таки, сколько я видел театров на Западе, не могу не заметить, что наш русский театр стоит выше всех. Такой высокой культуры наших художественных театров нигде нет. Там в театрах страшная рутина.

Ну, что-то я записался. Не знаю, насколько Вам интересно будет, всё это длинное моё послание читать. Пора кончать и дать Вам покой.

Крепко жму Вашу руку. Всем Вашим привет, Вас же помню и люблю.

Ваш Женя

P.S. Вчера получил Вашу последнюю книгу о Вашем творчестве[21]. Нашёл в ней много знакомых вещей. Очень приятно издана. Очень рад её иметь и благодарен Вам за память. В следующем письме, думаю, прислать Вам несколько фотографий с моих работ, а пока желаю Вам здоровья и благополучия.

Е. Спасский

Пишите мне или по старому адресу, на моих <родителей> или же на театр: Москва. Арбат, 26. Гостеатр им. Вахтангова, мне. Сюда доставляют письма очень аккуратно. Жду.

Евгений Дмитриевич Спасский (1900, Киев — 1985, Москва) познакомился с Бурлюком в Тифлисе 27 марта 1914 г. на поэтическом вечере Бурлюка, Маяковского и Каменского, проходившем в городском театре в рамках знаменитого «турне футуристов». В 1918–1919 гг. принимал участие в лекциях и выставках, которые Бурлюк устраивал во время поездки по городам Сибири.

1 Хранится в папке с письмами, отправители которых не установлены.

2 Перед отъездом из Москвы в конце апреля 1918 г. Бурлюк уговорил Спасского поехать вместе в Башкирию. Там, недалеко от железнодорожной станции Буздяк, у отца Маруси Бурлюк был свой дом. Давид снял для себя и своей семьи большую крестьянскую избу; юный Спасский

жил вместе с ними. Всё лето художники работали на натуре в Буздяке и окрестностях, а с осени отправились в турне по городам Сибири. С Бурлюком Спасский расстался весной 1919 г. в Омске.

[3] Ср. с первыми строчками стихотворения Гейне «Ильза» в переводе П.И. Вейнберга: «Я зовусь принцессой Ильзой / В Ильзенштейне замок мой».

[4] Спасский учился в студии М. Леблана в 1917–1918 гг.

[5] По-видимому, речь идёт о выставке 1925 г. общества «ОБИС» («Объединённое искусство»), членом-учредителем которого являлся Леблан.

[6] В Петербурге Спасский находился в 1923 г.

[7] В сибирском турне Бурлюка принимала участие и его сестра Марианна, под псевдонимом «Пуантилины Норвежской» она выступала с мелодекламациями стихов Маяковского, Бурлюка и Каменского. Во Владивостоке познакомилась с чешским художником В. Фиалой, с 1922 г. жила в Праге.

[8] В 1925–1926 гг. Спасский учился в Мастерской циркового искусства, затем несколько лет работал в передвижных цирках.

[9] Хлебников жил в комнате Спасского в доме ВХУТЕМАСа на Мясницкой с декабря 1921 по май 1922 г.

[10] Рисунок хранится в Гос. литературном музее.

[11] В 1928 г. в издательстве М.Н. Бурлюк вышли две книги Д. Бурлюка: «Русские художники в Америке» и «Десятый Октябрь».

[12] *Бурлюк Д.* Рерих. Черты его жизни и творчества (1918–1930). Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

[13] Общество «Цех живописцев» было основано А.В. Шевченко в 1926 г. и состояло в основном из молодых художников — учеников Шевченко по ВХУТЕМАСу. После выставки 1930 г., о которой упоминает Спасский, общество распалось.

[14] Имеется в виду Театр им. Вахтангова.

[15] С 1927 г. Спасский поступает на службу в Театр им. Вахтангова помощником режиссёра.

[16] В 1929 г. Спасский женился на Корнелии (Елене) Леонардовне Декапрелевич.

[17] Имеется в виду Музей изобразительных искусств, открытый в Тифлисе в 1923 г.

[18] Тар — струнный щипковый муз. инструмент.

[19] Гастроли театра не состоялись.

[20] Речь идёт о гастролях Театра им. Вахтангова в Париже в 1928 г.

[21] *Голлербах Э.* Искусство Давида Д. Бурлюка. Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

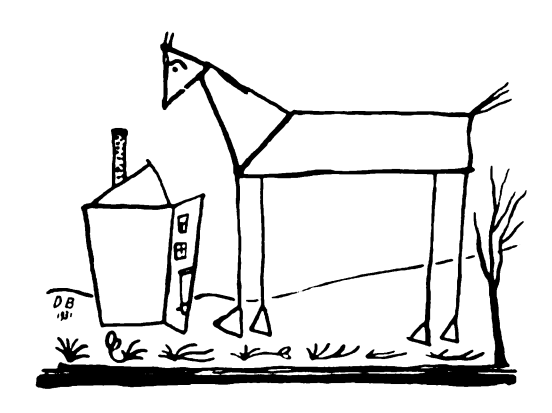

Рисунок Давида Бурлюка из журнала *Color and Rhyme* за 1938 год, № 9

А.В. Лентулов

Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об.
[20 января 1929]

Дорогой друг Додя!

Не хочется даже и говорить о том, как мы друг друга долго не видали. За это время так много всего произошло! Если бы ты не присылал от времени до времени сведения о твоих успехах в Америке, то я не знал бы даже, где ты обитаешь. Я очень тебе благодарен за то, что ты не забываешь своих друзей, и всегда с радостью читаю всё о тебе, что ты присылаешь, и даже о себе, так как ты до того чудесный товарищ, что и в печати находишь нужным вспоминать, часто в своих брошюрах и изданиях, своих друзей.

О том, как ты живёшь в Нью-Йорке, нам здесь более или менее известно, но, наверное, тебе мало известно о том, как мы живём здесь. Я лично живу по-прежнему со своей старухой, хотя она, кажется, всё молодеет, Марией Петровной[1]. У меня есть дочь Марианна, которую я очень люблю — ростом она с меня, ей 15 лет[2]. Она представляет из себя авторизованную копию своего папаши, только почему-то блондинка. Ещё у меня есть сын от первого брака, о котором я почти забыл, и вспомнил только тогда, когда он в одно прекрасное время соизволил сам явиться 20-летним «мальчиком» изумительной красоты (он, наоборот, авторизованная копия своей мамаши Зин. Ап.[3]), но он

Обложка каталога «Выставки современного искусства Советской России» (1929) работы Александра Дейнеки

побыл у меня несколько дней и вернулся обратно в Киев — теперь он премьер театра Соловцова[4].

Ещё сообщаю тебе, что умерла Антонина Васильевна, моя сестра, смерть которой потрясла всю нашу семью. Она оставила своего сына Лёву на попечение мне. Поскольку хватает сил и возможности мы здесь пишем картины. Должен сказать, что идеология искусства здесь совсем другая, чем на Западе и, конечно, Америке…

Недавно у нас была выставка французов (правда, слово французов можно было бы поставить в кавычках), но по которой тем не менее можно судить о том, что делается на Западе[5]. Мне понравился Утрилло, Модильяни; в общем же меня выставка не поразила. После долгого перерыва наши товарищи вновь организовали выставку в Нью-Йорке[6], по которой ты уже, наверное, ходишь, так как это письмо тебе должен передать уполномоченный выставки Кравченко[7], впрочем, пришлось послать это письмо по почте, а не с Кравченко, который сопровождает эту выставку. Выставка, наверное, не производит впечатления, т.к. все дали не лучшие свои вещи, в том числе и я дал неважные (?) вещи, но, в общем, всё-таки можно судить, чем мы тут занимаемся.

Пока я собирался тебе отослать это письмо (неделю тому назад уже написанное) произошла весьма прискорбная вещь: умер Георгий Богданович Якулов[8]. Он был последнее время в Эривани, лечился от воспаления лёгких, но, получив вторичное воспаление, – скончался. Похороны его были чрезвычайно пышны и трогательны. Поистине, приходится убедиться, что оценка художника происходит только — и тут же — после его смерти. Теперь всем стало ясно, что Якулов был огромным художником, не только декоратором, но и станковым. На днях

будет вечер воспоминаний о нём художников. Я собираюсь подчеркнуть его отношение, ту скромную его роль, которую он играл в развитии «Бубнового валета» как организации. Я разделяю «Бубнового валета» на Лентулова, Бурлюков, Ларионова, Фалька, Гончарову, Якулова (несмотря на то, что фактически Якулов не участвовал ни на одной выставке), Экстер, Осмёркина и пр., и на другую, более консервативную группу — Кончаловский, Машков, Куприн и др. Когда-нибудь тебе напишу более подробно и разовью данную точку зрения. Это очень интересно с точки зрения истории.

А пока обращаюсь к тебе с просьбой помочь мне в деле продажи моих работ, которые представлены на выставке. Здесь в Москве ко мне заходили известный профессор Старк[9], ты его, наверное, знаешь, и кто-то другой, не помню, хотели купить мои вещи, но меня в Москве не было, и покупка не состоялась, хотя они оставили свои адреса и пр.

Пока прощай, обнимаю тебя крепко и твоих очаровательных ребят. Низкий поклон твоей супруге Марии Никифоровне. Мария Петровна также просит передать сердечный поклон.

Ар. Лентулов. 20.I.29

Мой точный адрес: Москва, Б. Козихинский пер., д. 27, кв. 10.

ЛЕНТУЛОВ

Аристарх Васильевич Лентулов (1882, Пензенская губерния — 1943, Москва) познакомился с Бурлюком в 1907 г. Последний раз друг с другом они виделись в Москве зимой–весной 1918 г.

[1] М.П. Лентулова (урожд. Рукина; 1883–1948), супруга А. Лентулова.

[2] Марианна Аристарховна Лентулова (1913–1997).

[3] Имеется в виду Зинаида Аполлоновна Байкова, гражданская жена А. Лентулова. Познакомилась с Лентуловым во время учёбы последнего в Киевском худож. училище. Бурлюк вспоминал, что она не венчалась с Лентуловым, так как «не было выгодно, ибо, будучи дочерью генерала, 89 руб. в месяц пенсии имела, а выйдя замуж, это "независимое положение" теряла» (*Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб.: Пушкинский фонд. С. 28). Именно через Байкову состоялось знакомство братьев Бурлюков с Лентуловым.

[4] Речь идёт об Аполлоне (Александре) Владимировиче Ячницком (1906–1980). После смерти З.А. Байковой был усыновлён её сестрой Натальей Аполлоновной и её мужем В.И. Ячницким. Закончил студию при театре Н. Соловцова в Киеве, затем был принят в труппу театра.

[5] Речь идёт о выставке совр. французского искусства, проходившей в Музее нового западного искусства в Москве в 1928 г. Среди её участников было несколько итальянских художников, в том числе, упоминающийся далее А. Модильяни, а также большая группа рус. живописцев, проживавших в Париже.

[6] Лентулов имеет в виду «Выставку совр. искусства Советской России», открывшуюся в Нью-Йорке 1 февраля 1929 г. в рамках обширной «Художественно-кустарной выставки СССР».

[7] Алексей Ильич Кравченко (1889–1940), художник.

[8] Якулов умер в Ереване 28 декабря 1928 г. Похороны прошли в Москве 7 января 1929 г., вечер воспоминаний, о котором упоминает Лентулов, состоялся 14 января в Камерном театре.

[9] Речь идёт о Борисе Викторовиче Старке (1883–1955), профессоре Московской горной академии, коллекционере.

Заказное

Со вложением 12 сним.
с картин

С.А.С.Ш.

гор. Нью-Йорк.

Давиду Давидовичу Бурлюк.-

David Burliuk

105 E. 10 str.

New York City

U.S.A.

3 | УФА № 36

Отпр. Ю.Ю. Блюменталь,
Уфа, ул. Гоголя, 27; Худож. Музей.

Конверт письма Ю.Ю. Блюменталя к Д.Д. Бурлюку. 1930

Ю.Ю. Блюменталь

1. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 16. Л. 1–1 об.
[27 ноября 1929]

Уфа
27.XI.29

Многоуважаемый Давид Давидович!

Получил Ваше письмо с почтовым штемпелем от 30 октября. Возможно, что в общей сложности Ваших произведений прошло через Музей 107 штук, но в настоящее время их у нас насчитывается, как я Вам писал, 34 (тридцать четыре), и столько же их было ко времени начала моей службы в Музее (1.XII.1926), ибо с тех пор никакого движения их из стен Музея не происходило[1].

Спрашивал я относительно цены фотографических снимков с Ваших картин у здешних частных фотографов. И получил такие данные. Один из них за 30 снимков — по 3 снимка с 10 картин — запросил 75 рублей, другой 50 рублей. Последний, как мне кажется, даже снимает лучше первого. Есть у нас ещё, кажется, фотоателье, но цены там, видимо, не ниже частных, и работа не лучше. Эти цены касаются, конечно, настоящего момента, возможно, что они в дальнейшем возрастут.

Не сохранился ли у Вас сделанный мной карандашом набросок Вашего портрета? Сделан он был в гостях у покойного Якова Семёновича Бородина[2], если Вы этот вечер помните.

Где сейчас Влад. Ив. Ишерский[3] я не знаю. Был он не так давно в Иркутске, а с тех пор я ничего более о нём не слыхал.

Музей всё время получал Ваши издания, и я всё собирался Вас отблагодарить за любезную память, да так и не собрался.

Желаю всего наилучшего и жду ответа.

Ю. Блюменталь

Мой адрес:
Уфа, ул. Гоголя, 27, Юлию Юльевичу Блюменталю.

2. Ф. 327. К. 24. Ед. хр. 16. Л. 2–3 об.
[1 февраля 1930]

Многоуважаемый Давид Давидович!

Посылаю при сём двенадцать (12) снимков с четырёх (4) Ваших картин, по 3 снимка с каждой. Засняты: 1) «Радуга» — № 149, 2) Река «Ай» — № 151, 3) Фантастический мотив — № 3050 и 4) «Казак Мамай» — № 3059[4].

Через Госуд. банк мною от Вас получено Девятнадцать руб. 40 коп. = 10 долларов. Расходы мои: фотографу уплачено — 20 руб., заказное письмо со снимками 30 к., всего 20 р. 30 к. Остаётся за Вами 90 копеек.

Из художников, проживающих сейчас в Уфе, Вы, вероятно, помните талантливого Тюлькина Александра Эрастовича?[5] Есть ещё Девлеткильдеев Касим Аскарович[6]. Художников ещё много, но Вы их, должно быть, не знаете. В бытность Вашу в Уфе они здесь ещё на сцене не появлялись. Существует филиал АХР (Ассоциация художников

революции), за последние годы устраивающий ежегодно по весенней выставке[7]. В ближайшее время АХР, вероятно, объединит тут всех уфимских художников. Лично я в числе членов АХР не состою[8]. В Уфе есть техникум искусств (музыка, театр, ИЗО), имеющий и художественное отделение. Преподавателями состоят сравнительно молодые члены АХР, которых Вы не знаете.

Марии Никифоровне мой искренний привет, хотя Ваша супруга вряд ли помнит уфимских художников.

Жму Вашу руку.

Ю. Блюменталь
1 II 30
Уфа, ул. Гоголя, 27. Художеств. музей

3. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 29. Л. 1–2 об.
[21 апреля 1930]

Дорогой Давид Давидович,

Шлю новые 12 снимков, по 3 снимка с 4-х картин. На этот раз фотограф потерпел неудачу, наклеивши первые снимки, сделанные на той же бумаге, на стекло. Эти первые снимки погибли, ибо поверхность бумаги такова, что не допускает такой операции: со стекла бумага не снимается. Отэмалировать прилагаемые снимки можно на ферротипной пластике, но не на стекле[9]. Но такой ферротипной пластики здесь не достать. Кстати, фотограф весьма заинтересован получить от Вас ответ вот на какой вопрос. Нельзя ли приобрести и на каких именно условиях (цена и стоимость пошлины) следующие киноаппараты: 1) киносъёмочный аппарат «Аймо»[10] на 30 метров, с объективом самой высокой

светосилы или 2) Кинома автомат Цейс Икон[11] с оптикой F 3:5 или 2:5, на 30 метров плёнка. Будьте добры и наведите соответствующие справки.

У меня же лично к Вам вот какая просьба. В конце 28 г. группа уфимских художников, в том числе Тюлькин, Девлеткильдеев и я, послали некоторые свои работы по приглашению, полученному через моего брата, живущего в U.S.A. в Сан Диего (San Diego, California). Вещи эти там были выставлены в июне 1929, пропутешествовали затем по Тихоокеанскому побережью по различным городам, и сейчас находятся у брата. Продали только две работы художников Сыромятникова и Лежнёва, остальные остались непроданными[12]. Это, конечно, вполне понятно, ибо вещи далеко не первоклассные, а затем некоторые их них (особенно работы Тюлькина, написанные клеевыми красками) сильно пострадали от путешествия. Не будете ли Вы добры дать какой-то практический совет, как с ними быть в дальнейшем. Ведь мы, конечно, все заинтересованы в том, чтобы вещи были проданы, но постигшая до сих пор неудача затрудняет и нас, и брата.

Адрес его такой: Const. P. de Blumenthal, c/o Lake Forest Academy, Lake Forest, Illinois, U.S.A. — Брат служит преподавателем иностранных языков в этой «Academy». Если Вы сумеете дать ему практический совет, Вы очень облегчите ему дальнейшие поиски сбыта и чрезвычайно обяжете нас всех, а меня в особенности.

Живу в ожидании решения своей участи, связанной со всякими мерами в области «реконструкции» учреждений. Старый человек, ничего не поделаешь, надо дать дорогу молодым силам.

Спасибо за присланные клише и «Энтелехизм», но обещанного описания Вашего нового холста «День и Ночь»

пока нет[13]. Не стесняйтесь присылкой статей на английском языке, я и сам разбираюсь.

Привет Марии Никифоровне, облик которой фигурирует на одном из присланных снимков. Буду ждать Вашего ответа. Жму руку.

21 IV 30
Уфа
Ю. Блюменталь

[в правом верхнем углу первой страницы письма рукой Д.Д. Бурлюка:]
Отв. VI.27.1930

4. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 29. Л. 3–3 об.

4 сентября 1930
Уфа

Дорогой Давид Давидович,

Немного поздно, но всё же исполнил Ваше желание.

Прилагаю список Ваших картин, <отдельные>* снимки с которых Вам ещё не посланы, их краткое описание и по два снимка этих оставшихся вещей, заснятых вместе. Странное их расположение на стене объясняется тем, что мы их снимали в одной из зал Музея, для чего пришлось снять со стены экспонированные там старинные иконы. Так как я не хотел портить стены вбиванием гвоздей, то Ваши работы и были расположены таким образом, чтобы была возможность использования уже имеющихся в стене гвоздей и, кроме того, два нужных ряда были просто поставлены друг на друга[14]. На двух из пронумерованных сним-

* Слово вписано сверху строки.

Картины Давида Бурлюка в Уфимском художественном музее.
Фотография из письма Ю.Ю. Блюменталя к Д.Д. Бурлюку. 1930

ков я отметил соответствующие номера из списка, так что, я думаю, ориентироваться Вам будет удобно.

Бывший у меня здесь нынче летом проездом на юг сотрудник Златоустовского музея сообщил мне, что там имеются 4 Ваших картины[15]. Обещал он мне прислать фотогр. снимки. Я ему напомню об этом обещании и тогда Вам вышлю, что получу оттуда.

В Вашей монографии работы Голлербаха есть некоторые неточности[16]. Под снимками с картин, хранящихся в нашем музее, значится: *Art Museum Ufa, Tartar Republic, Soviet Union*. Это неправильно, должно быть: *Art Museum Ufa, Bashkir Republic, Soviet Union*. Татарская республика со столицей Казанью является соседней Башкирской.

Что касается наших с Вами счётов, то дело обстоит так. Прилагаемые 4 снимка обошлись в 8 рублей, заказное стекло 40 коп. Я Вам оставался должен 3 р. 36 коп., т<ак> что в настоящее время за Вами — 5 р. 13 коп. Деньги эти как позаимствованные из специальных средств Музея, прошу возвратить по возможности без задержки.

На всякий случай сообщаю теперешний адрес брата, перебравшегося на новое место.

c/o National Park Seminary
Forest Glen, Maryland
(Washington, D.C., suburb)
Const. P. de Blumenthal, U.S.A.

Марии Никифоровне и Вам привет и пожелания величайшего благополучия.

Ваш Ю. Блюменталь

Уфимский художник Юлий Юльевич Блюменталь (1870, Казань — 1944, Казахская ССР) возглавлял местный Худож. кружок, в выставках которого Бурлюк принимал участие в 1916–1917 гг., в 1926–1935 гг. руководил Уфимским худож. музеем. Переписка с ним была начата Бурлюком во время работы над книгой Э.Ф. Голлербаха «Искусство Давида Д. Бурлюка», которую художник решил проиллюстрировать репродукциями своих работ «башкирского» периода (1915–1918).

[1] В составе коллекции Худож. музея, организованного в Уфе в 1919 г., оказались картины Бурлюка, ранее находившиеся в собр. Худож. кружка, а также те, которые оставались в его доме в деревне Буздяк, оставленном художником в сентябре 1918 г. В начале 1920-х гг. 13 работ Бурлюка были переданы бывш. Губернскому музею (сейчас — Национальный музей Республики Башкортостан), ещё 4 — Златоустовскому краеведческому музею. Сегодня в Башкирском Гос. худож. музее им. М.В. Нестерова хранится 37 картин Бурлюка, из них к поступлениям до 1929 г. относится 33 работы.

[2] Я.С. Бородин, служащий Уфимской Губернской земской управы, являлся членом уфимского Худож. кружка. Других упоминаний о рисунке Блюменталя не обнаружено.

[3] Владимир Иванович Ишерский (1873–1942), врач, коллекционер произведений Бурлюка. В 1929 г. находился во Владивостоке.

[4] Все упомянутые картины Бурлюка хранятся в БГХМ им. М.В. Нестерова.

[5] Александр Эрастович Тюлькин (1888–1980), уфимский художник, был членом Худож. кружка, в 1915–1918 гг., во время пребывания Бурлюка в Уфе, учился в Казанском худож. училище, однако на летние месяцы возвращался домой; по его собственным воспоминаниям, именно в этот период он и его товарищ, художник К. Девлеткильдеев, сопровождали Бурлюка в его походах «на натуру».

[6] Касим Салиаскарович Девлеткильдеев (1887–1947), уфимский художник.

[7] Уфимский филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР) был организован в 1925 г., с этого же года регулярно проводились выставки.

[8] Тем не менее, картины Блюменталя экспонировались на всех выставках Уфимского филиала АХРРа.

[9] Под «эмалированием» отпечатков имеется в виду их «глянцевание», которое осуществлялось не на простом стекле, как это сделал упоминаемый Блюменталем фотограф, а на зеркальном, либо на покрытой специальным составом металлической («ферротипной») пластине, к которой влажный отпечаток прикатывался резиновым валиком. В обоих случаях после сушки он легко отделялся от основы.

[10] Кинокамера *Еуто* выпускалась в США с 1925 г., позволяла вести съёмку с рук.

[11] Имеется в виду немецкая кинокамера *Zeiss Ikon Kinamo*; цифровые показатели обозначают фокусные расстояния объектива.

[12] Речь идёт о выставке «Художники национальных окраин Советской России», которая открылась 31 мая 1929 г. в Галерее изящных искусств Сан-Диего. Кроме Тюлькина и Девлеткильдеева в выставке принимали участие ещё три уфимских художника — Василий Степанович Сыромятников (1885–1979), Анатолий Петрович Лежнёв (1888–1956) и неупомянутая в письме Мария Елгаштина. Долгое время ошибочно считалось, что выставка была организована при поддержке Н. Фешина и Д. Бурлюка. Подробные сведения о деятельности Константина Блюменталя отсутствуют. Известно, что до своего переезда в Лейк Форест в окрестностях Чикаго, где он работал преподавателем немецкого языка в подготовительной школе («Лейк Форест Академи»), Блюменталь некоторое время проживал в Мексике.

[13] Имеются в виду книга Бурлюка «Энтелехизм» (см. примеч. 6 на с. 85), а также буклет с объяснением содержания его картины *Day and Night*, выпущенный к Выставке Независимых в марте 1930 г.

[14] Фотография была напечатана в *Color and Rhyme* (1959. № 41. P. 17), см. с. 76 наст. изд.

[15] Сейчас в собр. Златоустовского краеведческого музея находятся три картины Бурлюка.

[16] См.: *Голлербах Э.* Искусство Давида Д. Бурлюка. Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

Обложка журнала «Искусство в массы». 1930

Н.В. Кузьмин

1. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 54. Л. 1
[9 января 1930]

9/ I 1930
Москва

Многоуважаемый Давид Давидович!

Спасибо за присылку монографии Рериха[1]. Надеюсь, что Ал. Апол. Карчевский[2] уже информировал Вас о шагах, предпринятых нами в Доме печати. Переговоры закончились тем, что администрация Дома печати предложила Карчевскому получить от Вас нотариальную доверенность. Думаю, что при дальнейших переговорах не встретится особых затруднений; — насколько я понимаю положение — Дом печати не собирается чинить препятствий в получении Ваших работ. Был, правда, разговор об уплате за хранение картин, но до предъявления оригинальной доверенности администрации Д<ом> п<ечати> в подробности не желает входить.

Во всяком случае, надеюсь, что всё разрешится к Вашему удовольствию, и буду рад, что оказал услугу зарубежному собрату.

Одновременно с сим посылаю Вам № журнала «Искусство в массы»[3]. Журнал издаётся группировкой АХР и страдает односторонностью, но это единственный журнал по

изобразительным искусствам в СССР, и известное представление о нашей художественной жизни даёт.

Если Вас это интересует, я Вам буду посылать этот журнал и отдельные книги по искусству СССР в обмен на журнал *The Arts*[4]. Если же Вы уже получаете через кого-нибудь нашу литературу по искусству, то не найдётся ли среди Ваших русских друзей в Америке, кому можно предложить такой обмен.

Примите мои наилучшие пожелания.

С сердечным приветом,

Н. Кузьмин

[приписка рукой Д.Д. Бурлюка:]
отв. 2 March 1930

2. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 54. Л. 2–3
[7 августа 1930, Москва]

Многоуважаемый Давид Давидович, посылаю Вам одновременно с этим письмом 10 экз. каталога выставки «13ти»[5] и последние №№ «Искусства в массы». Очень Вам благодарен за присылку Вашего «Энтелехизма»[6] и № *The Arts*.

Наша группа предполагает к осени издать нечто вроде альманаха «13ти» и мы хотим привлечь к участию и наших зарубежных друзей идейно нам близких по пластическим задачам. Нам было бы очень приятно видеть в нашем альманахе и Ваши строки. Пришлите небольшую заметку —

напр., о молодом искусстве Америки или Ваши впечатления от Америки, желательно с маленькими рисунками (пером, типа «набросков в письме к приятелю») — мы их воспроизведём[7].

Сообщите, можем ли мы на Вас рассчитывать?

Привет от «13ти»

Сердечно Ваш Н. Кузьмин
7 / VIII 30 г. Москва

Открытие выставки группы «13». 1929

Николай Кузьмин. Москворецкий затон. 1929

Николай Васильевич Кузьмин (1890, Пензенская губерния — 1987, Москва), один из основателей худож. объединения «13», в которое входил и Бурлюк.

[1] *Бурлюк Д.* Рерих. Черты его жизни и творчества (1918–1930). Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

[2] Александр Аполлонович Карчевский, старый знакомый семьи Бурлюков, горный инженер, ответственный работник Амторга, уполномоченный по продажам платины заграницу. По просьбе Бурлюка пытался прояснить судьбу его картин, хранившихся «в подвалах» Дома печати на Никитском бульваре (сейчас — Центральный дом журналиста), о чём Бурлюку было известно от приехавшего в Америку скульптора С.Т. Конёнкова.

[3] Журнал издавался Ассоциацией художников революции в 1929–1930 гг. Затем выходил под названием «За пролетарское искусство».

[4] Кузьмин имеет в виду журнал *The Arts*, издававшийся в Нью-Йорке. Последний номер журнала вышел в октябре 1931 г.

[5] Художественное объединение «13» было организовано в конце 1928 г. группой художников (Н.В. Кузьмин, В.А. Милашевский, Т.А. Маврина, Б.Ф. Рыбченков и др.), пропагандировавших искусство быстрого натурного рисунка пером и акварелью. Первая выставка прошла в Доме печати в феврале 1929 г. В письме упоминаются каталоги второй выставки объединения, которая была намечена на лето 1930 г., но так и не состоялась.

[6] *Бурлюк Д.* Энтелехизм. Теория. Критика. Стихи. Картины (1907–1930). Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

[7] Пять рисунков Бурлюка были показаны на последней выставке группы «13» в апреле 1931 г. Один из них был воспроизведён в каталоге выставки.

Борис Григорьев с женой и сыном. Париж, 1929

Б.Д. Григорьев

1. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 11–12
[12 октября 1925]*

Париж
12.X

Ты**, Додя, и не прислал мне «заложников». А я не сержусь, ибо ты верный человек и верный новатор, ты служишь верою духу времени, как и я. И сколько бы я не пытался тебя свернуть с пути истины, ты — непоколебим. Да и я таков же. Будущее покажет, что мы с тобой правы, а мы с тобой займём место вместо всяких черносотенцев в жизни и в искусстве.

Сейчас я делаю мою большую выставку в Париже, в одной из лучших и богатейших галерей[1]. Трепещу.

Остальные работы привезу скоро в New-York сам, на этот раз у меня есть вещи хорошие.

3-го дня предполагается большой успех, о последствиях выставки сообщу тебе. Посылаю пока приглашение и каталог.

Привет жене, детям.

Тв. Боричка

Только что развесил работы.

* Письмо написано на фирменной бумаге бара *Le Select* (100 Paris, Champs Elysées).

** Далее два слова замараны.

Наконец, к открытию прибыла комиссия Люксембургского музея и наметила к приобретению три вещи, в том числе — мою *La misére* (Бедность — женщина, кормящая ребёнка из оловянной ложки)[2]. Весь вопрос о деньгах, ибо не могу такую вещь продешевить.

2. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 1–2 об., л. 3
[12 марта 1928]*

La Borisella
12.III.1928

Дорогой Додя, твоё письмо меня порадовало.

Рад за твои успехи, за твои выставки, я верю, что ты скоро разбогатеешь, что слава у тебя большая, а талант твой много ещё больше!

Не попал я, как видишь, в N-Y в этом году, ну приеду осенью, в октябре уж, наверное. Коплю небольшие красивые вещи — пейзажи, Nature morte (особенно удачные). Скоро поеду в Париж, 7 мая моя вставка у Bernheim-Jeune[3], надеюсь очень, ибо всё ухлопал и вложил в дом Borisell'у[4] (см. письмо).

Чтоб не забыть, я в Париже также меняю свой адрес, запиши: 100, rue de la Tour (XVI), всегда и всю весну до июля мы в Париже, летом и зимой — тут.

Ничего не написал о моём Горьком — значит, не понравился тебе мой правдивый портрет. Слушай, Додя, ты добрый, знаю, и тебе будет подходить моя простота, но думаю, что и ты на этом деле заработаешь. Давай вместе. Возьми вещи у Мальянова[5] к себе, у тебя ведь квартира, поставь их где-

* В верхней половине первой страницы письма — рисунок Б. Григорьева, вилла *Borisella*.

Первая страница письма Б.Д. Григорьева к Д.Д. Бурлюку от 12 марта 1928 года

нибудь под кроватью. А кто придёт — покажи и продай их по 100–150 $, кроме вещей жанровых, ты сам знаешь, с модели долго писать, да и трудно. Ну эти вещи хоть по 300 $ продавай. А то я тут влез в долги и деньги нужны до зарезу, а осенью надо собираться в Америку, опять надо денег. Может, что и продашь, ну а я тоже, будет время, буду тебе полезен. А с проданных вещей удержи себе 25% за расходы и хлопоты, если это тебя не обижает, если обидишься, то возьми пару вещей, а остальные продай. Есть же у нас с тобой ещё поклонники! Не совсем же нас заели разные помпье* да ловкачи! Прилагаю тебе список вещей моих, что у Мальянова, и письмо к нему, если он не даст тебе всего, значит какую-то продал, а денег не шлёт. Ох, жулики! Тогда мы ему адвоката пошлём и осрамим перед художниками. Хочешь так?

Додичка, какой ужас, список искал и не нашёл, его оставила жена в Париже, в сейфе. Ты скажи Мальянову, что список ему покажешь после, после того, как он тебе сдаст все вещи, а я тебе список пришлю через 2 недели из Парижа.

Пишу пока, что вспомнил, главные вещи это:

1) Бретонка в высокой куафке** (что была в Филадельфии на выставке[6]).

2) Детство Есенина (мальчик в красной рубашке, темпера)[7].

3) Женщина в куафке со сложенными голыми руками (моя жена)[8].

4) Modele (молоденькая женщина с голыми ногами в чулках, у ног — таз...)[9]

5) Бретонская деревня.

* От франц. *pompier* — пожарник, здесь — жаргонное обозначение художников академического направления.

** От франц. *coiffe* — головной убор. Григорьев имеет в виду цилиндрические головные уборы бретонок.

6) Аллея (стволы деревьев)[10].

И остальное: пейзажи и рисунки, всего около 20-ти вещей.

Надеюсь, дорогой Додя, это тебя не утомит моя просьба забрать к себе мои вещи?

Твой Борис

[приписка на первой странице письма рукой Елизаветы Григорьевы, жены Григорьева:]

Дорогой Бурлюк — умоляю, отберите у этого жулика наши картины. Я сразу сказала Боре, что это мошенник. А Боря всем верит, кроме своей жены и верных друзей.

Благодарю и кланяюсь. Е. Григорьева

[приписка на первой странице письма рукой Григорьева:]

Пригрози Мальянову, что опубликуешь моё к тебе письмо, если он не отдаст всех вещей по списку. Сделай для друга, дорогой Додя.

[приписка на обороте рукой Григорьева:]

Боюсь, что пропадут мои работы зря у Мальянова. Привет Марии Никифоровне, детям от нас троих. Твой друг Борис Григорьев

[на отдельном листе:]

La Borisella
12.III.1928

Г-ну Мальянову
через Д.Д. Бурлюка
Cher Nicolas!

Податель сего письма большой друг мой Давид Давидович Бурлюк.

Не откажите выдать ему по списку моему (за Вашей подписью) все мои работы, находящиеся у Вас — как маслом, так и карандашом. Надеюсь, Вы хорошо помните наши условия — я обещал Вам дать мои работы только временно, до первого моего требования. Сейчас мне эти вещи очень нужны. Не имея от Вас давно писем, я полагаю, что Вы ничего не продали.

С совершенным уважением
Борис Григорьев

3. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 4–4 об.
[25 июня 1928][11]

Paris. 100 rue de la Tour (XVI)
25.VI.1928

Дорогой Додичка,

Сейчас от тебя письмо. Я тебе писал из Cagnes и просил забрать у Мальянова мои вещи к себе. Ты мне ничего на эту тему не пишешь, письмо потерялось моё, думаю. Ещё раз прошу тебя об этом. Возьми у него всё и сохрани у себя, а если продашь, то половину денег себе оставь. Тебе я делаю всюду рекламу, конечно, и в Чили будет то же самое. Постараюсь там организовать выставку русскую и тебя в первую голову назову. В память, что я тебе друг. Пиши мне теперь так:

Academia de la Escuela de Bellas Artes, Santiago, Chile.
Professor Señor Boris Grigoriev

Я уезжаю 7 июля на 3 года по контракту с чилийским правительством.

Должен тебе сказать, что тут не было никакой протекции, а просто получилась телеграмма в Париж на моё

имя. Мой fix* очень неплохой, занят буду 2 раза в неделю и 4 месяца в году, каникулы и как раз там лето, когда у нас зима, значит, могу в январе-марте быть в New-York, который я люблю очень. Не за горами и, значит, увидимся.

Еду я с больным сердцем так далеко, ибо тоскую как никогда по России. А туда нельзя по-прежнему. Как это жаль. Ты мне пишешь мало очень, и вижу, что остыл ко мне.

Устал я изрядно от Европы и вообще. Вот путешествие манит, в первом классе-lux с семейством, 31 день отдыха!

Мой привет Марии Никифоровне и детям

твой верный друг Борис

[приписка на первой странице письма рукой Д.Д. Бурлюка:]

7 февр. 1938 г. Григорьев умер в *Borisella.*

[приписка в конце письма рукой Д.Д. Бурлюка:]

1958 Бурлюк

Борис Григорьев был приглашён проф. Академии художеств (организовать) в Чили, во время президента Давила; с женой его Гр. познакомился в Нью-Йорке. (В колл<екции> Бурлюка имеется рисунок, где она изображена в групповом наброске.) Через 3 месяца Давила пал, Чили уплатило Григорьеву неустойку (около 2000 долл.). На эти деньги в Cagnes Григорьев построил виллу *Borisella*[12] См. письмо от nov. 1927.

* Здесь — ставка, оплата.

4. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 6–7 об.
[22 июля 1928]*

22.VII.1928

Милый Додя, судьба играет человеком. И лучше, когда сам о себе мало думаешь, видишь, сидел у себя в Gagnes и дом строил, — а тут чилийское правительство зовёт. Я удвоил мой fix и поставил такие условия, что похожу сейчас на знаменитого тенора... И еду, вот уже 14 дней еду, блаженствую в океане, тихо и голубо, и на душе неплохо. <Нрзб.> квартира у меня — три комнаты и полный покой.

Завтра в 6 утра будем в Гаване, видел сегодня пальмы любовницы моей — Флориды, и поплакал... о прошлом.

Но часто мне смешно от будущего, решил больше пальцем о палец не ударить ни для кого и ни для чего, а везёт мне в общем. Устрою себе «ранчо» в Чили и буду ездить верхом. Только меня всё время тянет в New-York, люблю я его — и голодал, и любил там.

Со мной сейчас жена милая и мой восхитительный сын Кирилл, образованный мужчина и красавец. Им я вполне горжусь.

Пиши мне в Чили:
Santiago, Chile
Academia Escuela della Bellas Artes
Professor Señor B. G.

Постараюсь тебя провести там в музеи, ценю тебя очень, ты это знаешь, и плюю в рожи тому, кто к тебе плохо относится. Итак, друг, вспомнил о тебе, ибо тут близко, всего 2 дня езды, и письмо получишь, когда я буду подъезжать к Гаване. А там Панама, жара и — Пасифик, и зимка, и весна снова.

* Письмо написано на фирменной бумаге трансатлантического лайнера *Orduña*.

Ну как живёшь, пишешь, продаёшь?

Где мои картины? Писал тебе, просил взять у Мальянова, вот скотина попался, ни денег, ни черта! Лучше возьми всё себе и продай, а деньги детям твоим.

Ну, друг, прощай, пиши, ведь не у чёрта я за куличками. В январе, феврале и марте у меня отпуск, может прикачу к тебе.

Тв. Борис

[приписка на последней странице письма:]

Привет супруге, детям и друзьям.

5. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 8–8 об.
[10 февраля 1930]

Borisella
10.II.1930

Дорогой Додя, только что получил $ 40, ибо живу всю зиму тут, а через почту местную пришлось долго ждать денег из Парижа. И за это спасибо. Кончается уж снова вторая четверть года, а ещё и первой суммы не выплатил твой коллекционер[13]. При встрече с ним скажи ему и поторопи с деньгами. Очень тебе буду благодарен. Теперь, Додя, хочу тебя спросить, если тебе хочется получить от меня ещё 10 акварелей и у тебя есть надежда их продать по 20–25 $ чистых для меня, то напиши, я немедленно тебе вышлю, я сделал кое-что и собрал, штук 10 могу прислать.

Не знаю, как ты и что ты, и что у вас делается, потому спрашиваю тебя.

За зиму я написал одну большую и замечательную вещь. Название пока не скажу, очень, братец, ядовитое[14].

Работаю, хоть это дело сейчас в Европе и никому ненужное. На мои письма ты редко отвечаешь, значит, и сам чувствуешь себя неважно, но всё же пиши, буду рад. Да расскажи, как в Америке нонче художники себя чувствуют? Бринтон мне не ответил, он стал, поди, настоящим хамом — большевиком, вот дрянь махонькая! Америкашка-букашка-хиздрик!

Конечно, я не приеду к вам, лучше пусть закопают здесь.

Все твои издания получаю и храню, у меня их кучка. Хочу послать тебе *Boui-boui*[15].

Скажи правду, есть надежда продавать мои вещи? Мог бы послать в трубке несколько холстов последних также, но не дешевле $ 100.

Как художники? Напиши обо всём.

Обнимаю тебя, твою жену и детей, бедные мы художники.

Твой брат БГ

6. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 9–10 об.
[7 июня 1930]

Borisella
7.VI.1930

Дорогой Додя, только что вернулся в Cagnes и не узнал своего сада. За шесть недель моего пребывания, горемыканья в Париже, здесь так всё изменилось: что посеешь — то пожнешь; вот всё и выросло: редиска с кулак, голуби умножились, собачки и обезьяна выказали отменную радость и ласку, чего уж вовсе не встречаешь больше в городе. И легла тень через весь сад от дубов и прочих зарослей. Вернулся я раненый в самое сердце и в карман… израс-

Борис Григорьев с обезьянкой Виски на вилле *Borisella*.
После возвращения из Южной Америки. Около 1929

ходовал много денег, но почти ничего не продал с большой моей выставки[16]. Париж совершенно издыхает, ничего ещё живут кокотки во всех областях, но художники мрут, как мошки. И слава тебе, тетереву, мохнатые ножки![17] Так и надо, должно быть.

В книге, у меня на выставке, в которой расписываются посетители, я увидел твою фамилию: Давид Бурлюк, очень похоже на твою подпись. Я подумал: едет в кошонерию* и боится прийти на 100 rue de la Tour, ко мне; подумал, и стало тебя жаль. И себя стало жалко — вот и Бурлюк изменил, разлюбил, и всё из-за разной сволочи, кто добивается нашей розни, кто травит всё, что честно, даровито и значительно. А ты вон где, в Америке всё живёшь, да ещё картины мои продаёшь. Ну, спасибо, а я и забыл про них. Тебе я всегда пришлю для продажи свои веіци, рад, что это дело может тебе дать заработок, да и мне тоже приятно получить денег в такое трудное время. Не охота мне самому ехать в Америку, лучше бы прислал всё, что имею, а вы там, как хотите — выставляйте или просто продавайте. Напиши-ка мне об этом, как ты смотришь на эту осень. А если найдётся какая галерея, то может и сам приеду. Всё Чили привезу (40 гуашей) и холстов штук сорок. Живопись настоящая, ахнешь, когда увидишь.

Додя, давай деньги делать вместе, зацепи кого-нибудь в Америке для меня и моей выставки, 30% я тебе охотно дам с тех вещей, что сам продашь, а за помощь обещаю 10% с чистой прибыли. Хочешь, всё тебе пришлю и сам не поеду? Только обдумай хорошенько, чтобы нам с тобой не платить дорогу. Картины в рамах (Louis XV), хороший разумный капитал затратил, рамы подъёмно здорово сделаны.

* От *cochonnerie (франц.)* — дрянь, мусор.

Если захочешь, можешь смело говорить обо мне сейчас как о первом художнике, себя не считая, конечно. По-моему, я всех сейчас убил в живописи, отсюда у меня столько врагов, завистников, и меня начали травить… Началось, и кончиться может плохо для меня, человека неделового. Меня всегда выручало что-то, но ведь не может же всё это продолжаться всегда. Бринтон мне больше не пишет, забыл, каналья, большевизанствует, ну а я в этом ничего не понимаю. Нельзя ли полегче напирать с этим большевизмом, надобно и охота отдохнуть от модничанья всякого.

Скажу правду, по Америке я скучаю, и как раз по северной, приехал бы, если надо будет по делу. А что Рерих, как он ко мне относится? Я с ним был всегда хорош и всегда его защищаю перед лицом врагов, а у него их немало. Кланяйся ему и скажи, что люблю его, ценю и уважаю. Где будешь летом? Как получу от тебя ответ, тот или иной, могу сделать тебе хоть в трубке 10 холстов. Пиши толком и не будь со мной дипломатом.

А жене и детям передай мой привет, а также и ото всей моей семьи.

Твой навеки Борис Григорьев

Додя, вот ещё одно дело. Попытайся продать моего Максима Горького[18]. За $ 5000. Получишь от меня $ 1000 сразу. Вещь эта очень популярна, была напечатана около 18.000.000 раз, во всех газетах и журналах мира. Эту вещь можно продать хорошо большевикам, или вернее — большевизанам в Америке. Платят же за разную дрянь всяких Золоагов[19] по $ 20.000, а тут вещь прославленная, да ещё Горький! В Аргентине мне давали за Горького 7.000 песо, т.е. 70.000 fr, около $ 3000. Но я не продал.

Попытайся, Додя.

Напиши мне поподробнее о своих делах, как живёшь, что и как пишешь, куда летом поедешь.

Тв. Борис

Может издателя найдёшь для моих чилийских акварелей, всего 40 штук: (Чили) или «В стране Мичмалонко и Гаопеликана». Вещи очень красивые.

Г.

[приписка на последней странице письма:]
Денег пока не получил и буду им рад, когда — это всё равно, чем скорее, тем лучше. Спасибо тебе.

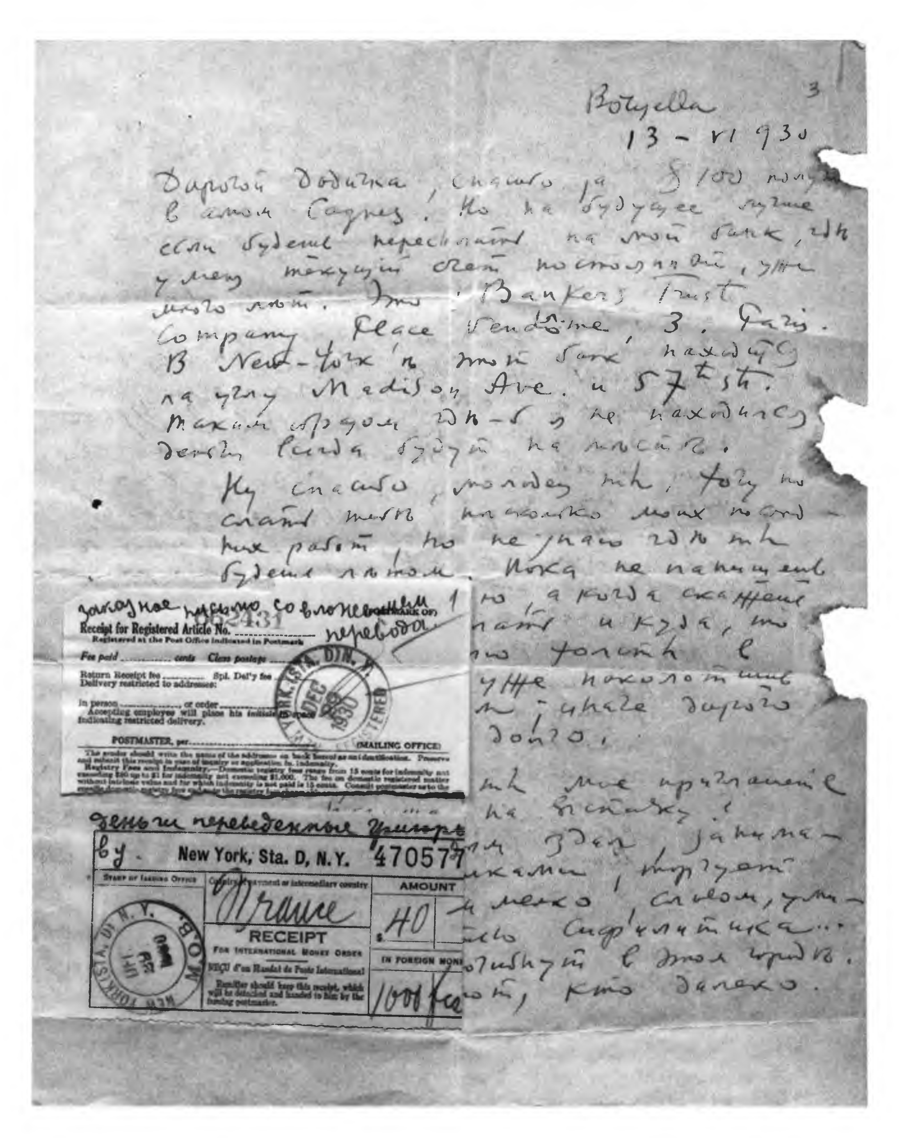
7. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 32. Л. 3–3 об.
[13 июня 1930]

Borisella
13.VI.1930

Дорогой Додичка, спасибо за $ 100, получил в самом Cagnes. Но на будущее лучше, если будешь пересылать на мой банк, где у меня текущий счёт постоянный уже много лет. Это Bankers Trust Company, Place Vendôme, 3, Paris. В New-York'е этот банк находится на углу Madison Ave и 57th st. Таким образом, где бы я не находился, деньги всегда будут на месте.

Ну, спасибо, молодец ты. Хочу послать тебе несколько моих последних работ, но не знаю, где ты будешь летом. Пока не напишешь о себе, не пошлю, а когда скажешь, что надо посылать и куда, то сейчас же вышлю холсты в трубке, а ты уже наколотишь на подрамки сам; иначе дорого будет стоить и долго.

Получил ли ты моё приглашение из Парижа на выставку? Париж совсем сдал, занимается подделками, тор-

[illegible]
13 – VI 1930

Дорогой Додичка, спасибо за $100 [illegible] в этом Cagnes! Но на будущее лучше если будешь пересылать на мой банк, где у меня текущий счет постоянный, уже много лет. Это: Bankers Trust Company, Place Vendôme, 3, Paris. В New-York'е этот банк находится на углу Madison Ave. и 57th st. Таким образом где-б я не находился деньги всегда будут на месте.

Ну спасибо, молодец ты, хочу послать тебе несколько моих последних работ, но не знаю где ты будешь летом. Пока не напишешь [illegible] а когда скажешь [illegible] и куда, то [illegible] [illegible] иначе дорого [illegible] долго.

[illegible]

заказное письмо со вложением переводов

Receipt for Registered Article No. [illegible]
Registered at the Post Office indicated in Postmark
Fee paid .... cents Class postage ....
Return Receipt fee .... Spl. Del'y fee ....
Delivery restricted to addressee:
In person .... or order ....
Accepting employee will place his initials in space indicating restricted delivery.
POSTMASTER, per .... (MAILING OFFICE)

деньги переведенные Григорьеву

New York, Sta. D, N.Y. 470577
AMOUNT $40
France
RECEIPT
For International Money Order
Reçu d'un Mandat de Poste International
Remitter should keep this receipt, which will be detached and handed to him by the issuing postmaster.
IN FOREIGN MONEY
1001 frs

Первая страница письма Б.Д. Григорьева к Д.Д. Бурлюку от 13 июня 1930 года с чеками о переводах денежных сумм Григорьеву за проданные работы

Максим Горький и Борис Григорьев с портретом писателя до того, как холст был натянут на подрамник. Капри, 1926

На фотографии автограф Горького: Борису Григорьеву, преклоняюсь пред его талантом. М. Горький. Capri

гует гаденько и мелко, словом, умирает смертью сифилитика... Скоро все погибнут в этом городе. Счастлив тот, кто далеко. Я счастлив у себя на *Borisella*, копаю землю, сажаю огород и опять взялся за большие русские вещи в 5–6 метров. Пишу огромную обличительную картину на тему *Visages du Monde**, или «Чепуха»; войдут сюда все!

Хотелось бы эти вещи показать в Америке, нет ли галереи какой для меня на ноябрь? Узнай, если не лень. Платить ничего не хочу, ну а 30–40% дам купцу с продажи. Писал тебе о Горьком, если продашь, заработаем вместе, вещь знаменитая, 18.000.000 раз была напечатана во всех газетах и журналах мира.

Напиши побольше о себе, что пишешь, как живёшь, какие новости в Америке. Я очень скучаю и по тебе, и по New-York'у. Ну, ещё увидимся. Привет всему дому твоему, Марии Никифоровне особо.

Твой Борис

8. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 32. Л. 8–8 об.
[13 июля 1930]

Borisella
13.VII.1930

Додичка, как рад я, что ты написал мне толковое письмо. Сразу всё ясно, вижу тебя, Судейкина, Бринтошку, Маневича и твоих всех знакомых. Радуюсь за тебя, что живёшь у моря и проводишь в жизнь твои художественные замыслы[20]. Я очень тебя люблю и твою человеческую скромность, и твои художественные несуразности, впрочем, всегда талантливые. Относительно Судейкинской «Голубой

* Лики мира (*франц.*).

розы» — скучно. Знаешь ли ты, что в Чили меня прозвали в парламенте (депутат Edwards[21]) *rosa azul*, это как раз значит «голубая роза». На эту тему только провинциал и может размышлять. Как всё старо и скучно! Живопись, братец, это такая штука! Только в Париже она жива ещё. И ты поразишься, когда увидишь новое и моё, и других парижан. Судейкин, небось, невольно расплачется от зависти.

Я страстно хочу приехать в New-York к ноябрю. Я очень люблю N-Y, я там жил в полном смысле этого слова. Я обожаю американок. Давай сговоримся, как быть с поездкой. Найди ты мне мастерскую, не дороже $ 100, в месте, поближе к центру.

Ты всё знаешь, а я многое забыл. Приеду на 3–4–5 месяцев и выставку устрою. Привезу *Visages du Monde* — «Лики мира». Это огромный складень на дереве, семь раз складывается, вроде ширмы, высота 2 ½ метра, в длину 4 ½. Штучка гениальная, там все, кого я писал, продолжение «Ликов России», но живописнее и злее. Опять прославлюсь, знаю, но будут все рычать и злиться. Холстов у меня много. Всё это привезу сам. Подбей Бринтона, я ему и сам напишу тоже. Не могу, как тянет в N-Y. Там и снежок, и флирт, и поголодать не грешно.

Расплатился я с долгами, построил много нового, хороший дом и сад, всё на месте и прочно, но вот затронул последние 100.000 fr. и делается страшно. Европа гниёт вовсе, никаких ни у кого нет продаж и всё врут эти Маневичи, кому тут надо всякие чужие, когда гении мрут, как мошки. Крышка Европе и художникам в первую голову. Верно, говорю тебе. Неужели в Америке кто-нибудь что-нибудь продаёт и покупает? Верю я в эту Америку, там ещё есть богатые люди, да и небогатые всё же на людей похожи — вместо сотни хоть гривенник дадут.

Сам вот пишешь, чтоб посылал тебе мои работы. Что-нибудь пришлю.

Тв. Борис,
привет жене и детям

9. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 32. Л. 10–10 об.
[11 октября 1930]

Paris. 100 rue de la Tour (XVI)
11.X.1930

Додичка, прости, что давно не писал тебе, заканчивал свою большую работу: «1920–1931». Послал её в Salon d'Automne. Услышишь, будут браниться. Ну а потом меня вызвал к себе в Clairefontaine[22] наш замечательнейший С.В. Рахманинов. Я жил у него, гулял целыми километрами по парку (совсем русскому, с прудами и берёзами) и работал над его портретами, которых сделал целых три[23] — очень удачно.

Моя *Borisella* меня тянет снова к себе, но чтобы там жить и спокойно работать, надо много денег. Вот почему торчу в Париже. Всё ещё думаю о том, что надо бы съездить в New-York, работ у меня — масса, одних чилийских больше сорока. Но страшно тратить последние деньги на это путешествие. Неужто так плохо в Америке?

Здесь — хуже нельзя. А деньги пришлёшь? Попытайся, а я что могу для тебя тоже сделаю. В рассрочку продавать неплохо, но с условием, если платят аккуратно, иначе пахнет Уругваем, там мне должны около $ 2.000, и не вижу денег.

Ах, Додя, так и помрём без удовлетворения всякого. А жить хочется. Какие бывают девчоночки, а без денег очень недоступны.

Рад за тебя, что поработал, ты прямо гений, когда захочешь, но брось, Додя, ломаться; сейчас это делают только

Борис Григорьев.
Портрет композитора
Сергея Рахманинова. 1930

<зачёркнуто> — они победили, они могут всё, ну а мы только тем и больше их, что гении рядом с ними в искусстве.

Подумай, Рахманинов, а он так скромен, как дитя. Искусство таких любит, да и мир человеческий тоже.

У меня страшно болит душа, как перед страшной болезнью, наверно, скоро помру.

Обнимаю тебя и шлю привет Марии Никифоровне и твоим деткам.

Твой Борис Г.

10. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 32. Л. 13–13 об.
[8 декабря 1930]

Borisella, Cagnes-s-Mer (A.-M.)*
8.XII.1930

Спасибо, Додя, за $ 35, получил.

Понимаю, всё понимаю — время, нельзя хуже. А здесь-то, в Париже? Думаю, конец всем художникам настаёт.

Мечтаю ещё разик приехать в N-Y, но если б это было возможно! Неужели ничего не продаётся? А у меня много хороших вещей. Пишу Бринтону. Ты спроси его, есть ли резон для моей выставки? Если он скажет, что нет, организуй сам мою выставку, что хочешь и как хочешь, лучше среди евреев, это, братец, единственная нация, которая ещё любит и ценит искусство. Пусть купят хоть дёшево, не погибать же мне вместе с другими, ведь я не как все другие...

Большая моя штука: «1930–1931» в Салоне Осеннем делает шум, толпа всё время перед ней стоит, об этом газеты не говорят, конечно. Ведь меня оценили на этот раз все поголовно. Штука на дереве, семь раз складывается, размеры: 4½ × 2½ метров. Вот бы устроить или в музей, или в частный дом. Согласен в рассрочку продать эту и ширму, и картину, и фреску современную. Заработаем, Додичка, а ты меня там прорекламируй.

Всё хочется самому попасть в N-Y, потому тебе не посылаю до сих пор ничего. Денег у меня очень мало. Едва на дорогу и обратно.

Жутко, друг, становится. Здесь, в деревне, тоже не проживешь без денег. Напиши мне тотчас. Можешь, если захочешь, хорошо засунуть мои портреты Рахманинова, покажи *Steinway*[24].

* А. М. — Alpes-Maritimes (*франц.*), департамент Приморские Альпы.

Ну, пока. Кланяюсь Марии Никифоровне, сыновьям.

Твой Борис

[приписка на последней странице письма:]

Да, ты подбей евреев на дело со мной, они найдут деньги, а я им заплачу хоть 60%, шестьдесят процентов.

Работы: 30 гуашей (Чили), 30 холстов, «1930–1931» (chef-d'oeuvre de Boris Grigoriev*) etc**... Подумай, какой товар, за пересылку его я не могу платить, зато и даю 60%. Б.

11. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 13–14 об.
[16 декабря 1930][25]

Borisella, Cages-s-Mer, A.-M.
Сюда и пиши теперь
16.XII.1930

Дорогой Додичка, тебе отправил я большой пакет со вложением фотографий с «1920–1931» и с Рахманиновым. Вот, постарайся передать, залезь к Steinway, он скупает портреты с Рахманиновым — вещи очень удачные. А большую (ширма, семь раз складывается, на дереве, есть и ящик к ней, и рамка, как для картины) ты можешь славить, как хочешь, и не преувеличишь, ибо она стала знаменитой в Париже в «Осеннем салоне», много писалось и ещё больше думалось, говорилось. Бринтону также послал фотографию. Валите оба, ведь заплачу я вам, честное слово, хоть половину, цена была в Салоне 150.000 fr., $ 6.000, ну продайте как чудо живописи, хоть за 4.000, ну за

* Шедевр Бориса Григорьева (*франц.*).

** И так далее (*лат.*).

3.000, деньги надо мне, не охота помирать вместе со спекулянтами и банками.

Видишь, друг, ведь работаю, из кожи лезу, чудеса творю, а денег нет, а жить в деревне без заработка немыслимо с семьёй. Приготавливаю для тебя акварели, рисунки, холсты — посмотришь работы, — чтобы ты мог в N-Y. продавать честным людям по $ 15, 20 долларов и сразу получать деньги и посылать мне, как ты писал мне, так и вали, только не сделай так, что Boris Grigoriev — maître*, упал с высоты в дешёвку, скажи, что вещи твои, а не мои. Дружище, вместе заработаем, если пишешь, что ты можешь подработать на продаже моих вещей, то я счастлив дважды и за тебя, за себя; ведь сволочи наши торговцы, они нам платят совсем мало, а сами наживаются. Я сам никому не уступаю, ну а ты можешь среди честных евреев, учёных и докторов продавать так, что богачи и не узнают про нас ничего худого.

Додичка, куда мы идём? Что творится с миром? Конец что ли это?

Будь я в Америке, мы бы с тобой отыгрались хоть на школе, на учениках, сто́им же мы что-нибудь в наши 40 лет, ну хоть по 15 дол. стали бы торговать рисунки, акварели; но тут, в Европе, ты ни черта не сделаешь, все сволочи, бойкотируют русских, относятся унизительно, боятся конкуренции и занимаются доносами.

И потом — это цвет эмиграции, старая сволочь революционная мстит, тоже тут же околачивается и не едет в свой большевистский рай. Все, брат, бегут, плюют на свою, так её мать, «ЕСЕСЕССР...»! И произнести тошно это человеческое сооружение на божьей земле. И творить стало ненужно и страшно: в сердце лезут, в мозги, в кар-

* Мастер (*франц.*).

ман, под одеяло. А мы-то, художники, чувствуем и страдаем больше других.

Бедные наши жёны! Бедные наши дети! Бедные наши сердца!

Была Америка (не говорю уже Россия), было Чили, и всё полетело, была слава, куча вещей, всё пошло прахом: долги за картины в Чили, Аргентине, Америке Сев., в Уругвае, в Европе — не платит никто, стало модно мошенничать, а самому шлют счета за всё и налоги... Голова кружится, из-под носа вынут у меня клочок земли, дом, кровью добытый, чтобы спрятаться от сволочи людской...

Вот, Додя, что у меня в душе. И всё время работаю, пытаюсь тут школу создать, если выйдет — напишу.

Радует только солнце, голуби, обезьяна, собачка, да ванна, да тёплая постель, да тихая мастерская, да садик. Но душа дрожит, и сердце обливается кровью.

Пиши почаще, друг старинный.

Твой Борис

Привет Марии Никифоровне и детям

[приписка на последней странице письма:]

Знай, Додя, за каждые $ 50 буду рад и тебе обязан, не рассчитал и истратил всё на дом.

12. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 16–17
[10 января 1931]

Borisella, Cagnes-s-mer, A.-M.
10.I.1931

Дорогой Додичка, с Новым годом тебя, Марию Никифоровну и обоих деток! Да со старым нашим счастьем!

Тебе послал, уж давно, пакет с фотографиями, просил помочь продать мои вещи новые и обещал прислать кучу акварелей, рисунков, да сделав их две дюжины, так сделал недурно, что всю коллекцию моя жена стащила и спрятала. Эти жёны! Они — умные, хоть тут тресни, а денег достань, да и работы воруют… — бедные мы художники.

Додя, я зол ужасно на тебя и на твоего покупателя, это никуда не годится, я не вижу денег; ну, пожалуйста, пошли же. Ведь знаешь это, так нехорошо тянуть. Найди ты покупателя и скажи ему, что стыдно. И ничего не пишешь, словно разлюбил старого товарища. Пожалуйста, прошу тебя, будь другом и найди Бринтона, я ему послал толстое письмо, кучу фотографий послал, а он скотина не отвечает. Это вы там все в Америке белены что ли объелись, можно ли такую панику разводить[26]?

Копаю землю, сажаю овощи, скоро буду голодать — это я-то, на старости! Эх, черти, скупердяи, ведь меня облапошили и в Южной Америке. Сгорели пять моих лучших картин из-за революции там, в доме министра Ojanarte* — сволочь какая, а я тут причём!

Додя, жду денег сюда, на Borisella, как можно скорей, нечем налоги платить. Будь другом.

Ну что ты? Как ты? Эх, горе нам всем. Целую и кланяюсь.

Тв. Борис

[на рекламной листовке школы Бориса Григорьева:]

Додя, чтобы с голоду не подохнуть, стал разводить здесь огороды и сволочь перепроизводскую — итак нас много, а тут ещё учи секретам людишек. Тебя нет со мной — жаль.

БГ

* Так в тексте. Личность не установлена.

17

ECOLE DE BORIS GRIGORIEV — SCHOOL OF BORIS GRIGORIEV

ASSISTANT BERKELEY WILLIAMS

Cours de peinture : paysage, nature-morte, modèle, de neuf heures à midi tous les jours excepté le dimanche. Fr. 300 par mois

Cours de dessin : de deux à quatre heures tous les après-midi, excepté le dimanche. Fr. 200 par mois.

Study of painting : landscape, still-life, figure, from nine A. M. to noon every day except Syndays. Fr. 300 the month

Study of drawing : from two to four every day except Syndays. Fr. 200 the month

S'ADRESSER : B. SMIRNOFF, SECRÉTAIRE
« VILLA BORISELLA », HAUT DE CAGNES-SUR-MER

Вот

Что-ж с голоду не
подохну — стал разво-
дить здесь огороды
и свиней перепроизвод-
ство — и так нас
много, а тут еще уча
секретам людишек!
Тебя нет со мною —
— жаль.

БГ

Фрагмент письма Б.Д. Григорьева от 10 января 1931 года, написанный на рекламной листовке его художественной школы

13. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 18–18 об.
[25 февраля 1931]*

Borisella
25.II.1931

Дорогой Додичка, тебе писал уже о получении денег, наши письма разошлись. Сейчас же послал тебе 10 рисунков раскрашенных par colis postal**, тому il y a une semaine***. Как я рад слышать, что имя Поливника[27] процветает. Вот милые люди, я им послал из Santiago мой чилийский каталог, получили ли они, спроси. А каталог Люксембургского музея, обещанный, я не послал Поливнику, ибо мне стало стыдно за то, что директор[28], маленький типик, которого я однажды осадил у меня на выставке, ибо он хотел задаром купить мою *La misére* (потом проданную в Брюсселе чуть ли не королю), уже купленного моего Шаляпина взял да и выкинул, сволочь какая, а работу мою я и не знаю, где найти. Вот, что бывает в Париже…

Так значит, сын его галерею открыл?[29] Спроси его, не хочет ли он выставить у себя мою огромную «1920–1931», только я за пересылку не буду платить, упаковка уже есть хорошая.

На днях, когда моя жена уедет в Париж, я вышлю тебе в трубке несколько холстов последних, а то она не позволит отсылать, хорошая жена у меня, ценит меня. Без жён, брат, мы пропали бы, а с жёнами нельзя дела делать, все мешают. Впрочем, они правы по большей части.

Додя, милый, постарайся с деньгой, ей Богу, через месяц платить налог надо, положили на меня 14.000 fr., а денег прямо нет. Скажи ты покупателю, что я ему пода-

* Письмо написано на рекламной листовке школы Б. Григорьева.

** Почтой (*франц.*).

*** Неделю назад (*франц.*).

рок вышлю, если всё сразу пришлёт поскорее, сейчас же вышлю ему мои книги, да в придачу ещё холст один. Есть же добрые люди на свете. Не погибать же большим художникам. Всё я ухлопал в свой домик, вот и без денег, увлёкся очень. А домик неплох, пять комнат, ванна, а лучше всего сад и вид на море.

Милый, как ты живёшь? Врёте вы с Бринтошкой про моих Рахманиновых: это не спящие, а творящие, за работой, надо видеть оригиналы, больше натуры, очень сильно. Рахманинов мне сам пишет из Америки, что «предпринял первые шаги» для их продажи. Ну и времена настали! Додичка, пиши почаще! Написал огромную вещь: *à Gandi* (индусу)[30].

Обнимаю тебя, жену, детей

Тв. Борис

14. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 20–20 об.
[3 марта 1931]

Borisella
3.III.1931

Дорогой Додичка, послал тебе, кроме полученных тобой 10 рис. подкр<ашенных> ещё 10 гуашей чилийских трубкой заказной, и спустя неделю ещё 6 гуашей, где 4 вещи из цикла «Лики России», одна — <из> *Boui-Boui*, и одна — <из> *Intimité*. Всего, значит, 26 работ, надеюсь, что ты постараешься всё это продать и высылать мне деньги немедленно, хоть по маленькой сумме, как сделал это последний раз, прислав $ 19,50 на почту в Cagnes. Это очень удобно. Спасибо.

Я веду сейчас большую дружбу с Горьким, быть может, буду в России скоро, тебя не забуду, будь покоен, ты был мне друг чистой воды и мы ещё с тобой покажем себя.

Смертельная тоска меня гнетёт среди этих машинок заводных, людишек Европы. Чувствую себя больным морально, физически плохо, старею, это подкашивает, годы идут, а нервы кончаются. Все стали сволочи, готовы сожрать живьём друг друга, я совсем ушёл от жизни, живу на огороде, денег надо мало, и тех нет у меня, надежда на Америку, тебе послал много работ, постарайся, друг, заработать денег.

Мало пишешь о себе и о художниках, пиши подробно. Почему Бринтошка мне не пишет? Как проходит выставка Анненкова[31]? Это человек талантливый очень, я ему желаю блага.

Сообщи мне, пожалуйста, о получении моих 26 работ, подумай, для меня это целая эпоха, мало работаю сейчас, глаза плохи стали.

Обнимаю тебя, сердечный поклон жене и детям

Твой Борис

15. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 21–22 об.
[16 марта 1931]

Borisella
16.III.1931

Дорогой Додичка, спасибо за присылку добрых вестей. Для тебя я не пожалел отобрать 8 лучших моих гуашей из Чили и две русских из последних моих работ. Всего посылаю при сём письме 10 вещей, хоть и маленьких, но мне очень дорогих, ибо удачных вещей.

Ты на свой глаз их расцени, хочешь сам продай, а хочешь дай в бруклинскую галерею, там сделают вроде выставки. Я тебе обещаю прислать ещё 10 вещей через пару недель, работаю для тебя специально и вообще много работаю.

Меня потрясает одно обстоятельство. Я должен был уплатить налог столь многотысячный, что остался вовсе без денег, а в Америках, обоих, меня сильно надувают и денег не шлют. На тебя большая надежда. Как продашь, хоть одну вещь, сейчас же посылай прямо в Cages-s-mer почтовым переводом, именно в Cages, а не Paris. И лучше, если будешь посылать на имя моей жены Elisabeth Grigoriev, так как я могу быть весной в отъезде. Дружище ты наш, будем рады от тебя получить немного денег. Знаешь ли, какие цены были мною даны в Париже в прошлом году на выставке у Collette Wiel[32] за эти самые акварели? — 4.000 fr. за одну акварель, положил в рамках, ну а эти вещи ты всё же застекли, тогда будут много красивее. Продавай за сколько хочешь, как сам найдёшь лучше, но если не будет покупателя, даже за 1.000 fr., то валяй ещё дешевле, хоть по $ 25, но деньги пришли обязательно, не задерживая. Тогда сейчас же вышлю тебе и новую серию.

В Париже, если спущу цены, пропал я. Вот и сижу, и жду у моря погоды. Знаю, что опять будет лучше, но когда, ждать надо пару лет. Осенью я обязательно сам прикачу в N-Y. Но лучше будет, если ты займёшься продажей, тогда просто посылать тебе буду, и сам заработаешь, я рад тебе отдать последнее, ибо старинные мы с тобой друзья. Чувствую себя накануне большой болезни... какая-то ненормальность, с ума сойду должно быть, так всё надоело, апатия и усталость. Тут, в деревне, хорошо, но очень одиноко.

Желаю же тебе, жене твоей Марии Никифоровне и детям большого счастья и успеха в продаже.

Горячо тебя обнимаю. Книжечку о тебе прочитал, хорошо написано. Скучаю по твоим работам.

Твой Борис

Дорогой Додя*, я вернулся домой и узнал от жены, что ты ей прислал несколько маленьких сумм, спасибо. Но знаешь, Додя, это уж очень скупо со стороны Америки, да и покупатель твой не платит денег, это жаль очень.

Я в Париже ничего не сделал, все точно очумели от кризиса, и думаю, что художники скоро все помрут.

Буквально нет денег, и я тебя прошу слёзно что-нибудь продать. Ведь так дёшево, как ты продаёшь, здесь нельзя продавать — тут Европа и тут всё же знают цену искусству, и за Б.Г. можно бы тут взять и больше, да неудобно это в Европе.

Послал на *Salon des Tuileries* большую вещь — *Ram ayan* («Индия идёт»), написал с индуски в национальном платке. Говорят, удачно. Услышишь. Но такой вещи, как «1920–1931» больше не напишу, это, братец, сила! Жалею, что ты не видел, жалею, что в Америке не выставлял её. Что-то будет к зиме, может, и приеду в N-Y. Но как, на какие деньги? Вот бы ты кого-нибудь увлёк на мою выставку, заплачу хоть 60% с продажи. Нет ли какого-то manager'а среди евреев, это лучшие люди — евреи — на свете.

Ах, какая убийственная тоска на душе! Жизнь кончается, знаю это, и не жаль её, только мучился.

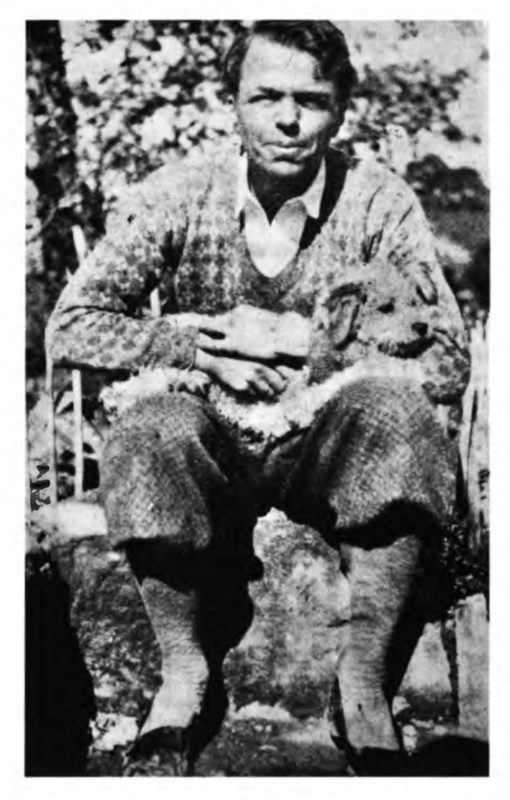
Привет Марии Никифоровне и детям ото всех нас.

Борис Г.

[приписка на первой странице письма:]

Получил ли ты мои рисунки и акварели? Послано 3 недели назад.

* Далее письмо продолжается на рекламных листовках школы Б. Григорьева.

Борис Григорьев
на вилле *Borisella*. 1938

16. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 23–23 об.
[22 декабря 1931]*[33]

22.XII.1931

Дорогой Додя, я очень рад, что ты не сердишься на меня. Однако, какие люди, эти покупатели! Не платят, а картинками пользуются, украшаются.

Ничего не разберёшь на этом свете — гадко стало жить. А мы с тобой уже немолоды, все, так сказать, надежды

* Письмо написано на рекламной листовке школы Б. Григорьева.

остались позади. Впереди будет ещё хуже. Как ужасно тянет назад, в Россию, там хоть родина.

Мало я пишу сейчас красками. Да вот написал две книги «Моя жизнь» от 3-х лет до 30, до самого отъезда за границу — страниц пока вышло 400[34]. Если найду издателя — напечатаю.

Помню, как я у тебя индюка ел на Рождество, лет пять прошло уже. Увижу ли опять Америку? Вот уже третий год торчу у себя в саду с курами да голубями. Это очень успокоительно, но скучно. Никаких дел нет, и школа не идёт, как живу, сам не знаю. Что делают художники в Америке: Судейкин, Дерюжинский[35], написал бы подробно.

Развелось у меня масса голубей породистых, кормить трудно, а продать ничего нельзя.

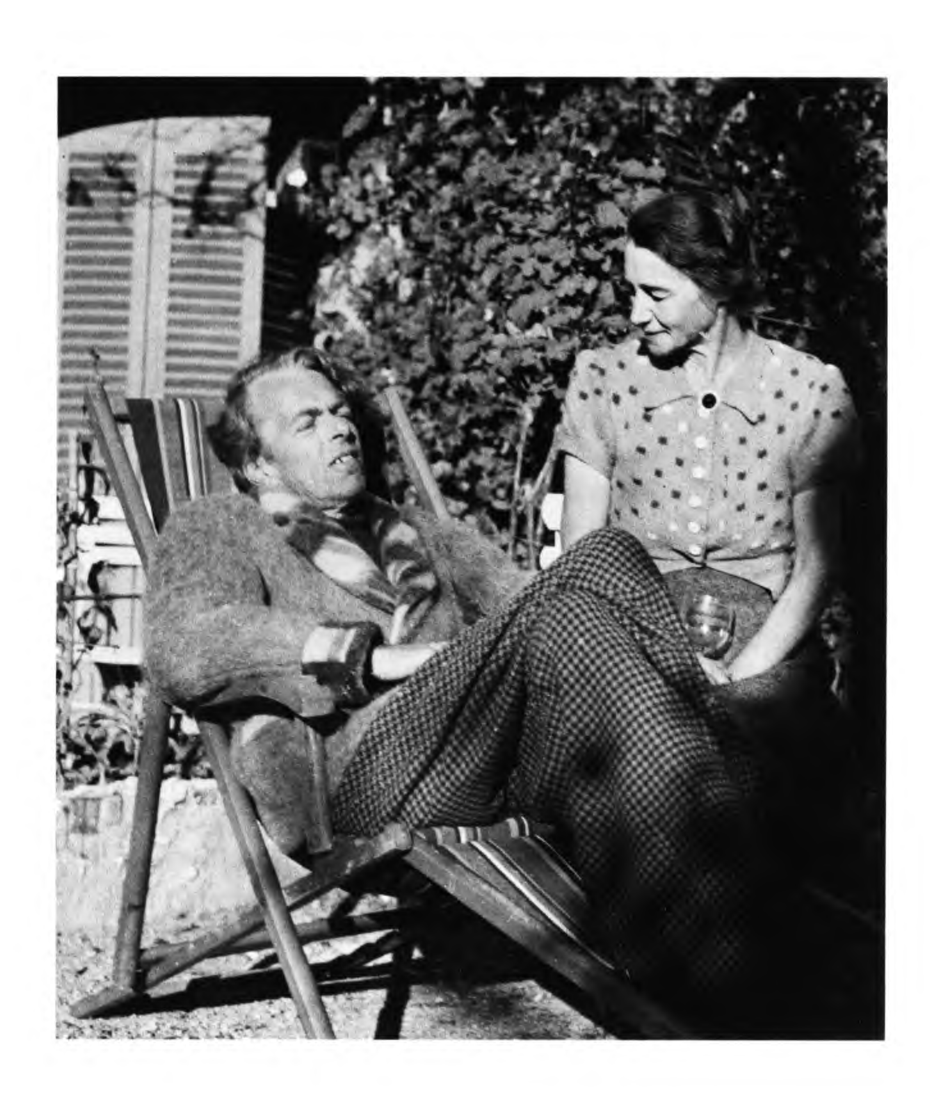
Как и что твои сыновья? Мой кончает лицей[36] и пойдёт в инженеры, работает хорошо, совсем французом стал.

С Новым годом всю твою семью поздравляю, ведь вот, дожили, почти до полувека нам каждому, а толку мало вышло. Да и есть ли толк в жизни? Знал бы раньше это, иначе бы стал жить. На кой чёрт истину искать, когда это дело не приносит ни радости, ни дохода. И только деньги дают радости — уехал бы в путешествие. Не как Яковлев[37], а как простой счастливец. И не верится, что уже видел полмира, да и неплохо поездил; вот бы теперь, когда лучше понимать стал удовольствия — поехать куда-нибудь, но только не в Южную Америку, это уж четвёртый класс…

А что галерейка, плохая, небось, где ты видел мои «воспоминания» гуашью?

Летают осы, бабочки и солнце жжёт, а всюду снег и холод. Это хорошо.

Обнимаю тебя, твой Борис

Борис Григорьев с женой на вилле *Borisella*. 1938

17. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 24–24 об.
[9 сентября 1932]

Borisella
9.IX.1932

Дорогой Додя, ты совсем меня забыл. Всё ждал от тебя хотя бы маленьких чеков, но не получаю давно ничего. Неужели этот человек не может заплатить ничего за мои вещи? Как это несправедливо. Ведь положение ужасное. Я давно живу без денег, и не знаю, как жизнь продолжать. Как-то жена выкручивается.

Сейчас у меня накопилось много новых работ, есть целые циклы замечательных вещей, но я не могу даже сдвинуться с места, даже попасть в Париж невозможно. Это уже гибель. Не можешь ли ты во чтобы то ни стало прислать мне немножко денег? Приложи все твои старания и достань эти деньги. Моего Горького[38] все знают, в Америке тоже, вот бы ты попытался его продать хотя бы за $ 500. Вот до чего я дошёл, сам видишь, ведь это не цена за Горького, сам знаешь. Если срочно вышлешь мне эту сумму, я сейчас же отправлюсь в Париж и высылаю тебе Горького. Попытайся, пожалуйста!

Работаю от зари до зари — верю, что работа моя меня спасёт, да в ней только и забвение. Все кризисы пройдут, останется только искусство.

Хотелось бы очень посмотреть, что ты сейчас делаешь. Я о тебе думаю, потому что и о тебе пишу в моих записках[39], которые уже в двух частях закончены — около 500 страниц.

Будь другом, тебе это пригодится всегда, да и верю в людей, не хочется думать о них плохо. К тебе у меня старинные товарищеские чувства. Ещё ведь увидимся.

Привет Марии Никифоровне и детям от нас всех троих.

Твой Борис Г.

[комментарий на полях первой страницы письма рукой Д. Бурлюка:]
В САСШ — самое паршивое время — время безработицы, кофейных очередей, безработные — яблоки на улицах. Депрессия.

18. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 27
[Ноябрь 1934]*

Бурлючок,

Пишу тебе на ура в надежде, что ты всё там же. А потому немного, приходи скорей. Твой телефон не существует, а то бы я приехал к тебе давно. Ехать в такую даль и рисковать я не решился. Очень буду рад тебя обнять, хоть ты и виноват передо мной. Кланяюсь твоей жене и деткам.

Приходи, утром всегда застанешь, до 10.

Твой Боричка

19. Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 67. Л. 25–25 об.
[18 января 1935]**[40]

18.01.1935

Дорогой Додя, ты всё знаешь, всё умеешь, а я ничего здесь не знаю. Хочешь сделать для меня одно превеликое дело? Если хочешь и можешь, то, пожалуйста, не откладывай этого дела и сделай немедленно, а я проведу для тебя одно дело, которое уже начал, то есть составить и напечатать

* Письмо написано на фирменной бумаге *Hotel San Remo* (Central park West 74th & 75th sts., New York).

** Письмо написано на фирменной бумаге *The Cumberland Hotel* (Broadway at 54th st., New York).

ROBERT T. WILSON
MANAGER

THE CUMBERLAND HOTEL

BROADWAY AT 54TH STREET

NEW YORK CITY

PHONE COLUMBUS 5-7480

18 I 1935

Дорогой Додя, ты все знаешь, все умеешь, а я ничего тут не знаю, хочешь сделать для меня одно превеликое дело? Если хочешь и можешь, то, пожалуйста, не откладывай этого дела и сделай немедленно, а я проведу для тебя одно дело, которое уже начал, т.е. составить и напечатать каталог для картинной галлереи Влад. Башкирова с которым уже на эту тему (о тебе) говорил и он очень хочет — надо лишь выбрать минуту — хорошую. И что-нибудь твое к нему тоже попадет, хотя он много денег не даст, даже мне, своему другу.

Так вот, моя к тебе просьба: Я дам одну мою вещь, одну [illegible] из серии: «французских [illegible]» — и тому кто даст мне [illegible] на 50 дол. книг, русских

Фрагмент письма Б.Д. Григорьева от 18 января 1935 года, написанный на фирменной бумаге *The Cumberland Hotel*

каталог для картинной галереи Влад. Башкирова[41], с которым уже на эту тему (о тебе) говорил, и он очень хочет — надо лишь выбрать минуту хорошую. И что-нибудь твоё к нему тоже попадёт, хоть он много денег не даст, даже мне, своему другу.

Так вот, моя к тебе просьба. Я дам одну мою вещь, одну гуашь из серии «Французский пляж» тому, кто даст мне на 50 дол. книг русских для чтения, иначе я тут с ума сойду от скуки, а надо продержаться до 1 мая. Всё жду заказов на портреты, которые совсем близко от меня где-то витают, и я знаю, что я их напишу. Я бы очень хотел получить всего Грабаря с его архитектурой, спроси около тебя в книжных лавочках. Мне также хотелось бы иметь «Войну и мир» Л. Толстого. И вообще кучу романов или серьёзных книг. Если сделаешь для меня рекламу, то и книги будут. Сейчас покупать книги мы, художники, не можем — нет денег. Я дам и масло за хорошие книги.

Привет Марии Никифоровне,

Твой Борис Г.

Знакомство Бурлюка с Борисом Дмитриевичем Григорьевым (1886, Москва — 1939, Кань-сюр-Мер) состоялось в 1908–1909 гг. в Петербурге. Бурлюк даже считал, что «большой цикл рисунков японской тушью», который был исполнен им в то время, оказал влияние на становление творческой манеры Григорьева. В эмиграции художники вновь увидели друг друга в октябре 1923 г., во время приезда Григорьева с женой в Нью-Йорк. С этого времени отношения между ними и их семьями переросли в дружбу, которая продолжилась и после смерти Григорьева в 1939 г. Бурлюки не оставляли своим вниманием жену художника, Елизавету Георгиевну, помогая ей материально, особенно в первые послевоенные годы. В архиве Бурлюка сохранилось 15 писем от Е.Г. Григорьевой.

[1] Выставка в галерее Ж. Шарпантье открылась 15 октября 1925 г.

[2] Картина находится в собр. галереи «Эрмитаж» (Москва). Хранитель музея Ш. Масон также намеревался приобрести с выставки портрет Ф.И. Шаляпина (1923, частн. собр.). Об этом см. письмо Григорьева к Бурлюку от 25 февраля 1931 г. (с. 113 наст. изд.).

[3] Речь идёт о персональной выставке Григорьева, проходившей в парижской галерее Бернхейм-Жена 7–18 мая 1928 г.

[4] Вилла «Борисэлла» была построена Григорьевым в Кань-сюр-Мер в 1927 г. Название образовано от имён художника и его жены — Елизаветы (Эллы) Марии фон Браше (1883–1968).

[5] Николай Мальянов (1894–1929), нью-йоркский торговец картинами.

[6] На Интернациональной выставке, посвящённой 150-летию независимости США и проходившей в Филадельфии в 1926 г., Григорьев показал «Бретонскую девушку» (частн. собр.).

[7] Работа находится в собр. музея Метрополитен в Нью-Йорке (гуашь).

[8] Частн. собр.

[9] Местонахождение этой и следующей картины не установлено.

[10] Видимо, речь идёт о картине «Дорога вдоль реки» (частн. собр.).

[11] Фрагментарно письмо опубл. в изд.: *Антипова Р.Н.* Псковская выставка Бориса Григорьева. М.: Астрея-центр, 2015. С. 182.

[12] Сведения, приводимые Бурлюком, не точны. Приглашение в Академию художеств Григорьев получил от министра образования Чили Э. Барриоса. Карлос Давила (1887–1955), будучи послом Чили в США, мог содействовать этому приглашению. Григорьев покинул Сантьяго в марте 1929 г., тогда как Давила вернулся в Чили только в 1932 г., и, действительно, на короткое время стал президентом. Супруга Давилы — Эрминия Аррате (1895–1941), чилийская художница, познакомилась с Григорьевым во время своего пребывания в Париже в 1927 г.

[13] Речь идёт о поэте и художнике Херше Гудельмане (1892–1967), который покупал у Бурлюка рисунки Григорьева. См.: *Color and Rhyme*. 1964, № 53. С. 5.

[14] Имеется в виду картина «Лики мира» (Прага, Национальная галерея), имевшая также названия — «1920–1931» и «Двадцатый век».

[15] *Григорьев Б.* Boui-boui au bord de la mer. Берлин: Петрополис, 1924.

[16] Речь идёт о выставке в галерее В. Гиршмана на рю Сент-Оноре в Париже, проходившей под названием «В стране Мичмалонко и Гаопеликана».

[17] Григорьев имеет в виду народную пословицу «Слава тебе, тетерев, что ноги мохнаты!»

[18] Речь идёт о портрете М. Горького (1926, Москва, Музей-квартира М. Горького).

[19] Игнасио Сулоага (1870–1945), испанский художник, его яркая декоративная живопись пользовалась огромной популярностью.

[20] Лето Бурлюки провели в Новой Англии, на побережье Атлантического океана.

[21] Альберто Эдвардс (1874–1932), чилийский политик. Во время своего пребывания в Чили Григорьев исполнил несколько портретов по заказам представителей этой влиятельной в стране семьи.

[22] Вилла Рахманинова находилась в местечке Клэрфонтен-ан-Ивлин около Рамбуйе.

[23] Два портрета находятся в в Российском национальном музее музыки в Москве, один — в частн. собр.

[24] Уильям Ричард Стейнвей (1881–1960), председатель правления фирмы *Steinway & Sons*.

[25] Письмо фрагментарно опубликовано Р.Н. Антиповой (Наше наследие. 1990, № 4. С. 49, 51).

[26] Григорьев имеет в виду панику на финансовом рынке в связи с крахом Банка Соединённых Штатов в декабре 1930 г.

[27] Исидор Поливник (1882–1957), амер. бизнесмен, занимался строительством. В 1927 г. Григорьев исполнил его портрет (частн. собр).

[28] Имеется в виду Шарль Массон (1858–1931), главный хранитель Люксембургского музея в Париже и автор каталога коллекции музея (1927).

[29] Ср. запись Д. Бурлюка от 23 января 1932 г.: «Поливник за восемь гуашей Григорьева дает 125 дол., за картину не дает и ста» (*Color and Rhyme*. 1966. № 60. С. 12).

[30] То есть «посвящается М. Ганди». Речь идёт о полотне «Индия идёт. Рамаяна» (проходила на аукционе Сотбис в Лондоне 1 дек. 2015 г., лот 107).

[31] Выставка Ю. Анненкова проходила в галерее Д. Беккера в Нью-Йорке.

[32] Выставка Григорьева в парижской галерее Колетт Вейль на ул. Боети проходила в мае 1930 г. На её открытии присутствовал посол Чили во Франции.

[33] Опубликовано в изд.: *Антипова Р.Н.* Псковская выставка Бориса Григорьева. С. 199.

[34] Рукопись до сих пор не опубликована, находится в частн. собр. Фрагменты см.: *Григорьев Б.* «О Хлебникове и футуристах». Глава из неизданных воспоминаний Б. Григорьева «Моя жизнь». Комм. А. Парниса // Антикварный мир. 2014. № 7. С. 66–75.

[35] Глеб Владимирович Дерюжинский (1888–1975), скульптор, в США с 1919 г.

[36] Кирилл Григорьев окончил лицей в Ницце в 1932 г.

[37] Александр Яковлев в это время находился в рекламной поездке фирмы «Ситроен» по странам Ближнего Востока и Центральной Азии в качестве штатного художника.

[38] Подчёркивание в этом письме принадлежит Д.Д. Бурлюку. Напротив «Моего Горького» комментарий на полях рукой Бурлюка: «Портрет воспроизведен в Русс. искусство» (Бурлюк имеет в виду составленный им сборник «Русские художники в Америке» — Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк, 1928. С. 19).

[39] Напротив слова «записках» рукой Д. Бурлюка: «Записки у вдовы…» [следует адрес виллы Borisella на франц. яз.].

[40] Фрагментарно письмо публ. в изд.: *Антипова Р.Н.* Псковская выставка Бориса Григорьева. С. 200.

[41] Владимир Николаевич Башкиров (1886–1969), бизнесмен, после революции жил в Нью-Йорке, занимался поставками зерна в Советскую Россию. В коллекции были представлены работы рус. художников, не только живопись, но и графика. В записках М.Н. Бурлюк отмечены дилерские услуги, которые Бурлюк оказывал Башкирову (см.: *Color and Rhyme*. 1966. № 60. С. 101). Упоминаемый Григорьевым каталог напечатан не был.

Николай Циковский. Лонг-Айленд, 1940-е

Н.С. Циковский

1. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 16
[Лето 1929]*

Дорогие Давид Давидович, Мария Никифоровна, Додик, Никиша!

Я послал Ваши картины Миссис Клаус[1]. С большим удовольствием разглядывали их. Вчера в доме Мееровичей[2] давали концерт русских песен.

Всё хорошо.

Поль Голуа[3] живёт в Рокпорте. Сегодня я собираюсь к нему в гости на обед.

Ваш N. Cikovsky

Написал пару вещей и одну вполне закончил, работаю подолгу над вещью.

Дороти[4] уже в Нью-Йорке, так как у неё есть занятие.

Мы хорошо провели две недели.

Читали, что собираетесь печатать книгу о Маяковском. Я, Давид Давидович, напишу свои воспоминания, каким я его видел в Нью-Йорке.

Будьте счастливы.

Желаю успеха в работе.

Ваш Nicolay Cikovsky

* Первая часть письма (до подписи: «Ваш N. Cikovsky») написана по-английски, с ошибками и неточностями. Даём сразу перевод..

[приписка сбоку на первой странице письма:]

Получил Вашу биографию[5], чудная книга, жаль, что не подписали <нрзб.> собственно говоря… <часть текста утрачена>

[приписка вверху на первой странице письма]:

Mrs. Клаус очень беспокоится, чтобы Ваши картины прислали ко времени <нрзб.> украсить свою студию 4-мя остающимися.

2. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 1-1 об.
[Июль 1930]*

Дорогой Давид Давидович, Мария Никифор., Додик, Никиша!

Живу здесь как рыба или лобстер в солёной воде. Дела значительно пошатнулись. У Даниела[6], вероятно, затор — у меня прямо караул.

Пришлите на пару недель или до встречи в Нью-Йорке долларов 10. (Конечно, если таковые имеются у Вас.) Одним словом, у меня перерыв в получке денег на следующий месяц и сейчас туго. Так, если можете одолжить, Дав. Дав., то будет хорошо, а если нет, то придётся ждать у Даниела погоды. Бываю у Gaulois в Rockport, у <него> дела тоже плохие — обещали и не шлют денег. Сегодня отнесу Клаус письма (у Marble road, Glouchester). Также передал привет

* В верхней половине первой страницы письма — рисунок Циковского. Под ним: *N.C. Glouchester. Mas.*, — см. с. 131.

Н.С. [illegible]

Дорогой Давид Давидович
Мария Никифор. Дадик Никиш
Живу здесь как рыба или
лобстер в соленой воде.
Дела значительно [illegible].
У Даниила, вероятно, запор. —
а меня прямо караул.
Пришлите я на ~~над~~ пару

Пишу не особенно [illegible] : и много в прихожей. Время сейчас!

Первая страница письма Н.С. Циковского. Июль 1930

2

Н.С.
Gloucester Mass
15 July. 1930

Дорогие: Давид Давидович
Мария Никифоровна Додик
Никита!!

Откровенно чистосердечно рад Вашей отзывчивости. Вы и Мур. единственные, которые откликнулись сразу и практически. Писал Вовшину, но его постигло несчастье и потому он не мог прислать мне

Первая страница письма Н.С. Циковского от 15 июля 1930 года

Мейеровицу. Насчёт Брамбак[7], вряд ли он здесь, слыхал, что его здесь нет.

Привет всем. Ваш. Ник. Циковский.

[приписка на первой странице письма вдоль длинной стороны:]
Пишу не особенно жарко и много, с прохладцею. Время есть!

3. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 2–3 об.
[15 июля 1930]*

Дорогие: Давид Давидович, Мария Никифоровна, Додик, Никиша!

Откровенно чистосердечно рад вашей отзывчивости. Вы и Мар. Н. — единственные, которые откликнулись сразу и практически. Писал Вовшину[8], но его постигло несчастье и потому он не смог прислать мне.

И если бы не получил вчера деньги от Даниела, я бы сидел на мели и смотрел бы на Rocky Neck[9].

Сейчас, право, я не знаю, пожалуй, воспользуюсь Вашими 5 долларами, ибо от Даниела пока получил очень мало. Говорит, что тугие очень дела, приходится верить. Клаус очень хорошо к Вам относится и, кажется, хочет продать Ваши вещи своим знакомым. Ой, и скупущая она, между нами говоря (по секрету).

Передал от Вас и Марии Никифоровны привет Мейеровицам, Голуа и, конечно, Клаусам.

* В верхней половине первой страницы письма — рисунок Циковского. Под ним: *N.C. Glouchester. Mas. 15 july 1930,* — см. с. 132.

Сегодня еду к Голуа. У него гостит Фуджита[10], японец, Вы его знаете. Голуа сидит пока на бобах в ожидании картошки или манны от Катерин Драер*. Кэт купил<а> картину, обещал<а> посылать ежемесячно, и крах на бирже, и стоп... Пока живёт хорошо, пользует<ся> кредитом от лавочников и молочников.

Удим иногда рыбу на обед. Однажды наудили так, что и на ужин осталось. Сегодня еду к нему, буду кланяться. Ещё раз спасибо за Ваше внимание, надеюсь возвратить Вам (5), как только вернусь, а то и раньше, если будет возможность.

Лучшие пожелания, Ваш друг Н. Ц.

4. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 4
[27 ноября 1940; открытка]**

Дорогой Додя!

Спасибо за хороший отзыв о выставке[11]. Посылаю тебе две вещи. Когда буду в Нью-Йорке зайду […] возьми что […] твоих […] вещей […] До свидания <Привет> Марии <Никифоровне>

* Сохраняем авторское написание фамилии.

** Дата приводится по штемпелю. Открытка отправлена из Вашингтона. Угол открытки с маркой оторван, часть текста не сохранилась.

5. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 5.
[23 сентября 1942, открытка]*

Дорогие Давид, Мария Никифоровна и Никиша!

Если будет хороший день в субботу эту, то мы будем очень счастливы принять Ваше приглашение и приедем машиной, конечно, если (это приглашение в силе) дайте нам знать. Привезём с собой пикник, т. е. кое-что из продуктов, и я захвачу бутылку вина. Я хочу написать пару вещей и с этой целью <нрзб.> хочу раз ещё Вас навестить[12].

Радостное воспоминание у меня осталось о последнем визите.

Любящий Вас Коля

6. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 8–8 об.
[5 октября 1942]**

Октябрь 5/ 1942

Дорогой Давид, Мария Никифоровна, Никиша!

На следующей этой неделе мы ещё раз хотим приехать посмотреть на дом, который не выходит из нашей памяти (если, конечно, он ещё не продан).

Мы постараемся приехать в воскресенье, мы соберёмся рано утром, я, быть может, останусь пописать, если приглашение ваше осталось в силе.

Будем надеяться на хорошую погоду.

Дорогой Давид, пришли открытое письмо, если есть кое-какие изменения.

Любящий вас Коля

* Дата приводится по штемпелю.

** В этом письме и в следующем сверху страницы, по центру, в три строчки проштамповано: MR. NICOLAI CIKOVSKY / 40 EST TENTH STREET / NEW YORK CITY.

7. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 7–7 об.
[7 октября 1942]

Oct. 7/1942

Дорогой Давид,

Спасибо за письмо и план. Гортенс[13] должна быть у дантиста в субботу утром.

Выедем часов в одиннадцать утра, в субботу. Семья пробудет до понедельника. (Понедельник — день Колумба[14].)

Я останусь на дня два пописать с натуры.

Мы привезём с собой кое-какие пищевые продукты.

Жаль, что погода сейчас, когда я пишу это письмо, такая прекрасная.

А в конце недели какова будет — не знаем.

Надеемся, будет тепло и ясно.

Любящие Вас

Коля с семейством

Слева направо: Мария Бурлюк, галерист Герман Барон, неизвестный, Давид Бурлюк, художники Моисей Сойер и Николай Циковский. Хэмптон-Бейс. Около 1942. На столе портретная голова Марии Бурлюк скульптора Исаму Ногучи

8. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 6
[20 октября 1942; открытка]*

Дорогой Давид, Мария Никифоровна!

Не знаю точно, смогу ли я приехать к вам или вернее к себе. Гортенс уезжает, но если погода будет очень хорошая, то приеду с сыном. Давид, дорогой, прости за беспокойство. Разреши использовать твой гараж для садовых приспособлений, которые придут экспрессом. Дай мне знать, если не затруднит тебя эта просьба.

[приписка сбоку:]
Любящий Коля. Привет Марии Никифоровне

9. Ф. 372. К. 25. Ед. хр. 49. Л. 5–6
[28 октября 1942]

Окт. 28/42

Дорогой Давид,

Спасибо опять за внимание и заботу о моих садовых принадлежностях.

Очень рад, что Доде[15] нравится дом, конечно, снаружи. И приму во внимание его предложение насчёт отводной трубы.

Вчера виделся с Чакбасовым[16] и Лозовиком[17], на собрании очень хорошо вспомнили о тебе. Жаль, что не смогу приехать пораньше — слишком много забот, а толку мало в городе.

Сейчас представляю очень хорошо <нас?> у моря. Каковы новости от Никиши?

* Дата приводится по штемпелю.

Будем надеяться, что ещё одна или две наши поездки будут также хороши, как и прошлые.

Гортенс будет дома в субботу по полудни, а то бы я прикатил в эту субботу, да она будет усталой, с дороги.

Любящий друг

Коля

[приписка с краю:]

Привет Марии Никифоровне

10. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 13–13 об.
[Май 1943]*

Дорогие Давид и Маруся!

Моисей Kolton[18] и я приедем в Hampton Bays в понедельник, 3 мая, часам к 12 или позднее. Пожалуйста, не приготавливайте ничего, потому что мы все уедем обратно в тот же день. Моисей хочет посмотреть дом в Watermill[19].

Я должен исправить свою машину. Значит, до понедельника.

Гортенсия и Колька[20] провели очень приятное время в прошлое воскресенье в вашем доме.

Я хочу уговорить Рафаэля[21] приехать, если, конечно, ему будет удобно.

Колтон привезёт с собой apparat и сделает снимки.

К.

* Это письмо и следующее написаны на бумаге со штампом отправителя (см. примеч. на с. 135), но слово «MR.» тщательно замарано ручкой.

11. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 14–14 об.
[Октябрь 1943?]

Дорогой Давид и Мария Никифоровна!

Жаль, что нам не удалось побывать у вас и у себя в доме. Надеемся приехать в скором будущем. Не сможем приехать в эту субботу, потому что Hortense будет в отъезде, и я должен уехать по делам на Ниагару.

Большое спасибо за то, что взял на себя хлопоты по сохранению инструментов. Я их обменял на свой пейзажик.

Спасибо за фотографию, вышли очень хорошо, сохраним для будущего.

Привет от супруги и сына

Любящий вас Коля

12. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 11–12
[2 ноября 1943?]

Ноябрь 2

Дорогой Давид,

Сегодня еду на Ниагару.

Спасибо за душевное письмо.

Писать я люблю, только дисциплины не имею.

Был у меня в студии Горький (не Максим)[22]. Затем был у него, <он> показывал свои вещи «от раннего Сезанна до позднего Миро».

Большой талант и имитатор.

Хотя Челищев[23] такой же имитатор, только знает, где и как.

Надеемся побывать у себя и у вас в конце недели.

Привет Марии Никифоровне

Любящ. тебя Коля

13. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 15
[1940-е]*

Дорогой Давид Давидович,

Я получил твою рецензию и два номера «Русского голоса». Большое спасибо.

Собираюсь послать в недалёком будущем свои акварели или маленькое масло — в обмен. Видал на днях Holder Caggil, директора W.P.A[24]. Он был в Whitney Museum[25], и очень довольный, в восторге от твоей вещи.

Буду рад написать пару слов Лидии Павловне[26], если пришлёшь мне её адрес.

Привет Марии Никифоровне

Твой друг Н.С.Ц.

14. Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 59. Л. 9–10
[28 октября 1950. 169, Jefferson av., Columbus, O<hio>[27]]

Oct. 28–1950

Дорогие Давид и Маруся!

Я уже здесь четыре недели и скоро буду обратно в Н.-Йорке. Думаю, что в середине ноября. Погода здесь стоит прелестная, и я приехал сюда автомобилем, видел замечательные пейзажи по дороге. И вспоминаю, и думаю всегда, как хорошо было бы и сейчас писать вместе с натуры. Здесь нет никого, кто мог бы разделить мой** или кто мог понять, как хорошо писать с натуры.

Местные худ<ожники> или ужасные неучи или абстрактные дураки. Я разъезжаю и делаю зарисовки.

* Сверху страницы, по центру, в три строчки штамп с новым адресом, в котором уже отсутствует ненавистное Циковскому слово «MR.»: NICOLAI CIKOVSKY / 1640 THIRTY SECOND STREET N. W. / WASHINGTON. D. C.

** Слово «мой» зачёркнуто.

Николай Циковский
на своей выставке.
1940

Буду рад посетить ещё раз, перед тем как наступит осенняя пора, вас.

Местные музей и школа — посредственность. Хотя сейчас выставляют старых мастеров и<з> частных коллекций, среди которых имеются интересные вещи[28].

Частных покупателей я <не> нашёл, и думаю, что их здесь нет.

Нет лучшего места, чем Нью-Йорк для нашего брата.

Привет друзьям, приятелям.

До скорого свидания

Коля

На обороте одного из писем Николая Степановича Циковского (1894, Пинск — 1987, Вашингтон) сохранилась запись, сделанная рукой Бурлюка: «Н.С. Циковский, изв. художник. Окончил Пензен<ское> худ. уч. и Московское <в> 1921 г. В САСШ с 1923 г., ближ. друг Бурлюков». В начале 1940-х гг. Циковский с семьей поселился на Лонг-Айленде, поблизости от Бурлюков.

[1] Миссис Клаус (Mrs. Clous), по словам Бурлюка «миллионерша и любительница живописи», меценатка и художник-любитель.

[2] Уильям Мейеровитц (1887–1981), художник, родился в Екатеринославе, в Америке с 1908 г. В Глостере у него с женой был небольшой летний домик.

[3] Поль Голуа (далее — Gaulois, 1904–1943), американский художник.

[4] Дочь художника.

[5] *Бурлюк Д.* К 25-летию художественно-литературной деятельности. Стихи. Картины. Автобиография. Н.-Й.: Русский голос, 1924.

[6] Чарльз Даниел (1878–1971), владелец *Daniel gallery* в Нью-Йорке, в 1930 г. устроил персональную выставку Циковского.

[7] Фрэнк Брамбек, адвокат, меценат, муж художницы Луизы Брамбек. После её смерти в феврале 1929 г. покинул Глостер.

[8] В.А. Вовшин (?–1938), доктор, коллекционер.

[9] Рокки Нек — посёлок художников недалеко от порта в Глостере. Здесь же располагались художественные галереи, которые работали в летние месяцы.

[10] Цугухару (Леонард) Фуджита (1886–1968), художник, представитель «парижской школы».

[11] Имеется в виду выставка Циковского в галерее *Associated American Artists* в Нью-Йорке, проходившая в ноябре 1940 г.

[12] С начала 1940-х гг. семья Циковских на выходные постоянно приезжала в гости к Бурлюкам в Хэмптон-Бейс на Лонг-Айленд. Вскоре Циковские купили небольшой дом в соседнем Саутгемптоне.

[13] Гортензия Циковски (1896–1982), жена художника.

[14] 12 октября.

[15] Имеется в виду Давид Бурлюк мл. (1913–1991), сын художника.

[16] Наум Стефанович Чакбасов (1899–1984), художник.

[17] Луис Лозовик (1892–1973), художник.

[18] Правильно — Colten. М. Колтен, нью-йоркский фотограф.

[19] Уотермил — посёлок недалеко от Саутгемптона на Лонг-Айленде.

[20] Николай Циковский мл. (1933–2016), сын художника, стал искусствоведом, занимался амер. живописью XIX в.

[21] Рафаэль Сойер (1899–1987), художник, в Хэмптон-Бейс у него, как и у его брата, художника Моисея Сойера, был летний домик.

[22] Речь идёт о художнике Аршиле Горки (наст. имя и фам. Востаник Адоян; 1904–1948).

[23] Павел Фёдорович Челищев (1898–1957), художник.

[24] Правильно — Holger Cahhil. Works Project Administration — Управление обществ. работ, агентство, занимавшееся в годы Великой депрессии трудоустройством безработных. Одно из его отделений (Federal Art Project) оказывало помощь художникам. Его возглавлял куратор Хольгер Кейхил (1887–1960). Управление было ликвидировано в 1943 г.

[25] Музей амер. искусства Уитни приобрёл первую в своей коллекции картину Бурлюка «Регата» в 1941 г.

[26] Надеждина Л.П. (?–1982), сотрудник газеты «Русский голос».

[27] В Коламбусе (шт. Огайо) Циковский преподавал в местной художественной школе.

[28] В октябре 1950 г. в Музее изобразительных искусств Коламбуса (тогда назывался Галереей изящных искусств) проходила выставка «Шедевры живописи. Сокровища пяти столетий».

1

Dear David:-

You can not imagine how happy I was to receive your letter. Last time I saw you at the last moment, I was very nervous about myself and just when you brought me your book. And you know I appreciate you. and I love you. We Russians are too emotional and perhaps that is our power but it is also our unhappiness. I am so happy you can now to work more humanly and to take life a little bit easier. I am happy for you ~~and~~ that your efforts were successful from that most difficult climate for art that can exist in the world. In case you survive in New York, certainly you can live in any art climate. Sometimes I am discouraged. You felt it because you wrote me that letter. You are sufficiently sensitive to understand immediately how after my success it is terrible to be forgotten. That means to think about money money money

С. 144, 146, 149. Письмо С.Ю. Судейкина к Д.Д. Бурлюку. 1946

С.Ю. Судейкин

Ф. 372. К. 15. Ед. хр. 32. Л. 1–2
[1946]

Dear David,

You can not imagine how happy I was to receive your letter. Last time I saw you at the last moment, I was very nervous about myself and just < qick?>when you brought me your book. And you know I appreciate you. And I love you. We Russians are too emotional and perhaps that is our power but it is also our unhappiness. I am so happy you can now work more humanly and to take life a little bit easier. I am happy for you and that your efforts were successful from that most difficult climate for art that can exist in the world. In case<?> you survive in New York, certainly you can live in any art climate.

Sometimes I am discouraged. You felt it because you wrote me that letter. You are sufficiently sensitive to understand immediately how after my success it is terrible to be forgotten. That means to think about money, money, money and at the same time try to create. We, emigrés know that. Only how cruel to come to that feeling after 25 years work in New York. Certainly it in is my fault why didn't I always do easel painting? One of my friends calculated on paper how much scenery I painted with my own hands here in New York. 10 miles! That means on Broadway — 200 blocks!

and at the same time try to create. We,
energies know that. Only how cruel to come
to that feeling after 25 years work in New
York. Certainly it ~~is~~ is my fault why
didn't I always do easel painting? One of my
friends calculated on paper how much scenery
I painted with my own hands here in New York.
10 miles! That means on Broadway - 200
blocks! Now I begin to age[illegible] and my energy
for work is unreturnable and ~~that~~ is wrong.
because as I work now and how I know
what I am doing and how I love it and what
I can do now makes me think I lost [illegible]
genius in painting for the passing of the [illegible]
These few years where we are both on this [illegible]
earth we need to do our best. I work from
7 A.M. to all day and half the night and
sometimes I am truly satisfied but I am
a little desperate that I will not be able to
do as many paintings as I should. Only believe
me those paintings will never be lost.
Heart trouble is only my learning so

Now I begin to age and my energy for work is unreturnable and that is wrong because as I work now and how I know what I am doing and how I love done it and what I can do now makes me think I lost genius in painting for the passioning the theater. These few years where we are both on this damn earth we need to do our best. I work from 7 a.m. all day and half the night and sometimes I am truly satisfied but I am a little desperate that I will not be able to do as many painting as I should. Only believe me those paintings will never be lost.

Heart trouble is only my heaviness as I have lost 34 pound.

I kiss with my tremendous heart the emigré proletarian perelitarian, my friend in misery and crazy effort. We never can change.

Жив курилка

Серёжа Судейкин

Дорогой Давид,

ты не можешь себе представить, насколько я был счастлив получить твоё письмо. Прошлый раз я увидел тебя в последний момент, когда ты передавал свою книгу, я очень нервничал и торопился[1]. Но ты знаешь, что я ценю и люблю тебя. Мы, русские, слишком эмоциональны, возможно, в этом наша сила, но также и наше несчастье. Я так счастлив, что ты теперь можешь работать в нормальных условиях и что жить тебе стало легче. Я рад за тебя, а также за то, что твои усилия выжить в той тяжёлой для искусства атмосфере, которая установилась сейчас в мире, увенчались успехом. Если ты выживаешь в Нью-Йорке, тогда ты точно сможешь выжить в любом художественном климате.

Иногда я нахожусь в унынии. Ты почувствовал это, потому что написал мне это письмо. Ты достаточно чувстви-

телен, чтобы сразу понять, как страшно после моего успеха быть забытым. Это означает, <что надо> думать о деньгах, деньгах, деньгах… и в то же самое время пытаться творить. Мы, эмигранты, знаем каково это. Только как страшно осознавать это после 25 лет работы в Нью-Йорке. Безусловно, это моя вина. Почему я постоянно не занимался живописью? Один из моих друзей подсчитал на бумаге, сколько декораций я нарисовал своими руками здесь, в Нью-Йорке. 10 миль! По протяженности это равнозначно 200 кварталам на Бродвее!

Теперь я начинаю стареть, <былой> энергии для работы уже не вернуть, и это плохо. То, как я работаю сейчас, как я понимаю то, что делаю, и как я делал это раньше и делаю теперь, заставляет меня думать, что из-за своей страсти к театру я утратил огонь в своей живописи. За те несколько лет, которые нам обоим <осталось> на этой проклятой земле, мы должны сделать лучшее, что мы можем. Я работаю с 7 утра весь день и половину ночи, и иногда доволен, но часто немного отчаиваюсь от того, что не смогу написать столько картин, сколько нужно. Но поверь мне, эти картины не пропадут в будущем.

Единственное, что беспокоит меня сейчас — это проблемы с сердцем, я уже потерял 34 фунта.

Целую тебя, со всем <пылом> моего трепещущего сердца эмигранта-перелетария, моего друга и в страданиях, и в безумных попытках достичь <совершенства>. Мы никогда не сможем стать другими.

Жив курилка

Серёжа Судейкин

I have lost 34 pounds.
I kiss, with my tremendous heart the emigré ~~proletarian~~ perelitarian, my friend in misery and crazy effort. We never can change.

Твой Бурлюка

Сережа Судейкин

Сергей Юрьевич Судейкин (1882, Санкт-Петербург — 1946, штат Нью-Йорк) обосновался в Нью-Йорке в 1922 г. Тогда же возобновил знакомство с Бурлюком, встретившись с ним в доме мецената Р.У. Чандлера. Со слов Судейкина Бурлюк записал краткую историю жизни художника, включая парижский период и первые годы пребывания в Америке. Наброски, сохранившиеся в архиве (Ф. 372. К. 20. Ед. хр. 16), частично были опубликованы в изд.: *Бурлюк Д.* Русские художники в Америке. Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1928. С. 11–12.

[1] Имеется в виду монография К. Дрейер о творчестве Бурлюка (*Dreier K.* Burliuk. N.-Y.: The Société Anonyme, Inc. & Color and Rhyme, 1944).

Константин Терешкович. Моя дочь. 1958. Акварель была воспроизведена Бурлюком в журнале *Color and Rhyme* за 1959 год, № 41

К.А. Терешкович

Ф. 372. К. 15. Ед. хр.79. Л. 1–1 об.
[Лето 1949]

Дорогой Бурлюк,

Отвечаю с некоторым опозданием.

Будем очень рады Вас увидеть в Париже.

1). Краски нужно привезти из Америки. Здесь плохие и трудно достать. Холсты можно купить в Париже.

2). Комнату в Париже с ванной можно найти. Цена 10–15 долларов в месяц.

3). Выставка в Париже может стоить около 100 долларов все расходы. Но можно рассчитывать на продажу.

4). Нужно взять доллары с собой, но не показывать на таможне. (Показать небольшую сумму в 200–300 дол.) Покупать из Америки доллары по почте нельзя.

5). Комнату и питание в Arles 5+, <Saintes-> Maries <de-la-Mer>, Aix <en-Provence> и т. д. можно найти легко и недорого.

6). Вшей и блох здесь нету. Революции, я надеюсь, не будет.

Пока больше ничего не пишу, иду на почту, чтоб быстро отправить Вам это письмо.

Посылаю Вам и Вашей жене привет от нас и à bientôt*.
Ваш Константин Т.

[приписка внизу письма М.Н. Бурлюк:]
Художник на откупу (sic!) у Швейцарии[1]

Константин Андреевич Терешкович (1902, Московская губ. — 1978, Лазурный берег) жил в Париже с 1920 г. Письмо написано в ответ на просьбу Бурлюка дать сведения об условиях проживания в Париже и на юге Франции, в городах, связанных с именем Ван Гога и Сезанна (Арль, Сент-Мари-де-ла-Мер, Экс). Поездку «по следам Vincent'а» Бурлюк планировал с конца 1946 г. После тщетных попыток связаться с М.Ф. Ларионовым ему удалось достать адрес К.А. Терешковича, который предоставил необходимые сведения, а также сообщил точный адрес Ларионова. В поездку Бурлюки отправились осенью 1949 г. (см.: *Бурлюк Д., Бурлюк М.* По следам Ван Гога. Записки 1949 года. М.: Grundrisse. 2016). Публикуемое письмо Терешковича, по-видимому, было послано незадолго до этого, летом.

[1] Имеется в виду сотрудничество Терешковича с литографской мастерской Вольфенсбергера в Цюрихе.

* До встречи (*франц.*).

А.М. Белокопытова

Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 18. Л. 1–2 об.
[24 октября 1949]

24 okt. 1949
New-York

Милые Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Получила ваше милое письмо с сообщением о вашем отъезде за границу[1].

К моему великому сожалению не могла приехать на пароход повидать вас, что очень хотела. Причина — болезнь. Вот уже шесть недель как я сижу дома, сильная слабость, высокое давление крови. Доктор говорит, что это от сильного переутомления и сказалось всё пережитое за последнее время.

Хотелось вам послать весточку во Францию пораньше, да не могла писать.

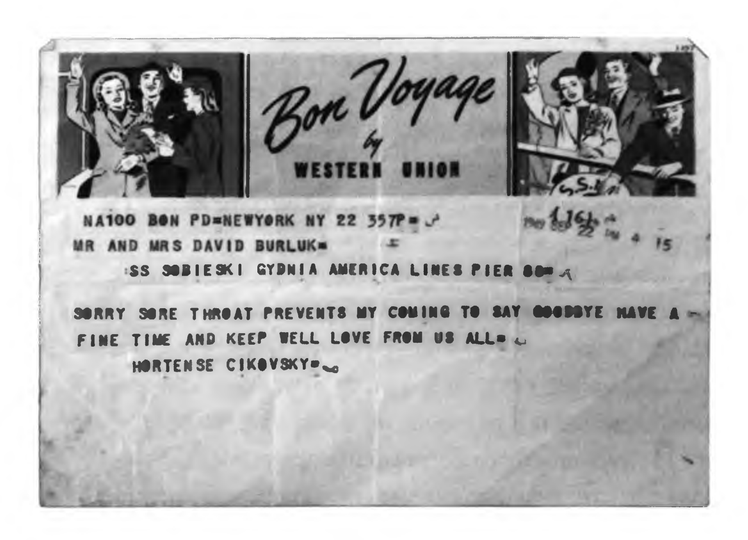
Надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо. Масса впечатлений. Как чувствовали себя на пароходе? Меня всегда радовало, когда я узнавала о вашем путешествии и с удовольствием читала ваши очерки в газете «Русский голос», подробное описание вашей поездки по Мексике, Флориде, Калифорнии[2]. И думала: «Вот примерная пара голубков-неразлучек, всегда вместе. Летают по тёплым краям в зимнюю пору».

Побольше было бы таких, и на свете лучше бы жилось многим. Ваши путешествия так соблазнительны, что,

кажется, бросила бы всё и покатила бы куда-нибудь. Но вот есть «но», с которым приходится мириться и доживать свой век, сидя на одном месте.

Но всё-таки я имела удовольствие сделать себе маленькую поблажку. Хотелось посмотреть своих — дочь и внука с женой. Так я решила, «где моё не пропадало», — поехала в Калифорнию. Это было в прошлом году перед Рождеством, и пробыла там два месяца. Вернулась в New-York в феврале, и с новыми освежёнными силами принялась за работу. Да вот, кажется, очень усердно работала, что заболела.

В Париже вы, наверное, встретили много знакомых. Я часто вспоминаю Париж. Когда-то и я со своей семьей прожила в нём около двух лет[3]. И успела посмотреть все

NA100 BON PD=NEWYORK NY 22 357P=

MR AND MRS DAVID BURLUK=

SS SOBIESKI GYDNIA AMERICA LINES PIER 88=

SORRY SORE THROAT PREVENTS MY COMING TO SAY GOODBYE HAVE A FINE TIME AND KEEP WELL LOVE FROM US ALL=

HORTENSE CIKOVSKY=

Телеграмма Гортензии Циковской на корабль «Собески»,
на котором Мария и Давид Бурлюки отправились осенью 1949 года
из Нью-Йорка во Францию, «по следам Ван Гога»

достопримечательности. Побывав несколько раз в Версале и даже в Фонтенбло, <чтобы> посмотреть на грамоту «Отречение Наполеона», на его спальню. И полюбоваться на трёхсотлетних карасей в пруду парка, <стенки> котор<ого> уже обросли мхом. Как бы играющих в футбол с большим куском булки, которую бросают им посетители парка. Сохранилось ли всё это? А также в самом Париже — это дивный Люксембургский парк, в котором я любила сидеть у фонтана?

Желаю вам всего доброго, быть здоровыми и провести хорошо время.

Счастливого пути в дальнейшем путешествии. Всего, всего хорошего.

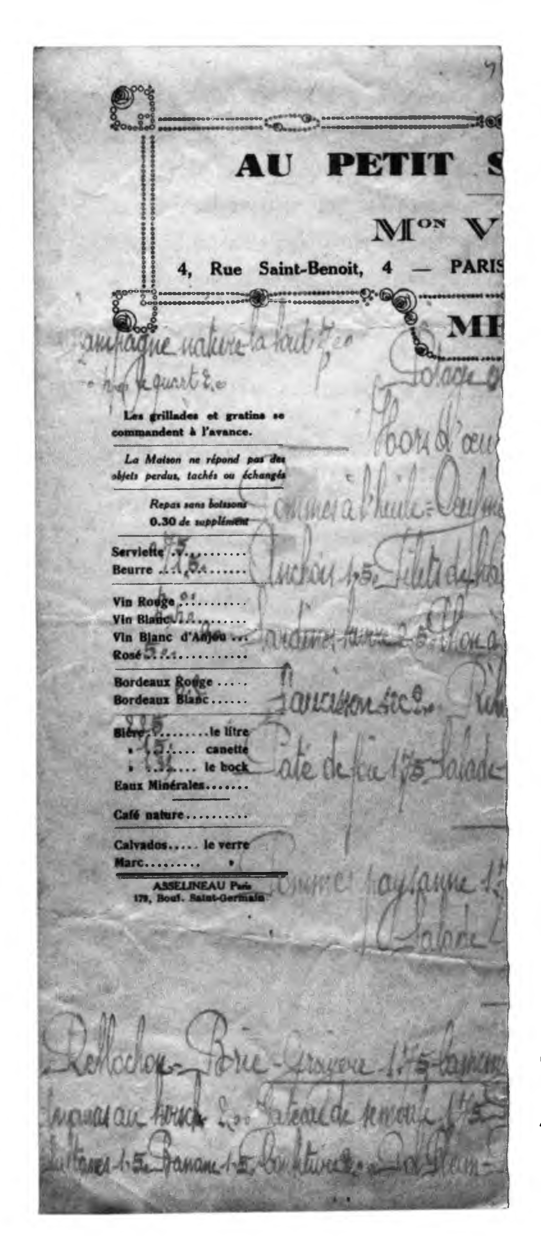
Ваша А. Белокопытова

Анна Михайловна Белокопытова (Зельманова, Чудовская; 1891, Москва — 1952, Париж), художница, знакомая Бурлюка со времён участия в выставках «Союза молодёжи» в 1910–1912 гг.

[1] Имеется в виду отплытие Бурлюков в Европу на корабле «Собески» 23 сентября 1949 г. Публикуемое письмо Белокопытовой было получено ими в Арле. См.: *Бурлюки М., Д.* По следам Ван Гога. Записки 1949 года. М.: Grundrisse, 2016. С. 138–139. См. также примеч. на с. 152.

[2] Материалы Бурлюка о зимних поездках по югу Америки публиковались в газете «Русский голос» в 1942 г. («По штатам Калифорния и Невада», «По штатам Невада и Юта», «По штатам Юта и Колорадо» и др.). Мексику Бурлюки посетили весной 1947 г.

[3] Первый раз Белокопытова побывала в Париже в 1909 г. Вторично оказалась там после отъезда из России в 1918 г. вместе с мужем полковником Б.А. Белокопытовым.

AU PETIT S

M^ON^ V

4, Rue Saint-Benoit, 4 — PARIS

ME

Les grillades et gratins se commandent à l'avance.

La Maison ne répond pas des objets perdus, tachés ou échangés

Repas sans boissons
0.30 *de supplément*

Serviette ....
Beurre ....

Vin Rouge ....
Vin Blanc ....
Vin Blanc d'Anjou ....
Rosé ....

Bordeaux Rouge .....
Bordeaux Blanc ......

Bière .... le litre
» .... canette
» .... le bock
Eaux Minérales ....

Café nature ....

Calvados ..... le verre
Marc .... »

ASSELINEAU Paris
179, Boul. Saint-Germain

Фрагмент меню парижского кафе *Au Petit Saint-Benoit*, которое часто посещали Наталья Гончарова и Михаил Ларионов

М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова

1. Ларионов: Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 16. Л. 1–1 об.
[1 декабря 1949]

1 Дек. 1949
*10 rue Jacque Callot, Paris VIe**
Tel.: Odeon 55-66

Дорогой Давид Давидович!

Узнал от Терешковича[1], что Вы в Европе, и получил Ваш адрес в Cagnes [sur Mer]. Очень огорчён, что Вас не видел в первый Ваш проезд через Париж, хотя, думаю, если это было в конце весны и начале лета, то я, вместе с Нат. Серг., оба были в Monte-Carlo. Там мы пробыли около 3 ½ месяцев (работали для балета)[2]. Если Вы были в это время на юге — то я вдвойне огорчаюсь, что Вас там не видел, так как Cagnes совсем не далеко. Не знаю, как Вы, я мало изменился, и все вопросы «так называемого искусства» меня волнуют. То, что я Вам не писал — это ничего не значит — когда Вы видели или знали, что я писал письма?? (это исключение — так как я очень хочу Вас видеть). Я очень Вас благодарю (хотя с запозданием на четверть века) за посланные мне книги. Я начал писать (не картины, а о балете). Но, складываются так обстоятельства, что мне придётся писать об искусстве и наших с Вами молодых годах. Главное, мне хочется писать о Володе Бурлюке — которого я, к моему боль-

* Письмо написано на бланке с адресом.

шому огорчению, не смог увидать, когда он был небольшое недолгое время во Франции[3]. Я получил от него письмо — даже два — но должен был уезжать в деревню и не смог увидать. Дорогой Додя, пишите мне!!! Терешкович устроит в Вашу честь вечер. Я Вас увижу — но как только Вы будете в Париже — сейчас же сообщите мне. Мой адрес и телефон найдёте на обороте, я их подчеркнул. Обнимаю Вас крепко.

Ваш Ларионов

[приписка на первой странице письма:]

Мне очень нужно о многом говорить с Вами — особенно теперь — приезжайте скорее.

[приписка на обороте:]

Привет от Натальи Сергеевны — Чернянку[4] я помню всегда.

2. Н.С. Гончарова: Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 61. Л. 1–1 об.

2 мая 1950

Дорогие Маруся и Додя,

Из Мишиного письма вы видите, что у нас[5]. Но, слава Богу, Миша поправляется, хотя и медленно[6]. Но доктор говорит, что поправится совсем – только не надо будет переутомляться, как он это делал всё время перед болезнью, и особенно эти два года. Рисунки, которые он делает, очень красивы и интересны.

Как вы вернулись? Как дома? Как здоровье? Надеюсь, что всё идёт хорошо.

Спешу отправить письмо вместе с Мишиным, которое он мне дал для отправки. Я была у него вчера. Он рисовал

Михаил Ларионов
после инсульта
и Наталья Гончарова.
Пригород Парижа,
начало 1950-х

при мне, он в очень красивом месте, в старом доме с садом. Я езжу к нему каждые два-три дня, а иногда и через день. Живу дома.

Адрес: 16 rue Jacques Callot, Paris 6e France. Он у вас есть.

Целую вас крепко обоих, и Миша вас целует также.

Наташа Гончарова

3. М.Ф. Ларионов: Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 16. Л. 2–2 об.

*27 июня 1950 г.**
16, rue Jaques Callot. Paris 6
Tel. Odeon 55-66

Дорогие Маруся и Додичка! Очень прошу меня извинить, что до сих пор не написал вам. Я должен был по делам уезжать из Парижа — и заканителился. Я получил письма и книги, которые вы мне послали и оба мы очень благодарим за них. Книга о тебе, Додя, издана очень хорошо[7]. Я с твоего разрешения помещу из неё кое-что в моей книге о балете и о Дягилеве — в отделе о современной жизни художественной этой эпохи[8]. Ты мне мало послал о Володе. Мне нужно больше сведений о нём и, главное, — репродукций. Ты мне хотел послать кое-что в фотографиях и также репродукции, поправленные для ясности тобою же, кроме того, состав первого «Садка Судей»[9] на машинке с кальками репродукций. Первое время, несмотря на то, что не так уж много пришлось тебя видеть в Париже, мы каждый день говорили о вас обоих. У меня исчезло всё старое впечатление, что мы когда-то упорно с тобой спорили. Осталось самое прекрасное воспоминание прежней жизни — и очарование далёкой сейчас Чернянки. Вся прелесть твоей уступчивой улыбки — скорее полуулыбки, немного огорчённой. У тебя это и до сих пор осталось. Для меня ты остался абсолютно <таким>, каким ты был раньше. Конечно, Наташа тебя меньше знала, чем я. Но и она говорит, что видит тебя тем же, как и раньше. Оба мы счастливы и рады, что вас видели. Бог знает! Я не люблю ездить так далеко как Аме-

* Под датой приписка рукой Д.Д. Бурлюка: «Смотри его письмо от ноября того же года!»

рика, но может быть — приеду в Америку и ещё раз тебя увижу*. А, может быть, ты приедешь.

Молодёжь ваша американская теперь, можно сказать, набивает Париж. Но она совсем не похожа на нашу — особенно прежнего времени, очень какая-то вялая и никаких нету новых неожиданных проявлений — и тем, что не так уж здесь интересно. В нашем St.-Germain'ском квартале теперь сосредоточилась новая жизнь, переселилось всё — все кабарэ и ночные буаты[10] (коробки), всё и из Монпарнаса, и из Монмартра. Много также и англичан. Эти, хотя и холодноваты, но забавны. Жаль, что я не знаю английского — есть у них очень интересные поэты. Очень хороший скульптор Моор[11] и другие.

Выставками мы закиданы, и до настоящего времени было более 10ти балетных разных трупп, и ещё предполагается до конца осени столько же. Я должен уехать через два дня в Лондон на 10 дней или не более, чем на две недели[12]. В середине июля буду снова здесь, поэтому пиши мне. Наташа будет в Париже. Жара у нас порядочная стоит, надеюсь, что в Лондоне будет прохладней. Не знаю, хорошо ли ты знаешь Лондон? Я там был уже более 20ти раз — ни слова не говоря по-английски. Я за последнее время очень его полюбил.

Дорогой Додя, пиши мне, я буду отвечать. Если кто из твоих друзей поедет в Европу — пошли его ко мне, чем смогу быть полезен — всё сделаю. Ты мне дал адрес в Париже одного из художников (американца), твоего приятеля[13]. Я этот адрес так хорошо спрятал, что теперь в моём беспорядке не могу его найти. Напиши его и я постараюсь

* После этого предложения, между строк, вписано рукой Бурлюка: «Мы приехали снова в Париж — 1953 г. и 1957 г.», — чуть выше той же рукой: «В 53/4 г.».

с ним увидаться. Додя, если поедет в Париж твой коллекционер, о котором ты мне говорил (у него кажется галерея в Нью-Йорке)[14], то пошли его ко мне, дай ему мой телефон, пускай звонит утром. Я и Наташа его примем, и цены 25–30 дол. будут для него сделаны на вещи небольшие. Может, окажемся полезными один другому.

Старался писать, как можно мельче, чтобы больше написать, но вот бумажка кончается. Нет ли, Додя, у тебя небольшого рисуночка Володи*, чтобы мне в письме прислать, автографа, хоть в две строки, Хлебникова? Оба мы целуем вас обоих крепко.

Твой Миша**

4. М.Ф. Ларионов: Ф. 372. К. 10. Ед. хр. 61. Л. 3–6 об.

1 ноября 58

Милый Додя!

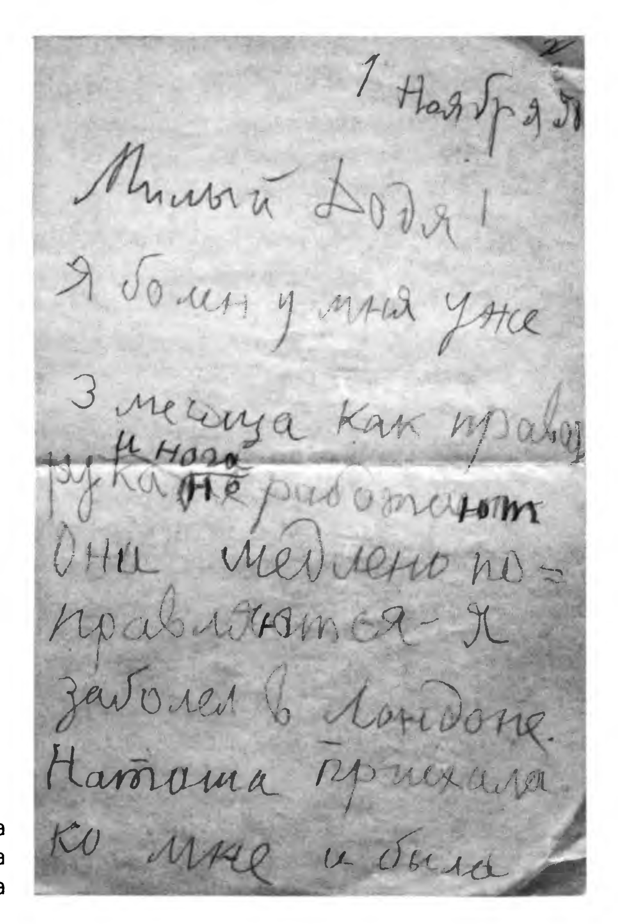
Я болею. У меня уже 3 месяца, как правая рука и нога не работают. Они медленно поправляются — я заболел в Лондоне. Наташа приехала ко мне и была 2 месяца со мной, а затем мы оба уехали на авиёне*** в Париж. Теперь обитаю в старом имении Шатобриана[15]. Здесь, совсем под Парижем, 120 гектаров леса — его, Шатобриана, музей и целая коллекция рисунков, гравюр и т.д., касающихся M-me Рекамье — она здесь была часто и подолгу. Но это мне вместе с лечением и инфермкой**** стоит в день более 4000 фран-

* Пометка между строками рукой Бурлюка: «Брат Burliuk».

** К имени приписка рукой Бурлюка: «Ларионов».

*** На самолёте — от франц. *avion*.

**** От франц. *infirmier* — сиделка.

1 Ноября 58

Милый Додя!

Я болен у меня уже 3 месяца как правая рука и нога не работают

Они медлено по= правляются - Я заболел в Лондоне.

Наташа приехала ко мне и была

Первая страница
письма М.Ф. Ларионова
от 1 ноября 1958 года

ков, в общем — 360 долларов в месяц. Надеюсь, месяца через 2 поправлюсь и буду жить дома. А пока, милый Додя, пошли мне того любителя или торговца, о котором ты говорил в бытность в Париже. Может быть, хоть недорого, а купит что-нибудь. Я дорожиться не буду. Нужно лечиться и жить. А может, ты ещё что надумаешь?

Потом, ты забыл мне послать, что только можно, о Володе. Правда, я тебя и Марусю ещё не поблагодарил за присылку твоих книг, особенно, за прекрасную монографию о тебе. Большое спасибо!

Пиши мне, пожалуйста. Я пишу тебе левой рукой.

Целую Марусю и тебя крепко, и Наташа тоже. Пиши скорей.

Твой Миша

Пиши на Париж: 16, rue Jacques Callot, Paris 6

P.S. Милый Додя!

Забыл написать, ты мне обещал послать копию на машинке первого «Садка Судей» и клоки <кальки?> или копии с тех рисунков, что там напечатаны.

Пошли, пожалуйста! Целую ещё раз. М.Л.

Наталья Сергеевна Гончарова (1881, Тульская губерния — 1962, Париж), Михаил Фёдорович Ларионов (1881, Херсонская губерния — 1964, пригород Парижа).

Знакомство Бурлюка с Ларионовым состоялось сразу же по его приезде в Москву осенью 1907 г. и быстро переросло в дружбу. Ларионов и Гончарова несколько раз летом гостили в Чернянке — имении на юге России, где проживало семейство Бурлюков. В начале 1910-х гг. Ларионов, разорвав отношения со всеми членами «Бубнового валета», начал выступать в печати с довольно резкой критикой искусства Бурлюка и его теоретических воззрений. Последний раз перед отъездом из России Бурлюк виделся с Ларионовым во время подготовки выставки «1915 год». Их переписка возобновилась в 1949 г., накануне первой послевоенной поездки Бурлюков в Европу.

[1] О К. Терешковиче см. с. 152.

[2] Летом 1949 г. М. Ларионов осуществлял худож. руководство постановкой балета «Алмазное сердце» в театре Монте-Карло, Н.С. Гончарова работала над декорациями к спектаклю.

[3] Владимир Давидович Бурлюк (1888–1920-е?), младший брат Давида Бурлюка, художник, один из первых рус. авангардистов. Ларионов всегда очень высоко оценивал его талант, известно, что в коллекции Ларионова находилось несколько пейзажей художника. Сведения, приводимые Ларионовым в письме, о пребывании Владимира Бурлюка после окончания войны в Париже, относятся к числу уникальных, поскольку Давид Бурлюк с середины 1950-х гг. начал утверждать, что Владимир погиб во время военных действий в Салониках в 1917 г. Эта версия возникла накануне поездки Бурлюков в Москву и, возможно, имела целью скрыть факт службы младшего Бурлюка в рядах Белой армии.

[4] Чернянка — имение графа А. Мордвинова в Таврической губернии, в котором в 1907–1913 г. проживало семейство Бурлюков. Ларионов гостил здесь в летние месяцы 1908–1910 гг.

[5] Встреча Бурлюков с Гончаровой и Ларионовым состоялась в марте 1950 г., когда они посетили Париж. Письмо М. Ларионова, о котором идёт речь в предложении, не сохранилось.

[6] В апреле 1950 г. с Ларионовым случился первый инсульт.

[7] Имеется в виду кн.: *Dreier K.* Burliuk. N.-Y., 1944.

[8] Тексты Ларионова были фрагментарно опубликованы в кн.: *Larionov M., Gontcharova N.* Les Ballets Russes. Serge de Diaghilew et la Décoration Thèâtrale. P.: Pierre Vorms Editeur, 1955.

[9] «Садок судей» — первый сборник рус. поэтов-футуристов, опубликован в СПб. в 1910 г. Рисунки (портреты авторов) были исполнены в нём В. Бурлюком.

[10] Имеются в виду ночные клубы.

[11] Речь идёт о Генри Муре (1898–1986), англ. скульпторе.

[12] Вместе с Ричардом Баклером, издателем журнала *Ballet*, Ларионов планировал принять участие в подготовке специального номера, посвящённого С. Дягилеву, однако в Лондоне с ним случился инсульт.

[13] Имя художника не установлено.

[14] Речь идёт о владельце *ACA Gallery* Германе Бароне (1892–1961). Родившийся в Прибалтике, он владел рус. языком.

[15] Замок Шатобриана находится в местечке Шатоне-Малабри к юго-востоку от Парижа. Писатель поселился здесь летом 1807 г. после высылки его Наполеоном из Парижа. В собр. музея, организованном в замке, сохранилась кушетка, на которой мадам Рекамье позировала Ж.-Л. Давиду для своего знаменитого портрета.

Василий Масютин с дочерью Мариной. Берлин, около 1954

В.Н. Масютин

1. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 37. Л. 7–7 об.
[апрель? 1953]*

Дорогой Давид Давидович!

Вот Вы и распаковываетесь и с Вами можно снова спокойно разговаривать[1].

Вы преувеличиваете мои коммерческие способности: никакой у меня недвижимости нет. Моё ателье (студия) находится при квартире, этажом выше[2]. Высокое, просторное, светлое помещение, где можно развернуться. Конечно, многометровых вещей там делать нельзя: проломят потолок, но фигуру в рост можно лепить без риска. При ателье небольшая, солнечная комната, небольшая ванная. Я сплю в ателье, дочь — в комнате рядом.

Пришлите мне, Давид Давидович, снимок, где бы Вы были изображены крупно, точно в профиль, и не прошлых лет, а поновее.

Насчёт присылки каких-то денег на расходы — Вы это зря. Мне-то и посылать Вам мало что найдётся. Постараюсь пошарить и пополнить Ваши коллекции. Сам я не принадлежу к собирателям, только снимки с обнажённого тела вырезаю откуда только могу. Это заменяет мне отчасти при работе живую модель.

* Все письма В. Масютина — машинопись, подписи — от руки.

В Берлине жил до 1934 года В.Д. Фалилеев с женой — Качурой и дочкой Катей[3]. В.Д. зарабатывал цветными линолеумами, Качура — мадоннами и натюрмортами. Потом они переехали в Рим, что они там делали — точно не знаю, во всяком случае, работали в соприкосновении с католическими кругами. Года два тому назад обоих стариков не стало. Дочка как будто снимается в фильме (у неё неплохие способности к живописи и скульптуре, но во что это вылилось — не знаю). Был ещё в Берлине, вплоть до конца войны, ученик Петрова-Водкина С.М. Колесников[4]. Этот специализировался на монгольских сюжетах (он сам оттуда), делал прекрасные цветные гравюры на линолеуме. Мы были большими приятелями с ним и изрядно выпивали. Соотечественники в 45 г. переправили его «домой». Где этот дом стоит — сказать не могу. Живопись К. была смесью Петрова-В. с Пикассо голубого и розового периода. С таким багажом «дома» не очень развернёшься. На что уж я умеренный, и то в моих работах усматривали формализм и «по-приятельски» лезли с советами, а то и просто в моё отсутствие «исправляли» мою работу, так, что я за голову хватался.

Ничего я не внёс в сокровищницу родного искусства, как это Вам кажется (раньше — может быть). Возможно, что мой бюст Суворова (трижды отлитый), Кутузов, Александр Невский, Хмельницкий и, особенно любимый мною, Мазепа представляют собою подлинную художественную ценность с национальной окраской[5]. Я работал для здания посольства[6] вместе с другими скульпторами — немцами. Мне поручали то, что не должно было быть явно немецким, но «советский» стиль для меня был и остался недосягаемым (слава Богу). Да и люди оттуда оказались своими лишь до известной степени. Во всём. В особенности, более молодое поколение. Во всяком случае, я очень благодарен сооте-

чественникам, что они дали мне возможность заработать. Художникам нашего поколения, здесь, среди немцев, заработать нелегко. У меня есть имя, но...

Словарь, о котором я писал, это большой словарь Тиме-Беккер, известный справочник[7]. Все эти справочники всегда запаздывают. Самое значительное, сделанное мною, никуда не попало. Ваша линия ровнее. У меня: офорты (доски, между прочим, у меня сохранились[8]), книжная графика, рекламная графика и гравюра на дереве, живопись и, наконец, скульптура. В каждой области удалось сделать кое-что, заслуживающее быть отмеченным. Я это говорю уверенно, так как очень строго отношусь к себе. Немного обидно, конечно, что в силу обстоятельств, оказался между двух стульев: здесь я — иностранец, для соотечественников я всё-таки на положении эмигранта, не прошедшего их школу, не напитавшийся их духом.

Претендуют на меня кое-какие украинцы, но и то с оговорками. Так я и состою в «ничьих» и особенного интереса ко мне никто не проявляет. Это меня, в сущности, и не печалит, но всё же немного грустно становится, что после меня ещё некоторое время будет беречь мои вещи Марина[9], а после неё всё оставшееся после меня станет ненужным хламом. Думая так, не себя становится жаль, а жаль вещей, к которым у меня отношение, как к живым существам.

[от руки, в самом конце письма:]

Несколько дней провозился с гриппом. Всего хорошего Вам и Марии Никифоровне.

В. Масютин

[приписка от руки на первой странице письма:]

P.S. Получил посланные Вами каталоги. Спасибо![10]

2. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 37. Л. 1–2
[27 мая 1953]

Берлин. 27.5.1953

Дорогой Давид Давидович, спасибо за богатый присыл всяческой литературы и за фотографии.

Я часто вспоминаю Вас. В особенности при чтении книги Георгия Иванова «Петербургские зимы», вышедшей в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова[11]. Там было вскользь и про Вас. Вспомнилась предвоенная литературная суматоха. Промелькнули имена людей, частью знаемых лично, частью — понаслышке. Думаю, и Вам было бы интересно.

Теперь просьба, надеюсь, необременительная. Во-первых, адреса: Михаила Александровича Чехова и Владимира Александровича Соколова[12], оба — артисты. У Вас имеется какой-то всёзнающий справочник. А то, может быть, столкнётесь как-нибудь с ними. От них мне ничего не надо, хочется только узнать, что с ними, что делают, что сделали. Люди они талантливые, а к таланту всякому у меня влечение и почтение, и бескорыстный интерес. Такой же интерес к Архипенко[13]. Я мало осведомлён о его работах в Америке. Вы, кажется, находитесь в некоем контакте с ним. Интересно было бы иметь хорошие репродукции и необходимые пояснения. Может быть, вышло что-нибудь печатное. Я не обещаю, но если материал был бы обилен и интересен, я мог бы попытаться использовать мои знакомства и напомнить в специальной литературе о скульпторе, которого немцы ещё помнят и чтут. Что поделывает Судейкин? Мы в училище с ним любезно раскланивались, и мне его вещи нравились.

Все имена, которые у соотечественников «там» вызывают кривую улыбку и в печати — непечатное отношение.

Василий Масютин и Михаил Чехов. Берлин, 1931

У нас с Вами разные вкусы, но здесь, в Германии, теперь одинаково неприемлемы ни Ваша левизна, ни моя «правизна». Я безнадёжно влюблён в антиков и Ренессанс, также как в красоту здоровой наготы. Для меня здоровое человеческое тело — источник неутолимого оптического наслаждения. Но, что поделаешь: для выставок и для признания нужно иное. Что делать — у меня рука не подымается переместить пупок на лоб и всадить глаз на рисунке в ягодицу. А такая комбинация могла бы заинтересовать ценителей и покупателей.

Вожусь вот уже второй год над рельефами и не могу оторваться. Думаю об изумительных дверях Флорентийской баптистерии[14] и конфужусь: какие гиганты жили в то благословенное время!

Времени для размышления теперь у меня больше, чем надо. Как-то сразу после войны сгинули все заказчики. А ведь вплоть до разгрома у меня было всегда работы вдоволь, и на выставках я хорошо продавал.

Самое настоящее время для подведения итогов.

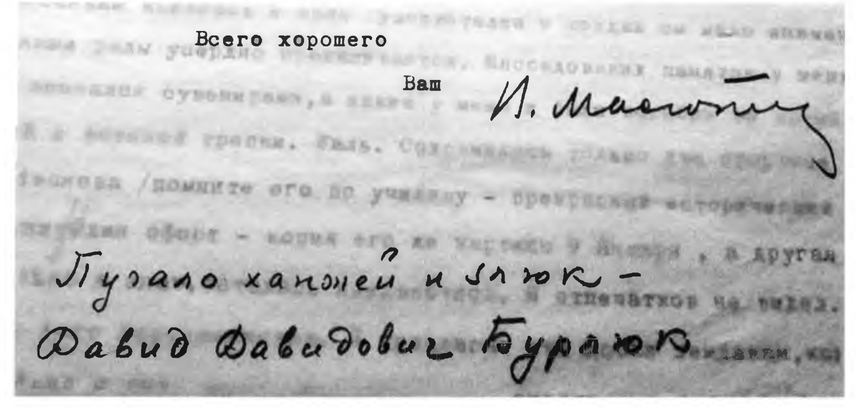
Не обращался к Вам Мясоедов[15]? Он должен быть, по моим расчётам, уже в Аргентине. Тоже — фантазёр. На старости лет подниматься с насиженного и хорошо обогретого места и ехать куда-то за славой.

Я дал ему Ваш адрес. Мастер он большой и портрет может написать чуть ли не по-брюлловски. Только: нужен ли в данное время в Америке Брюллов!

Ну вот, кажется, и всё, что хотелось Вам пока сказать. Будьте здоровы, веселы. Супруге — верному Вашему спутнику — привет.

Всего хорошего,

Ваш В. Масютин

Всего хорошего

Ваш И. Масютин

Пугало ханжей и злюк —
Давид Давидович Бурлюк

Завершающий фрагмент письма В.Н. Масютина от 27 мая 1953 года

[приписка от руки:]
Пугало ханжей и злюк —
Давид Давидович Бурлюк.

3. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 37. Л. 3–3 об.
[17 марта 1954]*

Берлин 17.3.1954

Дорогой Давид Давидович, простите: задержался с ответом и не знаю — найдёт ли Вас моё письмо у подножия Везувия[16].

Отчеркнул на жизненной таблице 70-летие, и в связи с этим приступил к подведению итогов: как сделано, что сделано, что надо торопиться закончить. Как никак, а предел близок, и близки суд, или — и это возможно — плотное

* В верхнем левом углу штамп: PROF. W. MASJUTIN / BILDHAUER, KUNSMALER, GRAPHIKER / BERLIN-HALENSEE / BORNSTEDTERSTR. 3

забвение. Как-то при нашей тогдашней встрече в России я спросил, имея в виду огни мигающей рекламы: «ДАВИД БУРЛЮК — нужно ли это?», — и Вы ответили мне: «Моя цель добиться популярности». Запомнил. Ну, а моя цель всегда была создать нечто, по возможности, доброкачественное. Я заботился не столько о себе, сколько о моих творениях, отсюда любовь к технике и любование ею. Мне как-то совестно было всегда показывать неотделанные вещи. Оттого у меня сохранилось так мало рисунков. Я вообще мало рисую; делаю только схематичные наброски — и этого добра накопилось достаточно, — запрятанных повсюду. Души нерождённых младенцев. Если суждено по ту сторону жизни что-либо испытать, то я был бы рад почувствовать, что после меня кто-либо при виде сделанной мною вещи подумает или скажет: как хорошо!

К писаниям критиков я мало чувствителен и придаю им мало значения. Да, наши ряды усердно прокашиваются[17]. Мясоедовских памяток у меня нет, не запасался сувенирами, а какие и были, погибли во время странствований и военной трёпки. Жаль. Сохранились только две офортные доски С.В. Иванова (помните его по училищу — прекрасный исторический и жанровый художник)[18]. Один офорт — копия его же картины 9 января, а другая «Расстрел», насколько я знаю, осталась неизвестной. Я предлагал эти доски землякам, когда работал для них, ну а они, надо спросить, надо снестить с Академией.

В Риме процветает «богат и славен» наш соученик А. Исупов[19]. Хороший художник. Я знаю только его ранние работы. Верю, что и последние на высоте.

Зима была холодная, и мы с дочерью вели почти пещерное существование, ютясь в небольшой, но самой тёплой комнате.

Я по-прежнему вожусь с небольшими рельефами. На отливку из бронзы средств нет, я ограничиваюсь цементом.

Когда вернётесь домой, пошарьте в Ваших справочниках, поищите адреса Мих. Ал. Чехова и артиста Владимира Александровича Соколова. Мне от них ничего не нужно. Я-то просто в порядке подведения жизненного итога. Я ищу следы тех, с кем меня сводила жизнь.

Эх, Давид Давидович! Жизнь-то на закате, и хочется посидеть на завалинке «присьби», як <к>ажуть на Украіни*. И с Вами посидел бы охотно и оглянулся <бы> на ушедшее.

А презент Вам я так и не отослал ещё: не люблю почтарей и таможенников[20].

Ну, будьте счастливы, здоровы и плодотворны, дедушка Бурлюк.

Жене Вашей привет.

Ваш В. Масютин

4. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 37. Л. 4–5
[8 декабря 1954]

Берлин 8.12.1954

Дорогой Давид Давидович, очень обрадовали Вы меня Вашим письмом.

Ряды хороших знакомых и друзей так сильно поредели за последнее время, что особенно ценишь такие свидетельства давней приязни и Ваше. Особенно порадовало меня, что мне удалось доставить Вам удовольствие моей медалью. Она давно была готова, но я из-за ненависти ко всяким формулярам и таможенным процедурам всё откладывал отсылку.

* Точнее: «призьби, як кажуть на Україні»; «призьба» (*укр.*) — завалинка.

С.П. Рождественский[21] — милейший человек, жаль, что вам не удалось познакомиться с ним в Нью-Йорке.

А что если нам попробовать сделать гешефт? Вы бы раздразнили как-нибудь американцев заказать портретную медаль (по фотографии и с указанием, что хотели бы они иметь на обратной стороне). Я делал медали диаметром и 3 сантиметра (годятся как брошки). Эта комбинация пришла мне в голову сейчас, так как все заказы сплыли, и я целыми днями ковыряюсь как раз над медалями. То, что я делаю сейчас, это завершение моей многолетней блажи. В 1934 году я начал серию медалей, посвящённых истории Украины. Сделано пока 64 штуки, теперь доделываю обратные стороны. В «медальной культуре», смело могу сказать, я «собаку съел». Немцы изредка покупают, но официальные заказы получают, конечно, свои люди, и не такие реакционеры, как я. Искусство рельефа я люблю всеми фибрами души и внимательно изучил его. Но мои идеалы лежат совсем в иной плоскости, нежели теперь требует мода. Хорошо, что сносный заработок моей дочери позволяет мне заниматься совершенствованием. Кое-что, надеюсь, найдёт потом признание и будет сохранено. Мои главные работодатели перестроились на новый лад и признают только абстрактное, ну а мне совесть не позволяет лукавить. Впрочем, всё это не важно.

Последние месяцы сильно даёт себя знать сердце* и я мало выхожу из боязни, что не дойду или не вернусь. Никакой трагедии в этом нет: должен же быть когда-нибудь конец. Потеря жены особенно помогла мне успокоиться на таком признании.

* Фраза подчёркнута Д. Бурлюком, в конце её проставлен от руки, теми же чернилами, знак астериска, а на полях дано примечание: «Последнее письмо нашего друга. Потом уже он не отвечал на письма».

Рад, что у Вас в семье мир и любовь. Как это отрадно! Привет особый Вашей верной спутнице.

Не теряю надежды, что какая-то неожиданность поможет мне отлить из бронзы мои рельефы кладбищенской часовни. Но, боюсь, удастся ли довести до конца.

Очень хотелось бы мне повидать Вас и вспомнить былое.

Да! Давид Давидович, а где адреса Мих. Ал. Чехова и Влад. Ал. Соколова? Гляньте в Вашу колдовскую книжку справок. Как Ваш роман[22]? Вы писали, что он должен был выйти. Я от литературы совсем отстал, хотя пара тем сильно меня занимает, и я в бессонные ночи медленно отделываю главу за главой. Приходит день, и вместо того, чтобы сесть за пишущую машинку, я снова прилипаю к моей скульптуре. Та же судьба постигла начатые живописные фантазии.

Моя дочь Марина приветствует вас обоих, благодарит за Ваш привет. Я крепко обнимаю Вас и низко кланяюсь Вашей супруге.

Будьте здоровы, бодры, спокойны.

Сердцем Ваш В. Масютин

Бурлюк был знаком с Василием Николаевичем Масютиным (1884, Рига — 1955, Берлин) ещё со времён учёбы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. С 1921 г. Масютин жил в Берлине.

[1] Зиму Бурлюки проводили во Флориде.

[2] Дом, в котором находились квартира и студия Масютина, расположен на западной окраине Берлина, в Халензее на Борнштедтерштрассе. Дом сохранился.

[3] Вадим Дмитриевич Фалилеев (1878–1950), график, в эмиграции с 1924 г. вместе с женой — художницей Екатериной Николаевной Качурой-Фалилеевой (1886–1948). Их дочь — Екатерина Сантопи-

етро (1910–?) занималась скульптурой, о её работе в кино сведений не сохранилось.

[4] Сергей Михайлович Колесников (1889–1952), художник-график, по матери — монгол. Учился в школе Е.Н. Званцевой в Петербурге у К.С. Петрова-Водкина. В Берлине с 1925 г. После войны поселился в восточной части Германии, в пригороде Дрездена.

[5] Скульптуры были исполнены по заказу львовской Ассоциации независимых украинских художников, членом которой Масютин являлся в 1930-е гг.

[6] Имеется в виду здание советского посольства на Унтер-ден-Линден, для фасада которого Масютин изготовил несколько скульптур.

[7] Речь идёт о многотомном биографическом справочнике художников, составленном У. Тиме и Ф. Беккером (*Thieme U., Becker F.* Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart) и издававшемся с 1907 по 1950 г. Сведения о Масютине были помещены в томе 24.

[8] Сейчас находятся в частном собр. в Москве.

[8] Марина Вадимовна Судлецкая (1908–1998), художница, занималась прикладной графикой.

[10] Номер *Color and Rhyme*, посланный Бурлюком Масютину сохранил дарственную надпись, датированную апрелем 1953 г. (собр. И. Галеева, Москва).

[11] *Иванов Г.* Петербургские зимы. Н.-Й.: Изд. им. Чехова, 1952. Первое издание книги вышло в Париже в 1928 г. и было известно Бурлюку. В одной из первых глав братья Бурлюки были выведены в качестве приехавших в столицу провинциалов, бесцеремонно поселившихся в квартире Н.И. Кульбина.

[12] С М.А. Чеховым (1891–1955) Масютин сблизился во время его пребывания в Берлине в 1929–1930 гг. В.А. Соколов (1889–1962), актёр Московского камерного театра, в Берлине остался после гастролей театра в 1923 г. С 1937 г. работал в Голливуде, получив широкую известность как характерный актер.

[13] Александр Порфирьевич Архипенко (1887–1964), скульптор и художник. В 1921–1923 гг. жил в Берлине, затем уехал в Америку.

[14] Масютин имеет в виду выдающийся памятник скульптуры эпохи Возрождения «Врата рая» — бронзовые двери Флорентийского баптистерия, отлитые Лоренцо Гиберти в первой половине XV в.

[15] Иван Григорьевич Мясоедов (1881–1953), художник, гравёр, актёр, спортсмен. С 1921 г. жил в Берлине, где неоднократно подвергался арестам за изготовление фальшивых денежных купюр. В конце 1930-х гг. оказался в Лихтенштейне, где вновь был подвергнут аресту. Летом 1953 г. отправился в Аргентину, но в пути заболел и через несколько месяцев после прибытия скончался в Буэнос-Айресе.

[16] В марте 1954 г. Бурлюки находились на о. Капри.

[17] Имеется в виду смерть И. Мясоедова.

[18] Сергей Васильевич Иванов (1864–1910), художник, гравёр, учитель Масютина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Упоминаются его офортные доски, выполненные на темы событий 1905 г. — «У стенки» и «Расстрел». Они остались у Масютина после смерти Иванова, все известные оттиски с них были напечатаны Масютиным в 1910–1911 г.

[19] Алексей Владимирович Исупов (1889–1957), художник. Знакомый Масютина со времён учёбы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В Риме жил с 1926 г.

[20] Масютин по фотографии исполнил медаль с портретным изображением Бурлюка. О ней см. следующее письмо.

[21] Серафим Павлович Рождественский (1903–1992), журналист.

[22] Имеется в виду повесть Бурлюка «Филонов», опубликованная в журнале *Color and Rhyme* (1954. № 28; см. — *Бурлюк Д.* Филонов. М.: Гилея, 2017).

VASSILI NECITAILOV
Venuta della Madonna dall' Oriente
a Positano (Parrocchia di Positano)

16 ноября — Воск. 1958

Дорогие мои друзья.
Это последнее творение
Нечитайлова. Я уже писалъ
Вамъ объ этой работѣ.
Варюсь, какъ каштанъ въ
кипяткѣ, во всѣхъ своихъ
невзгодахъ. Спасибо Богу и
Вамъ за все. Богъ = Истина
Обнимаю крѣпко ваш ВДН

3.

Illustre ARTISTA-PITTORE
Sig. Prof. David-Marussia Burliuk
Hampton Bays
L. I. NEW-IORK
U.S.A.

FOTOCELERE · TORINO

PER VIA AEREA
PAR AVION

REPUBBLICA ITALIANA

Открытка И.П. Загоруйко от 16 ноября 1958 года

И.П. Загоруйко

1. Ф. 372. К. 24. Ед. хр. 42. Л. 1–1 об.

7 дек. 1929
Positano, prov<incia> di Salerno
Casa Ilse

Дорогие друзья мои, Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Спасибо вам за книгу «Рерих», и до земли сырой низко кланяюсь. Книга достойна самого моего глубокого внимания, и с большим удовольствием её всякий раз пересматриваю и перечитываю.

Всё хорошо… Рисунок головы Н.К. Рериха[1] изумителен и приводит меня в восхищение. — Чудно.

Время такое наступило, а быть может, оно будет, что надо о нём сказать.

Во-первых, с праздниками Рождества Христова и Новым годом. Не знаю, как вы его встречаете, но факт тот, что я живу в семье протестантов, и праздники проходят сейчас. А ведь я как-то не могу ещё оторваться от этих традиций и привычек, которые вкоренились с малых лет, и всё как-то тянет ко времени празднования, уже ушедшему.

Не хорошо, но окутано всё моё существо грустью, ибо знаю, что «там» моим родным-близким совсем не так сладко. Где-то, я не знаю, осталась женщина, которую почитаю крепко, это — мать. Потерялась связь, вот уже два

года, и где, и что, и что с ней — ничего не известно. Вам это понятно и ясно. Судьба такова людей последнего времени, что надо быть готовым ко всем случайностям и неожиданностям. В Новом году желаю исполнения всего того, что есть ближайшее к вам.

Заржавели двери ларчика прошлого времени и не могу так скоро достать свои воспоминания о человеке, друге-брате Володе[2]. Но знайте, что при первой возможности я перешлю вам. Да, кроме того, никогда не занимался никакими воспоминаниями, переводя их на бумагу, это тоже трудность, но верю, что-либо да выйдет.

Скажите, пожалуйста, нет ли в красках картин Н.К. Рериха, и сколько стоит журнал (в год, месяц), который выпускает музей[3]? Заметку о Рерихе пришлось видеть в шведском журнале — семья, в которой я живу, шведы-финляндцы, которые и интересуются названными вопросами[4].

Здесь пробуду до последних чисел января, а там — в Рим. Получили ли вы мой рисунок?

Откликайтесь, всегда рад, как праздник ваши все известия.

Мои наилучшие пожелания и братский привет деткам милым и друзьям мой поклон.

Н.К. Рериху и семье — моё глубокое и нижайшее почтение, всего доброго, и здоровья

Ваш всегда И. Загоруйко

На гитаре играю с давних времён, и с ней связано много воспоминаний в Пензе, и с ней обошёл, вместе с балалайкой, часть Италии.

Иван Загоруйко и Сигни Мари фон Кнорринг на фоне работ, сделанных ими во время поездки на Валаам.
Вилла Сан-Матео, Позитано, 1930-е

Мария и Давид Бурлюки. Капри, 1954

2. Ф. 372 К. 12. Ед. хр. 9. Л. 1
[13 февраля 1950; открытка]

13.2.1950
Positano

Дорогие мои Додик и Никиша[5]!

Посылаю вам привет из прекрасной тёпло-солнечной страны Италии, где сейчас благополучно пребывают и здравствуют ваши дорогие родители, и с отцом я дружен и знаком около 40 лет — он не изменился, так же и я, в нашем пламенном горении в искусстве, а оно не имеет ни старости и нет ему конца.

Мои дорогие, вас крепко <обнимаю>

Ваш дядя Ваня

[приписка рукой М.Н. Бурлюк:]

Любовь — привет. Папа, мама Burliuk.

3. Ф. 372 К. 12. Ед. хр. 9. Л. 7
[13–15 октября 1959]*

Драгоценнейшие мои дорогие друзья! Получил открытки — спасибо.

Радуюсь Вашими успехами, радуюсь Вашим искусством. Подай, Боже, всего того, что желаете… Радуюсь Вашими радостями!! Спасибо Вам великое за всё…

Подай Вам, Боже, здоровья крепкого… да приехать в Позитано, да возвратиться и приехать снова 20 раз туда и обратно — куда хотите!

Новостей никаких. Все живы и здоровы, чего все желают Вам, чтобы видеть Вас в полном здравии и благополучии.

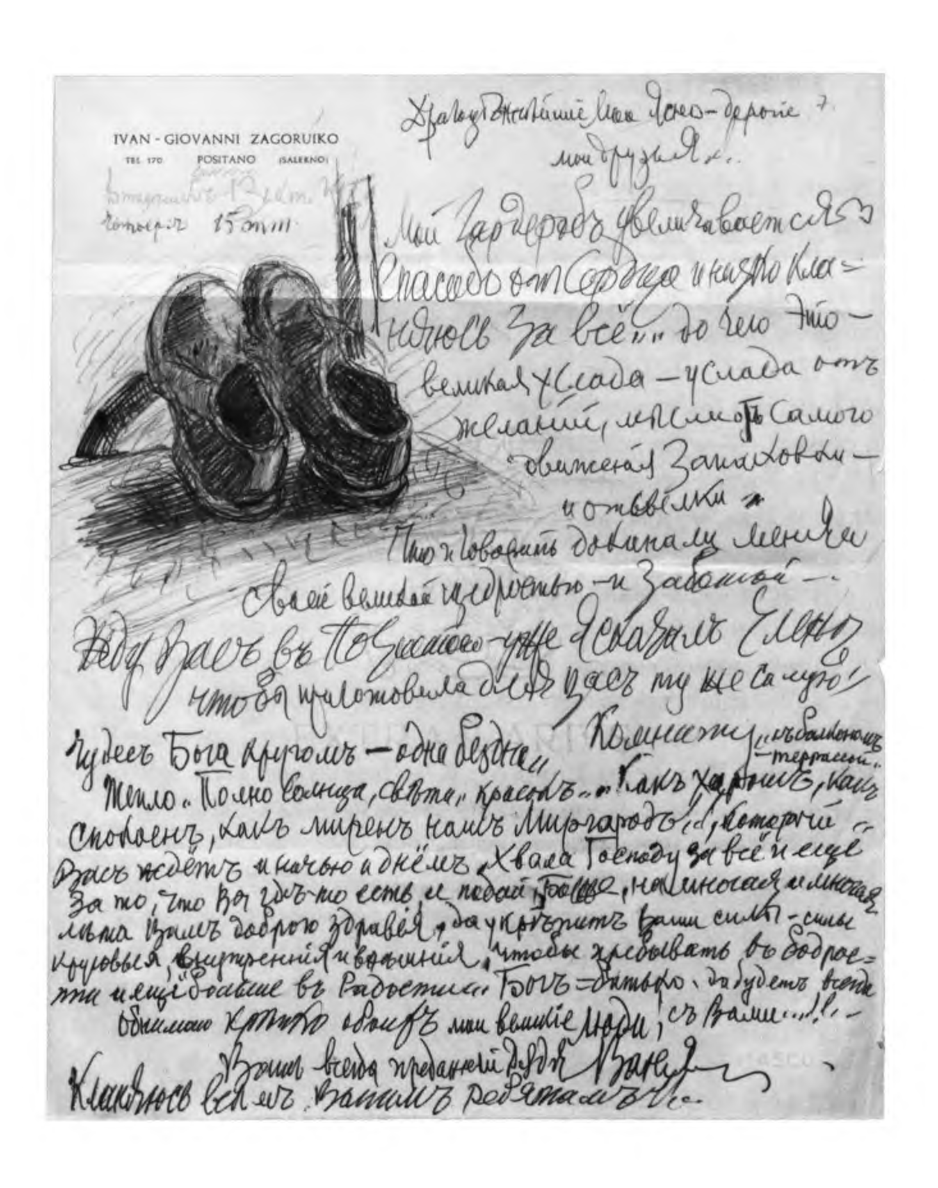
Выставок никаких, они стоят много денег, и результат самый плачевный... Живу с малым и хвалю Господа за его милости, посылаемые… Зима — одно чудо Бога: тепло, полно солнца и кругового довольства. Бог = батько!

Желаю Вам доброго здоровья = желаю провести Праздники Рождества Христова в благополучии и спокойствии — с чем и поздравляю… со всем Вашим домом…

Обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда преданный дядя Ваня
Кланяюсь всем вашим ребятам.

* Письмо написано на фирменной бумаге И. Загоруйко.

IVAN - GIOVANNI ZAGORUIKO
TEL 170 POSITANO (SALERNO)

Письмо И.П. Загоруйко к Бурлюкам от 13–15 октября 1959 года

4. Ф. 372 К. 12. Ед. хр. 9. Л. 8
[21 июня 1963]

Драгоценнейшие мои друзья!

Нет слов моей благодарности выразить Вам моё искреннее признание. Получил Ваш великий подарок, великую помощь обо мне недостойном.

У меня одно орудие, одна возможность — я каждый день молюсь за Ваше доброе здравие и благополучие, и оно всегда будет с Вами. Нет у меня ничего иного…

Моя выставка будет в Риме от 11 до 26 ноября в коммунальной зале <на> via Milano[6], готовлюсь так, чтобы повезло в продаже.

Signora von Knorring слабеет, зима и весна были очень жестокие = усталость большая… Надо длинное и тишайшее успокоение, забота и лечение.

Сегодня 21 июня — пятница. В 12.10 избран новый Папа Римский под именем Паоло 6-й (Sesto)[7]. Кардинал Giovanni Batista Montini da Milano. Новость волнующе-приятная.

Бог = батько. Дай, Боже, Вам обоим здоровья, мирного жития и благополучия, обнимаю крепко,

Дядя Ваня[8]

Владимир Бурлюк.
Фото из личного дела Одесского художественного училища, 1910

Иван Панкратьевич Загоруйко (1896, Екатеринослав, Украина — 1964, Салерно, Италия) учился в Пензенском худож. училище в 1911–1915 гг., одновременно с младшим братом Давида Бурлюка — Владимиром. После революции воевал в Добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал из Крыма в Стамбул, затем через Болгарию и Грецию добрался до Италии. В Позитано поселился в 1929 г. Бурлюки на протяжении всей жизни материально помогали художнику, по их словам, «в память брата Володи».

[1] Имеется в виду портрет Н. Рериха, выполненный Д. Бурлюком карандашом и воспр. в качестве фронтисписа в кн.: *Бурлюк Д.* Рерих. Черты его жизни и творчества (1918–1930). Н.-Й.: Изд. М.Н. Бурлюк, 1930.

[2] Загоруйко имеет в виду Владимира Давидовича Бурлюка (1888–1920-е?), с которым он в 1911–1915 гг. учился в Пензенском худож. училище. Возможно, Загоруйко была известна дальнейшая судьба В. Бурлюка и о ней он собирался написать в упоминаемых далее воспоминаниях. Были ли они написаны — остаётся неизвестным.

[3] Речь идёт о журнале *Archer*, издававшемся Обществом друзей музея Рериха в Нью-Йорке в 1927–1929 гг.

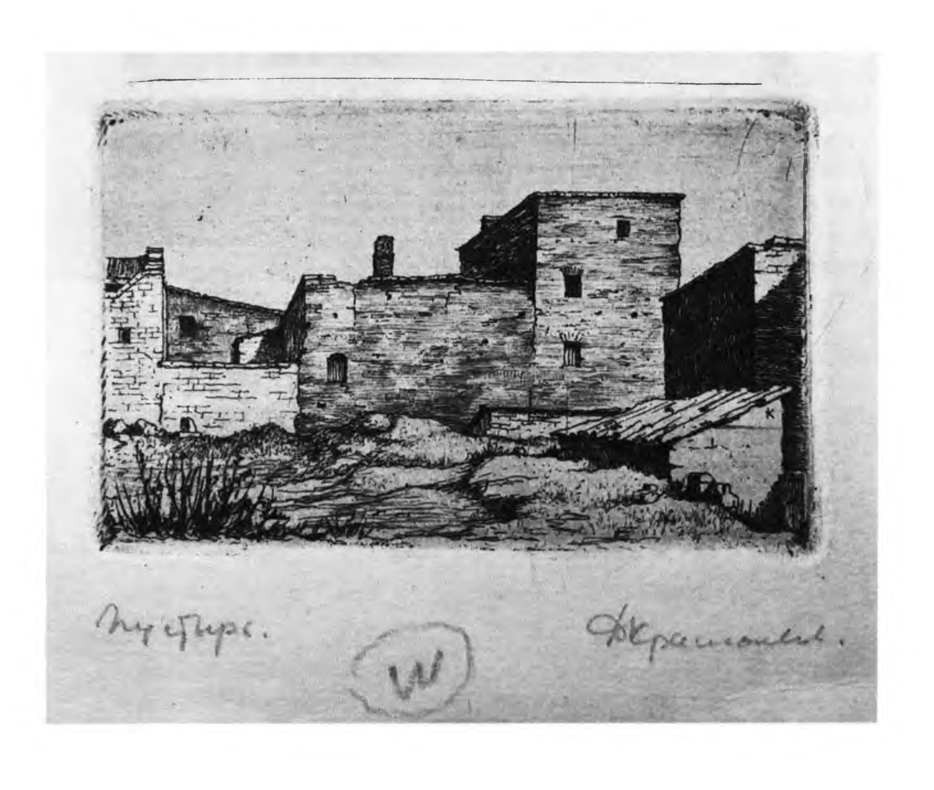
[4] В Позитано Загоруйко поселился на вилле Сан-Матео, которая с 1921 г. принадлежала супругам Илзе (отсюда второе название виллы — *Casa Ilse*). Зигфрид Илзе (1892–?) был подданным Германии. Его супруга — Сигни (урожд. фон Кнорринг; 1891–1974), происходила из состоятельной финской семьи, после развода носила девичью фамилию.

[5] Сыновья Д.Д. Бурлюка и М.Н. Бурлюк — Давид Давидович мл. (Додик, 1913–1991) и Николай Давидович (Никиша, 1915–1995).

[6] Выставка состоялась в *Galleria d'Arte del Palazzo delle Esposizioni* в Риме. На открытии присутствовал Бурлюк с супругой, а также ряд представителей интернациональной богемы, облюбовавшей к тому времени Амальфийское побережье, среди них — Фрэнк Синатра.

[7] Павел VI (1897–1978), римский папа с 1963 г. До интронизации — кардинал Дж. Б. Монтини, архиепископ Милана.

[8] На обороте письма, рукой Бурлюка: «Загоруйко учился с художником Waldemar Burliuc в Пензе, с 1911 по 1915 г. в Худ. училище. Живёт с 1928 г. в Positano (Italy) — в память брата Володи помогаем ему — до сегодня».

Дмитрий Краснопевцев. Пустырь. 1956. Офорт из архива Д.Д. Бурлюка

Д.М. Краснопевцев

1. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об.
[Март 1958]

Дорогой Давид Давидович!

Несколько дней тому назад получил Ваше письмо и открытки. Благодарю Вас.

Очень рад, что мои офорты всё же Вам понравились[1]. Я сам несколько охладел к офорту и уже давно им не занимаюсь. Пришли ли акварели, которые я Вам выслал? Посылаю в этом письме 4 офорта своих и 2 моего друга Ивана Кускова — он художник-иллюстратор, исключительно занимается офортом[2]. Он, узнав, что Вы мне пишете, захотел в знак своего уважения к Вам послать 2 офорта, которые я Вам и высылаю вместе со своими. Это иллюстрации, но не для книги, а просто как станковые отдельные вещи — Сирано де Бержерак по Ростану и отец Гекельберри Финна по М. Твену.

Жду Ваших писем, заранее благодарю за раковины.

В одной из открыток Вы спрашивали моё имя, — меня зовут Дмитрий Михайлович — но лучше просто Дима, так короче.

Примите мой большой привет Вам и Вашей супруге.

Ваш Д. Краснопевцев

[комментарий на первой странице письма, рукой Д.Д. Бурлюка:]
Март 1958, *Color and Rhyme*[3]. Краснопевцев, художник.

2. Ф. 372. К. 13. Ед. хр. 5. Л. 3
[Март 1958]

Давид Давидович, здравствуйте!

Посылаю Вам через Николая Алексеевича[4] несколько акварелей – мне хочется, чтобы он их посмотрел. Они, конечно, не дают полного представления о моей работе, но их легче переслать. Получили ли вы моё письмо и офорты?

Жду Вашего ответа.

Желаю Вам всего самого лучшего.

Ваш Д. Краснопевцев

[на нижнем поле страницы комментарий рукой Д.Д. Бурлюка:]
Март 1958. См. *Color and Rhyme* № 35. Краснопевцев, художник.

Два коротких письма Дмитрия Михайловича Краснопевцева (1925, Москва — 1995, Москва), сохранившиеся в архиве Бурлюка, — не датированы. Художники познакомились во время приезда Бурлюков в Москву в мае 1956 г. В письме к Н.А. Никифорову от 4 марта 1958 г. Бурлюк ещё упоминает, что не знает имени и отчества Краснопевцева (*Бурлюк Д.* Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011. С. 169), публикуемое письмо, видимо, было получено позже этой даты.

[1] Техникой офорта Краснопевцев увлёкся в 1953 г., ещё во время учёбы в Московском худож. институте им. В. Сурикова, где его педагогом был известный график М.А. Добров.

[2] Кусков Иван Сергеевич (1927–1997), художник-иллюстратор, как и Краснопевцев, закончил Суриковский институт по классу М.А. Доб-

рова. О получении офортов Кускова Бурлюк сообщает в письме Н.А. Никифорову от 1 апреля 1958. См.: *Бурлюк Д.* Указ. соч. С. 178.

[3] В номере журнала *Color and Rhyme* за этот год (№ 35) был воспр. один из присланных Бурлюку офортов Краснопевцева. Оригинал сохранился в архиве (Ф. 372. К. 7. Ед. хр. 15. Л. 66), см. с. 190.

[4] Николай Алексеевич Никифоров (1914–2003), тамбовский журналист, краевед и коллекционер, с 1956 г. и до смерти Бурлюка состоял с ним в активной переписке.

Мария и Давид Бурлюки у памятника Владимиру Маяковскому
в саду библиотеки-музея поэта. Москва, пер. Маяковского (Гендриков), 1956.
Фото Льва Шилова

Е.А. Ланг

1. Ф. 372. К.13. Ед. хр. 15. Л. 1–2 об.

Москва, 11 мая 1964

Милые, далёкие (но только по расстоянию) друзья юности — Маруся, Додя!

Ваше последнее письмо меня очень порадовало как приложенными к нему снимками, так и прелестными воспоминаниями Маруси о всегда милой сердцам художникам Италии. Да, я в ней тоже побывала, 4 месяца пожила во Флоренции[1].

Но всё же оба ваши письма и сильно меня огорчили: вы так категорически заявляете, что никогда больше в Европу не поедите, что силы уже не те… Для меня с такими людьми, как вы оба, связывается представление о вечной неиссякаемой молодости.

Додя! Помните ваш последний месяц май в Москве[2]? Для меня он был предпоследним — я уехала только в мае 1919-го года. Представьте себе, за мои 3 года пребывания в Москве мне не удалось отыскать ни переулка на Петровке, ни дома («меблирашку»), в котором жил зиму 17-го и 18-го годов Маяковский[3]. Но вот приехал из Парижа меня проведать мой самый большой друг (мне в жизни на любви с мужчинами не везло, зато на дружбу — как нельзя больше!), приехал накануне 1-го Мая, а вчера улетел обратно в Париж[4]. Вот с ним-то мы и предприняли сентиментальное путешествие

в центре Москвы: сняли дом, в котором я родилась на Кузнецком Мосту[5], дом на Сухарев<ск>ой площади, в котором Вы у меня бывали перед Вашим отъездом, и после долгих (довольно утомительных для меня) поисков нашли в переулке на Петровке дом, в котором когда-то жил Маяковский. К слову сказать, никто об этом его местожительстве, кроме меня, в Москве не знает, не помнит. Мой друг снял меня на пороге этой двери, в которую я когда-то так часто ходила в молодости. Если снимок удался — пришлю его Вам (его проявят в Париже, он в красках).

А должна сознаться, большим это было для меня переживанием — сняться у этого старого, стёртого временем порога.

Пишите Вы мне, Додичка, о полученном Вами письме Евгения Захаровича[6]. Е.З. — чудесный человек, глубоко преданный Людмиле Владимировне и памяти Маяковского. Письма, посланного Вам, не читала. Не знаю, что он написал о моём здоровье…

Я Вам в первом же письме написала, что у меня был «инфаркт» (infarctus), это очень распространенная в наш нервный век болезнь — происходит трещинка в сердце («разрыв сердца», как это называлось раньше), от этого раньше безоговорочно умирали. Теперь вылечивают — долгим лежанием на спине и заживляющими уколами. (Терпеть не могу говорить о своём здоровье — только хочу, чтоб Вы знали точнее положение дела.) Пролежала 3 месяца, теперь идёт процесс рубцевания, с опаской — выхожу.

Осенью собираюсь делать свою выставку, а после неё слетать с нашим милым Николаем Алексеевичем[7] в Париж.

Вы очень хорошо сделали, Додичка, что написали правду Евгению Захаровичу относительно Татьяны[8]. Мне ужасно надоело то, как с ней здесь носятся, делают из неё при-

Открытие памятника Владимиру Маяковскому на Триумфальной площади. Москва, 19 июля 1958 года

чину смерти Маяковского. Я очень хорошо знала её семью в Париже, и нахожу, что эта, действительно очень красивая женщина, не стоит такого внимания. Она никогда не была «советская», и Маяковский был для неё очередной забавой.

Видела я, Додичка, у товарища Кэмрада[9] № Вашего издания на русском языке. Там идёт речь о похоронах Серова. Есть там строчек 10 и обо мне[10]. Образ Вы даёте трогательный, только, простите, память Вам здорово изменила. Фамилию мою Вы пишите Ланге, а не Ланг[11]. А потом говорите, что я впоследствии вышла замуж за «присяжного поверенного» Попова... Никого Попова я никогда не знала, а мужа моего, Юлия Осиповича Аронсберга[12], Вы ведь хорошо знали. Мой брат Александр (под псевдонимом Миропольский) действительно выпустил книжку стихов

I. Vassieff, now living in New York City: In 1909, three years before his death, Seroff had the idea to draw "shoulder to shoulder" with his students. In his studio class was a twenty-year-old youth whose name was Goldin. When Seroff brought his easel to class, Goldin said to the other students, "See, I shall draw the model better than Seroff." The model and her pose were difficult; Seroff drew stubbornly for a long time. The students, also, did their best. The model was tired; Seroff corrected her pose often. Finally he said, "The position of the model is difficult; even my drawing did not come out satisfactorily."

Then the professor examined the results of his students' efforts, and he broke into praises over Goldin's drawing! For this drawing Goldin, on his final examination, received the title of "artist." This outstanding person did not later accomplish anything. The publisher, Sitin, employed Goldin to draw illustrations, and paid him three hundred rubles a month. But Goldin began to drink and soon vanished into the obscurity from which he had arisen. He remained a legendary figure in the minds of the other students. But this incident concerning such a great artist and man as was Seroff was a lesson to others to keep away from the mob.

Pissaro recommended that we beware "La risee du publique, le dedain des amateurs, la grossiete des critiques d'art." Among the students at the Moscow Academy the sudden death of Seroff produced great sorrow. A committee was formed, and a student delegate from each class was elected. Vladimir Mayakovsky was elected by the figure drawing class, and I was elected from the model (("Naturny") class. We, crowned with wreaths and inscriptions, were assigned to be present at the services and in the funeral procession which was to march to a distant cemetery outside the city limits.

The services which were held at the home of the deceased artist remain in my memory. It was a two-story house located near the Roumainzevsky Museum which is now the Lenin Library. Seroff had lived with his family in the nine rooms of the upper story. I went only so far as the vestibule. At the end of the hall with its polished floors the draped coffin was visible through the palms and curtains. In the hall were the people who came to say the last goodby. The tear-stained face of Madame Giershman was shrouded in mourning. She loved Seroff for the spendid portraits he had painted of her.

The next day the funeral procession gathered in the street. All the commotion and the winter apparel made it hard for me to recognize in the crowd many people known to me. In the beginning the people in the procession were very numerous, but I noticed that more and more people were looking for an alley to duck into or were waiting to be cut off and left behind at some boulevard intersection. I was impressed by the face of a girl whose name was Lange. Her brother was the author of the book, "Lestwistza," and he knew Briusov in the late nineties. He was of that time; the time of the first Russian decadents. He wore a pink shirt and his writing was very enigmatic. He died from tuberculosis without waiting for his fame as a poet-symbolist, like Briusov. Miss Lange also had an attack of tuberculosis but recovered from it, and in 1917 she was married to a lawyer named Popov. Her youth flashed in the funeral procession which filled the narrow streets of suburban Moscow with a black stream; the large crowd was sometimes divided into small brooks, winding to the cemetery in parallel narrow lanes through the labyrinth of old Moscow.

My imagination forced away the dreary flocks of thoughts about the hopelessness of fame, about the uselessness of art to mankind, which otherwise would have seized my whole being in a cheerless, dreary, gloomy mood. In the frosty air the girls' cheeks shone like rose petals and their eyes like the blue boundless ocean. I thought of the young woman and death—Winter and Spring—which all too soon is threatened again by heartbreak and disaster. The funeral procession for Seroff is the only one in which I marched to the end. (November 24, 1911).

From the very beginning the day was cold and frosty. We walked bareheaded for ten miles; at times a blizzard swirled around us, and toward the evening of the short day a heavy mist fell. When we reached the cemetery, I noticed that our company had thinned out; only a group of the nearest relatives, a few stragglers and a mixture of unfamiliar faces who had joined us on the way, drawn by curiosity and wholly unnecessary . . . here, at the sad burial ceremony for the great painter, "brother" of Zorn, Sargent, or Whistler. In the Tzetiakovskaya Gallery is an art-genre of Mrs. Seroff, sitting near a gray wall of a country house. This little, crisp, sorrowful woman seemed more dry and tiny and belittled here; nearby, on the hard fragments of earth the half-orphans stood. The vast emptiness of the outskirts of the cemetery fields were surrounded by a dull painted fence; it looked like a garden where instead of cabbage heads, human skulls would be planted. In the corner of the broad "not sowed by the dead" field stood a brick tower, visible through streaks of dry snow. The speeches began. The flesh and bodies of dead people, even those of dead geniuses, are not wanted by anyone. Like the most unwanted and unpleasant carrion, they are deposited into clay composed of frozen lumps under the dull mica of the winter sky. Over the open grave of Seroff Mayakovsky made a speech in which he said that the deaths of Vrubel (1856-1910) and now Seroff (1865-1911) were a great loss for Russian art, and that the best monument to him would be to adore his works, study them, and to follow his attitude toward art. David Burliuk remained silent; for him it was inconvenient to speak because of the phrase by which he had determined the place of the deceased in the realm of art was still fresh in everyone's mind. The phrase had been thrown from the stage in a defense of the new art:

"Seroff is a good coachman of a spirited 'troika' of Russian art."

CHAPTER V

Mayakovsky and the Theater

On the gray poster of the Moscow Art Theater shines: "Hamlet." It is the production of Gordon Craig and K. S. Stanislavsky. Three years were spent preparing this play for the stage, and the theater lovers grumbled, "How is it that the English genius is not able to cope with 'Hamlet,' and that the rehearsals are taking such a long time?" There were rumors that Craig wanted to do away with not only the footlights, but with the scenery and even the actors as well. He thought of replacing the players with marionettes, which he hoped would give him a perfect rhythm. In December, 1911, I went with Burliuk and Mayakovsky to see this production of "Hamlet." We always bought a ticket, and this time we also got one for our new friend, the eighteen-year-old Mayakovsky. At that time he had no chance to attend the theater unless he obtained a free pass from the Moscow Academy where he was in his second year as an art student.

The performance of "Hamlet" began at 7:30 p.m. The music was furnished by the composer, Satz. Instead of decorations, movable screens of various sizes, and cubes, were used. To portray the beauty and the richness of the place, Craig had some of the cubes covered with gold paper. In other scenes they appeared only gray. On the stage there were no doors, windows, or furniture. Even the most imaginative onlooker was not able to invent anything. In the room of the Queen, Knieper-Chehova, there were several canvass-covered shields. The cemetery scene gave the impression that the action was taking place within the framework of a well. But once one becomes accustomed to the screens, they do not distract you from the performance on the stage.

Ophelia is the finest figure in the dreary "Hamlet." The makeup and costume of Ophelia, who was played by Geowskaja, are splendid. She seems exceedingly thin and transparent. She sings in a weak voice as she plucks the petals from her bouquet, and the public is surprised to notice that the flowers are real.

"Hamlet" is known to the stage of every country in the world. The mystery of this engulfing play is based on material consisting of the ambition, character, and purpose of the theatrical art.

25

Полоса журнала *Color and Rhyme* (1964, № 57) с упоминанием Евгении Ланг

«Лествицу» (т.е. «Чётки»)[13]. Только умер он не от чахотки, а погиб в войну 14-го года, от чахотки же умер — младший брат[14]. Простите за поправки, и всё же большое спасибо за светлый облик, как во сне дошедший до меня из Прошлого. Если у Вас есть ещё этот № — вышлите мне, Кэмрад не хочет уступить своего.

Да, опять «Май-месяц» над Москвой… И даже опять Май-месяц и в душе — ведь душа остаётся вечно юная. Чувствую себя ещё той девушкой из Ваших воспоминаний, которая не верит в холод смерти. В свои 74 года — в него всё ещё не верю.

Крепко вас обоих целую, бесконечно радуюсь Вашей так красочно и полно пережитой жизни и шлю привет всему Вашему милому семейству.

Друг юности,

Женя Ланг

[на полях втиснута приписка:]

Вы пишите, что в письме от 14 апреля пишите о дочери Маяковского[15]. Этого письма не получала. Напишите ещё — очень меня интересует.

2. Ф. .372. К.13. Ед. хр. 15. Л. 3–4 об.

Москва, 15 мая 1964

Милые друзья, Маруся-Додя!

Только что получила вашу открытку с горьким упрёком, что не ответила на посылку печатных материалов. По всей вероятности, вы уже получили моё длинное письмо, и оно разошлось с вашей открыткой. Ещё раз спасибо

за всё присланное (печатное слово и иллюстрации). Две изданных вами книжечки с произведениями Маяковского тоже получила, а предназначающиеся Людмиле Владимировне передам ей по её возвращении с Кавказа, куда она уехала отдыхать. Я вам пишу в письме, которое вы, надеюсь, получили, что какое-то из ваших писем затерялось, — то, в котором вы пишите о дочери Маяковского. В прошлом году был юбилей Владимира Маяковского (70-летие). Через 2 месяца будет 80-летие его сестры — Людмилы Владимировны. В Москве собираются отметить её многолетний труд по поддержке памяти её брата. Она, несмотря на возраст, часто выступает и рассказывает о нём. Выступает в школах, в университетах, на фабриках, выступала и у его памятника под открытым небом. Она всего себя отдала этой деятельности. Её 80-летие состоится 24-го августа — и так всего через 3 месяца…

У нас сейчас стоит хорошая, бодрая, не очень жаркая весна. Голубое небо и солнце. Я не собираюсь на дачу — очень люблю свою родную Москву, и не нарадуюсь, что нахожусь в ней. Сегодня занимаюсь украшением цветами своего балкона, ибо у меня есть довольно большой балкон (мечта всей моей жизни!). С моего восьмого этажа видны 2 высотных дома и масса голубого неба[16]. Внизу, под моими окнами, делают сквер. (Дом — новый, район — новый, и всё вокруг новое! — только Москва-река старая и по-прежнему милая. Да, жаль, ужасно жаль, Маруся-Додя, что вы не собираетесь побывать ещё в Москве… о многом приятно было бы поговорить. Чудесные у вас внучки!! Как прекрасно прожить такую заполненную деятельностью и искусством жизнь и иметь удовольствие любоваться такой прелестной семьей!! Я хоть и жалею, что не увижу вас, — всё же вполне понимаю, что от всего этого уезжать не хочется.

Здоровье моё с наступлением весны сильно улучшается, начинаю бывать на выставках — и готовлюсь к своей. Её собираются делать в «Доме литераторов». Только я сама и пальцем для этого не двину — если устроят, буду рада, а если нет почему-либо — охотно с этим примирюсь, ведь у меня в жизни было столько выставок, что я половину их не помню: много, много раз в Париже (как жаль, что мы там не встретились!!), в Брюсселе, в Ницце, в Савойе, в Монако — а уж не говорю о провинции.

Пользуясь улучшением здоровья, собираюсь летом окунуться в Москву и её окрестности — побродить по «старому», посмотреть «новые» — а того и другого хватит на целую человеческую жизнь, а не только на то короткое время, которое мой возраст мне предоставляет. Правда, говорят, что «инфаркт» — болезнь, от которой выздоравливают, а кроме этого навязавшегося инфаркта ни на что ещё не могу пожаловаться: пишу (кистью) ещё без очков, слух, как в юности, не знаю ревматизмов, ни иных болей, память отличная. Это, мои дорогие, ответ на ваш милый вопрос «как здоровье?».

К сожалению, у меня нет фотоаппарата, да ни у кого из друзей нет, а то бы выслала вам снимки. Мой друг, приезжавший из Парижа, меня снял — прошу его выслать мне снимки для пересылки вам.

Помните, Додя, дом на Сухаревке, в котором бывали у меня и вы, и Маяковский: он чудесно сохранился — что значит изразцы! Такой и стоит себе — зелёный и нарядный. А как Володя над ним когда-то подшучивал: он говорил, что дом этот построен либо сумасшедшим, либо пьяным. А мне приходилось нехотя сознаться, что дом построен женщиной-архитектором[17]. А вышло так, что этот дом удачно справляется с таким врагом, как время.

Ну, совсем я с вами, дорогие друзья, разболталась, забываешь отделяющее нас расстояния, и кажется, что вы совсем близки. Не знаю, писала ли я вам, что от моей квартиры ничего не осталось, ни большой скульптуры Конёнкова «Фавн», ни портретов, ни мебели. Остался один единственный волей Судьбы уцелевший грузинский глиняный кувшинчик, подаренный мне некогда Маяковским… Стоит он теперь у меня и фигурирует в моих последних натюрмортах. Писала ли я вам, что у меня находится и «посмертная маска» Маяковского? Ах, как многое хотелось бы вам рассказать — но для этого нужна бы была целая книга, а не маленький листок почтовой бумаги.

Крепко вас, дорогие друзья, целую и шлю сердечный привет всей вашей семье.

Ваша Женя Ланг

3. Ф. 372. К.13. Ед. хр. 15. Л. 5–6.

Москва, 26 мая 1964

Дорогие друзья Маруся-Додя!

Большое спасибо за полученные мною сегодня ваши очень интересные издания. В английском тексте довольно удачно разбираюсь! Спасибо за снимки картин моего друга в искусстве, того, кого Маяковский так нежно называл: «Додичка».

Как мы пространственно далеки друг от друга и как близки по воспоминаниям прошлого, по столь разно, но одинаково богато прожитому жизненному пути, освещённому Солнцем Искусства, подчас <?> жестоко опалённому… Да, были мы, все трое, «утверждающие себя натуры».

На днях был у меня Вася Каменский и рассказал, что получил от вас ваши издания — я была уверена, что тоже на днях получу — и не ошиблась. Ещё раз спасибо!

На днях отпраздновала своё 74-летнее рождение. Даже удивительно, сколько лет прошло с того дня, что я на Кузнецком мосту появилась на этот столь странный и многогранный свет. Было у меня в этот день много гостей: старых друзей и новых, приобретённых за последние 3 года. А мысленно и вы были со мной — мои старые друзья, вновь обретённые после долгой разлуки.

До чего же мне нравится ваш дом под Нью-Йорком: в нём что-то от Родины, и какие густые подсолнухи! Знаете, Додя, на моей выставке тоже будут подсолнухи (и тоже «во весь рост»), — эти тянущиеся к солнцу цветы всегда были близки моей душе.

Получили ли вы моё предыдущее письмо, в котором писала, что разыскала дом, в котором жил в переулке на Петровке Маяковский? Длинный, двухэтажный, такой ужасно старый дом…

…Я помню старый дом,
с широкой лестницей,
с завешанным окном…[18]

А мне хочется переделать последнюю строку и сказать:

и навсегда завешанным окном.

Мой «инфаркт» переходит, наконец, в стадию зарубцевания, я даже начала опять серьёзно работать, готовлю к осени или зиме свою выставку в «Доме литераторов». Подумать только, что имела свои выставки много раз в Париже, в Ницце,

в Монако, в Шамбери (Савойя), в Брюсселе — а вот в родной Москве дебютирую в 74 года! (И даже речь о том, чтобы отложить выставку на 65-й год — и сделать её моим 75-летним юбилеем.)[19]

Лето — остаюсь в Москве. Очень хорошо на моём 8-м этаже — много, много московского неба и вид на 3!!! небоскрёба, когда они зажигаются по вечерам своими несчётными окошками — я их называю «моими ёлочками».

Крепко вас целую обоих, милые друзья

Ваша Женя Ланг

С Евгенией Александровной Ланг (1890, Москва — 1973, Москва) Бурлюк познакомился в ноябре 1911 г. на похоронах В.А. Серова. Зимой–весной 1918 г. у Ланг возникли близкие отношения с Маяковским. Осенью 1919 г. она уезжает в Германию, с 1924 г. жила в Париже, принимала участие в худож. выставках. В 1962 г. вернулась в Москву. Переписка с Бурлюком началась по её инициативе в январе 1964 г. Адрес художника, проводившего зиму во Флориде, Ланг получила через Н.А. Никифорова (см. примеч. 4 на с. 193).

1 Во Флоренции Ланг провела зиму–весну 1924 г.

2 Ланг имеет в виду май 1918 г. Интересно, что во всех мемуарах Бурлюк всегда указывал, что покинул Москву в первых числах апреля, что невозможно, поскольку из газетных отчётов известно о его участии 14 апреля в диспуте в «Кафе футуристов», на котором присутствовал Луначарский. К тому же съёмки фильма «Не для денег родившийся», в котором он появляется вместе с Маяковским, проходили также в апреле. Как известно, в ночь с 11 на 12 апреля в Москве были арестованы участники многочисленных анархистских группировок, многие из которых были завсегдатаями «Кафе футуристов». Нежелание связывать своё имя с этими событиями, видимо, и является причиной «забывчивости» Бурлюка.

3 Имеются в виду меблированные комнаты «Сан-Ремо», находившиеся в Салтыковском (сейчас — Дмитровском) пер. С декабря 1917 до

конца весны 1918 г., т.е. в период работы «Кафе футуристов» в Настасьинском пер., здесь постоянно останавливался не только Маяковский, но и Бурлюк.

[4] Личность не установлена.

[5] Доходный дом кн. А.Г. Гагарина, в нём же помещался книжный магазин А.А. Ланга, отца художницы.

[6] Евгений Захарович Воробьев (1910–1990), писатель, дружил с сестрой поэта Л.В. Маяковской (1884–1972).

[7] Имеется в виду Н.А. Никифоров.

[8] Речь идёт о Татьяне Алексеевне Яковлевой (1906–1991), возлюбленной Маяковского во время его пребывания в Париже осенью 1928 г.

[9] Имеется в виду литературный критик и писатель Семён (Соломон) Самуилович Кэмрад (Каплан; 1902–1987).

[10] См.: *Color and Rhyme*. 1964. № 57. P. 25.

[11] В публикации фамилия художницы приведена как *Lange*.

[12] Юлий Осипович (Иосифович) Аронсберг (?–1960), адвокат.

[13] Поэт Александр Александрович Миропольский (1872–1917) входил в близкое окружение В. Брюсова, вместе с ним серьёзно увлекался спиритизмом. Его поэма «Лествица» вышла в изд. «Скорпион» в 1903 г. с предисловием Брюсова. Второй заголовок-пояснение («Чётки»), который приводит Ланг, в издании поэмы отсутствует. Видимо, он связывался ею с древнерус. названием чёток («лестовка»).

[14] Роберт Александрович Ланг (1878–1904), работал в страховой компании «Россия».

[15] Имеется в виду Элен Патрисия Томпсон (Джонс; 1926–2016), дочь Маяковского и Е.П. Зиберт, с которой поэт познакомился во время своего пребывания в Америке.

[16] В Москве Ланг получила квартиру в 9-этажном доме № 10 на Смоленской ул., построенном в 1963 г. Высотные дома, которые Ланг видит из своего окна, это — здание МИДа на Смоленской пл., жилой дом на Кудринской пл. и здание гостиницы «Украина».

[17] Речь идёт о «Доме с изразцами» на углу Б. Сухаревской пл. и Панкратьевского пер. Дом построен архитектором С.К. Родионовым для домовладелицы М.Н. Миансаровой.

[18] Из стихотворения Я.П. Полонского «Затворница».

[19] Выставка не состоялась.

AUSABLE FORKS
NEW YORK

February 1, 1958

Dear Mr. Burliuk:

I have been a very poor correspondent, but I find myself immersed in so many activities that it is hard to get the time for friendly letter-writing.

I have just had a warm letter from your friend, Mr. Nikiforov. He has been to see my exhibition in Moscow, which he liked tremendously. The show has doubtless closed in Moscow, and the pictures may now be in Leningrad, where they are to be shown at the Hermitage. And from Leningrad they go to Riga.

I trust that you and your wife are well and that this new year of 1958 proves a happy one for you and all the world.

Faithfully yours,

Rockwell Kent

Письмо Рокуэлла Кента к Д.Д. Бурлюку от 1 февраля 1958 года

Р. Кент

1. Ф. 372. К. 17. Ед. хр. 97. Л. 1.

1 февраля 1958

Уважаемый г-н Бурлюк,

Я слишком плохой корреспондент, так как вовлечён во множество занятий и трудно найти время для дружеского письма.

Я только что получил тёплое письмо от Вашего друга г-на Никифорова[1].

Он был на моей выставке в Москве, которая ему чрезвычайно понравилась[2]. Выставка, несомненно, уже закрылась в Москве, и картины сейчас должны быть в Ленинграде, на выставке в Эрмитаже. А из Ленинграда они поедут в Ригу.

Верю, что Вы и Ваша жена здоровы, и что новый 1958 год окажется счастливым для вас и всего мира.

Искренне Ваш,

Рокуэлл Кент

2. Ф. 372. К. 17. Ед. хр. 97. Л. 2.

15 апреля 1966

Уважаемый г-н Бурлюк,

От всего сердца поздравляю Вас с грандиозной выставкой в *Grosvenor Gallery*[3]. Это было действительно впечатля-

ющее событие, принесшее Вам известность и признание в Англии, которых ранее Вам, насколько я знаю, не удавалось добиться. Хотелось бы увидеть эту выставку и разделить с Вами торжество.

Герберт Маршалл[4] написал увлекательное и содержательное вступление. В совокупности с Вашими работами это позволит Вам получить высокую оценку среди английских любителей искусства и художников. Мы знаем Маршаллов, благодаря встрече в Москве в 1962 году, и встрече в Киеве, на праздновании Шевченко, два года назад.

Вас ожидает триумфальное возвращение в Америку — выдающееся достижение американца в дни, когда мы завоевали ненависть народов столь большой части мира[5]. Надеюсь, что эта поездка, со всеми сопровождающими её волнениями, дала Вам и Марусе сильнейшие, но вдохновляющие переживания.

Мы с нетерпением ждём публикации рассказа в вашем журнале об английской победе.

С нетерпением жду встречи с Вами в Колд Спринг Харбор[6] в августе.

С самыми теплыми пожеланиями, искренне Ваш,

Рокуэлл Кент

Рокуэлл Кент (1882, штат Нью-Йорк — 1971, штат Нью-Йорк), амер. художник и обществ. деятель. Первое письмо было опубликовано на англ. языке в журнале *Color and Rhyme* (1958. № 35. P. 13).

[1] В письме к Никифорову (см. примеч. 4 на с. 193) от 15 июля 1957 г. Бурлюк даёт следующую характеристику Р. Кенту: «Он богат, миллионер, "славен", коммерчески успешный художник, вроде того чем и кем был Рерих» (*Бурлюк Д.* Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011. С. 78).

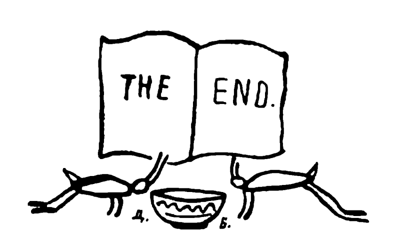
[2] Выставка произведений Р. Кента проходила в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве в декабре 1957 г. В 1958 г. она была показана в Ленинграде, Риге, Киеве и Одессе.

[3] Первая персональная выставка Бурлюка в Англии проходила в лондонской галерее Гросвенор с 15 марта по 7 апреля 1966 г.

[4] Герберт Маршалл (1906–1991), англ. драматург, критик, много писал о рус. театре и кино, переводил на англ. язык Маяковского, Шевченко, Евтушенко. В 1930-е гг. учился во ВГИКе в Москве, где и познакомился с будущей женой — Фредой Бриллиант (1903–1999), скульптором и актрисой, родом из Польши. Выставка Бурлюка в Лондоне была организована по инициативе супругов Маршаллов.

[5] Речь идёт об участии США во вьетнамском конфликте. С весны 1965 г. начались регулярные бомбардировки городов Северного Вьетнама.

[6] Колд Спринг Харбор — курортный городок на севере Лонг-Айленда, в худож. галерее которого в августе 1966 г. проходила выставка Р. Кента. Дом Бурлюков находился в Хэмптон-Бейс в восточной части Лонг-Айленда.

THE
END.
Д.
Б.

Список иллюстраций

«Мой дорогой, старинный, но вечно молодой друг, Давид Бурлюк!»
Письма художников к Д.Д. Бурлюку. —
М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2018. — 216 с.
ISBN 978-5-904099-30-5
Тираж 800 экз.

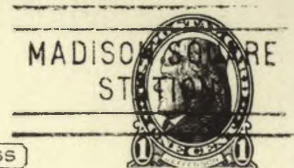
На обложке:
Фотографии офисов почтовой связи. Нью-Йорк, 1940-е.
Фотоархив Библиотеки Конгресса США

ООО «Издательство Грюндриссе»
e-mail: info@grundrisse.ru
http://www.grundrisse.ru

Отпечатано в типографии «Парето-Принт», г. Тверь
Заказ № 06337/18

THIS SIDE OF CARD IS FOR ADDRESS

— М.В. Матюшин
— К.С. Малевич
— П.К. Голубятников
— В.Н. Пальмов
— Е.Д. Спасский
— А.В. Лентулов
— Ю.Ю. Блюменталь
— Н.В. Кузьмин
— Б.Д. Григорьев
— Н.С. Циковский
— С.Ю. Судейкин
— А.М. Белокопытова
— К.А. Терешкович
— Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов
— В.Н. Масютин
— И.П. Загоруйко
— Д.М. Краснопевцев
— Е.А. Ланг
— Р. Кент

2018 GRUNDRISSE